

ISSN 0131-6656

СМОНА

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ • ЖЕНСКИЙ КРУГ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

6'93

АГАТА КРИСТИ •

КАК РАСТЕТ ВАШ САД?

Тутаевская идилия

(Читайте стр. 4.)

6'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 26.03.93.
Подписано к печати 22.04.93.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. п. 23,10.

Тираж 429 300 экз.

Заказ № 305.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14,

212-15-07 — для справок

257-30-55 — отдел писем

и распространения

250-49-98 — отдел рекламы,

Факс (095) 250-59-28.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

Б (1544) ИЮНЬ

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.
© Издательство «Пресса»,
© «Смена», 1993.

Проза

26

РАДА ПОЛИЩУК. НЕПРОШЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ
Рассказ

114

АГАТА КРИСТИ. КАК РАСТЕТ ВАШ САД?
Рассказ

178

ГОР ВИДАЛ. ГОРЯЧЕЕ ДЫХАНИЕ СМЕРТИ
Детектив*Поэзия*

21

НАТАЛИЯ ВОРОБЬЕВА, АЛЕКСЕЙ ПРОКОПЬЕВ

51

СВЕТЛАНА ФЕТИСОВА

134

**ВИКТОР КАРПУШИН, ВАЛЕРИЙ КРАСКО, ЕКАТЕРИНА
КОЗЫРЕВА**

147

АЛЛА ШАРАПОВА*Человек и общество*

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ТУТАЕВСКАЯ ИДИЛЛИЯ

41

МИХАИЛ КОБИЩАНОВ. ТУРЦИЯ — СВЕТ В КОНЦЕ
ТОННЕЛЯ?

52

СЕРГЕЙ БАЙМУХАМЕТОВ. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

70

МАРИЯ ТЕЛИШЕВСКАЯ. НАЙТИ НИТОЧКУ ЧТОБЫ
РАСПУТАТЬ УЗЕЛ

80

СИГИЗМУНД ЛИБРОВИЧ. ЖЕНСКИЙ КРУГ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
Исторический очерк

На нашей
обложке:
фотоэтиюд
АЛЕКСАНДРА
ДОРОШЕНКО

98

ВЛАДИМИР СЕМИН. СВЯТЫНЯ

138

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. МЕСТО ЖИЗНИ

Культура, музыка, искусство

148

ПИТЕР БРАУН, СТИВЕН ГЕЙНС. ЛЮБОВЬ, КОТОРУЮ ТЫ ОТДАЕШЬ

175

ВЛАДИМИР МАРКИН: «У ВСЕХ НАС БЫЛО ТРУДНОЕ ДЕТСТВО»

287

АЛЛА ПАВЛЕНКО. АЛЕКСАНДР ЗАВАРИН

64, 110

ВАШИ ПИСЬМА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

7•93

3

■ **ДЖОН ФАРИС.** «КОГДА ЗВОНИТ МАЙКЛ»

Представляя одну из лучших работ своего любимого писателя и наставника — роман «Когда звонит Майкл», Стивен Кинг говорит: «Книга Фарриса — это прежде всего удивительно захватывающий сюжет, который от страницы к странице все больше накаляет ваши нервы и вдруг подводит к совершенно неожиданной развязке...» И с ним трудно не согласиться: напряженная нить расследования вьется вокруг цепи загадочных смертей, каждую из которых предвещает телефонный звонок с того света...

■ **СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА.** «ПОРТРЕТ В РИФМОВАННОЙ РАМЕ»

14 октября 1990 г. в Петербурге на 96-м году жизни умерла «прекрасная дама серебряного века» — поэтесса Ирина Владимировна Одоевцева.

Почти вся ее творческая жизнь прошла в Париже, куда она в 30-х годах эмигрировала со своим мужем Георгием Ивановичем. И лишь в возрасте 92 лет Ирина Одоевцева вернулась на родину. Мужественно перенося тяжелый недуг, она умела быть счастливой, говоря при этом, что «возраста вообще не существует».

«...ты заброшена в наше пространство, где тебе даже звезды чужды» — писал Георгий Иванов. И эти слова были действительно о ней, женщине необыкновенной, ни на кого не похожей...

■ **АНДРЕЙ ЕФИМОВ.** «КЛЕЙМЕНАЯ ГРАФИНЯ»

Нашумевшая в свое время история с бриллиантами французской королевы Марии Антуанетты имела неожиданное продолжение в России...

АНОНС:

ГОР ВИДАЛ

Горячее дыхание

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

ДНИ СМЕРТИ

Смерть крошки Пичис Сандоу под ногами взбесившегося слона на арене «Мэдисон Сквэр Гарден» поначалу считали трагической случайностью — из разряда тех, которые время от времени происходят в цирке. Однако несколько дней спустя пошли разговоры о том, что здесь что-то нечисто.

Сообщение о случившемся я прочитал в «Дейли ньюс». Там было немало интересного. Кто-то что-то слышал, кто-то кому-то угрожал, какой-то неизвестный сделал в полиции сенсационное заявление и тому подобное. Все это было очень странным.

Мисс Флинн, выполнявшая роль моего секретаря и доверенного лица — пожилая решительная дама, с безжалостной, но приятной сединой, — по своему обыкновению бросила на меня взгляд через плечо.

— Надеюсь, вы не собираетесь...

— Вмешиваться в это скверное дело? Нет, не собираюсь. По крайней мере до тех пор, пока меня не попросят об этом, что маловероятно, поскольку у цирка есть свои каналы связи с общественностью...

— А вы не исключаете того, что какой-нибудь работник цирка, зная ваше пристрастие к криминальным историям и темным личностям, решит воспользоваться вашими услугами...

— Ну, сперва ему придется отыскать меня, а я собираюсь на какое-то время исчезнуть. В общем, считайте, мисс Флинн, что меня здесь уже нет.

Секретарша явно была сбита с толку.

— Я уезжаю на уик-энд, — пояснил я.

Наконец-то до нее дошло.

— Вы хотите принять предложение миссис Вииринг и посетить ее роскошный особняк на Лонг-Айленде?

— Да, на этот раз решено. Нет причин околачиваться здесь. Август — мертвый сезон. Дел у нас практически нет, так что вы с ними прекрасно справитесь сами. — Она кивнула. — Значит, так, я поеду в Истхэмптон и посмотрю, что ей от меня надо.

В последнее время дела явно пошли на спад. В августе жизнь в Нью-Йорке замирает, и каждый спасается от жары. Загадочное послание от миссис Вииринг пришло как раз вовремя.

«Моя приятельница Альма Эддердейл, как мне известно, ваша хорошая знакомая. Так вот, я обращаюсь к вам от ее имени. Мне бы очень хотелось, чтобы вы приехали ко мне в пятницу и провели у меня уик-энд. Мы могли бы обсудить с вами один небольшой проект, в котором я заинтересована. Как только примете решение, дайте знать. Уверена, что вы не подведете меня.

Искренне ваша Роза Клейтон Вииринг».

Гор Видал, американский прозаик, драматург и эссеист, родился в 1925 году в Вест-Пойнте. Вырос в семье деда — вашингтонского сенатора Гора, а с 1961 года живет в Риме. Видал — автор романов, связанных с историей США: «Уилливо», «Юлиан», «Сотворение мира», «Вашингтон, округ Колумбия», «Бэрр», «1876», пяти сборников эссе и нескольких пьес. Детективные романы публиковал под псевдонимом Эдгар Бокс.

Таково было содержание письма на плотном листе дорогой бумаги, вложенном в конверт с ничего не говорящим адресом на нем:

«Норт-Дюнз, Истхэмптон, Лонг-Айленд, Нью-Йорк».

Никакого намека на то, что же она хочет.

Моим первым желанием было написать ей и спросить, что конкретно она от меня ждет. Но августовская жара ослабила мой профессионализм. Уик-энд в Истхэмптоне, в большом особняке...

Я продиктовал телеграмму о том, что принимаю приглашение. Записывая ее, мисс Флинн несколько раз фыркнула, но не произнесла ни слова. Затем деловым тоном я отдал несколько указаний, прекрасно зная, что в мое отсутствие мисс Флинн сделает все по своему усмотрению.

Мы с важным видом распрощались, и я вышел из конторы.

2

Экспресс «Лонг-Айленд — Кэнион-Болл» медленно покинул станцию. Все говорило о том, что и года не пройдет, как он доберется до Монтока, оконечности Лонг-Айленда, а если нет... ну что ж, все, отправляющиеся в путь по этой дороге, подвергаются опасности и прекрасно знают об этом. Клубы дыма пахнули в лицо из открытого окна. От неудобной спинки сиденья у меня быстро затекли ноги. Солнце светило прямо в глаза.

«Джорнэл Америкен» был целиком посвящен описанию убийства Пичис Сандоу, хотя никаких конкретных фактов не приводилось. Впрочем, это мало волнует прессу. Главное, чтобы побольше было красочных описаний полуобнаженных девиц в блестящих накидках и с перьями на голове. Сама же Пичис Сандоу при жизни была аляповато одетой лилипуткой средних лет с короткой стрижкой в духе двадцатых годов.

Я был целиком увлечен статьей в «Нью-Йорк глоуб», написанной моим старым знакомым и соперником Элмером Бушем, когда моей ноги коснулось аппетитное бедро и нежный женский голос произнес:

— Прости... Боже, да это, кажется, Питер Сарджент.

— Лиз Безземер!

Мы уставились друг на друга в изумлении, хотя удивляться было нечему, ведь мы встречались чуть ли не каждый месяц на том или ином приеме, и я не раз пытался договориться с ней о встрече, но безуспешно, поскольку по природе я робок, а вокруг нее постоянно крутятся молодые парни.

Удивление переросло в восторг, по крайней мере с моей стороны, когда я узнал, что она собралась навестить тетю с дядей, проживающих в Истхэмптоне.

— Мне обязательно нужно было развеяться, а поскольку мамуля сейчас находится в Лас-Вегасе, добиваясь развода, я решила съездить к своей тетушке, которая зазывала меня к себе все лето. Так, значит, вы тоже туда направляетесь?

Я кивнул. Мы еще немного поговорили на эту тему. Оказа-

лось, что ей известна миссис Вииринг и она даже знает, где та живет — всего в полумиле от дома ее тетки!

— Надеюсь, вы не относитесь к числу друзей миссис Вииринг... Я хочу сказать, она очень мила, но знаете ли...

— Себе на уме?

— Это мягко сказано.

Лиз скорчила рожицу.

— Ну, это только работа, — туманно бросил я. — У нее родился какой-то план или что-то в этом роде, и она хочет, чтобы я проконсультировал ее. Такова, черт побери, жизнь. Вот почему я выбрался из города на уик-энд, а может быть... и побольше, — осторожно добавил я, но Лиз, полностью соответствуя распускаемому о ней слухам, была действительно самой неромантической девушкой Нью-Йорка, из тех, кто не любит свидания при луне и презирает обмена многозначительными взглядами в переполненных комнатах.

Она холодно посмотрела на меня.

— У вас ведь своя собственная фирма, так?

— Да, — кивнул я, — с тех пор, как я оставил редакцию «Глоуб».

— Должно быть, это ужасно интересно. А я сейчас работаю в «Харперс базар».

— Я даже не знал, что вы работаете.

— Да, работаю. Точнее, подрабатываю.

— И что вы там делаете?

— Ну... как бы объяснить... Впрочем, вам это хорошо известно.

182 Действительно, мне это было известно. Во всем Нью-Йорке немало таких неопределенного возраста изящных девушек, совсем небедных, с жемчужными комплектами фирмы Текла и набором черных платьев, девушек, которые между посещением занятий в колледже и своим первым замужеством подрабатывают в журналах мод. Они очаровательны, обожают искусство больше любого бизнеса и постоянно фланируют от картинных галерей на 57-й стрит до «увеселительных вечеринок» на Секонд-авеню, где представители высокой богемы дают коктейли в честь знаменитостей.

Мы поговорили о наших общих знакомых. Я слишком мало общался с людьми ее круга, но хорошо их знал. Я спросил Лиз, что ей известно о миссис Вииринг.

— Вряд ли я знаю о ней больше других. Просто на нее все время натыкаешься, вот и все. Она приехала откуда-то с Запада. Кажется, после смерти мужа ей досталось немалое состояние. Наверняка она пытается пробиться в светское общество, разыгрывая из себя безутешную вдову.

Мы перевели разговор на другие темы и в конце концов договорились встретиться в субботу вечером в яхт-клубе, где намечались большие танцы. Затем погрузились в изучение наших газет, а поезд тем временем мчался среди зеленых равнин острова, минуя его основное богатство — многомиллионные стада белых уток и огромные картофельные поля. Незадолго до прибы-

тия в Истхэмптон мы оба пришли к выводу, что несчастную Пичис Сандоу действительно кто-то намеренно толкнул под ноги слона. Но кто?

3

«Норт-Дюнз» — «Северные Дюны» — оказался большим деревянным домом, расположенным на вершине дюны к северу от яхт-клуба «Лейдинок», который, в свою очередь, располагался к северу от Истхэмптона.

Меня встретил неряшливого вида парень в водительской кепке и плаще. Он сразу же меня признал и заявил, что послан миссис Вииринг за мной. Я влез в почтовый фургон, стоявший среди прочих у железнодорожного пути, помахал Лиз, которая села в аналогичный фургон, откинулся на подушки и в полном молчании миновал красивый, сельского типа городок, огромные вязы и серебристый пруд.

По берегу океана, среди пустынных дюн, между небольших групп камней, темнеющих на фоне белоснежного песка, возвышались унылые дома. Буйный золотисто-зеленый поток Мейдстона придавал приятный, какой-то упорядоченный вид дороге, бежавшей к северу от городка в сторону Монтока, где располагались большие дома и коттеджи летних резиденций.

«Норт-Дюнз» был одним из самых больших и мрачных зданий. Со стороны океана к нему примыкала застекленная веранда, в остальном он ничем не отличался от прочих беленых построек.

Внутри же он производил более благоприятное впечатление. Худощавый дворецкий взял мой чемодан и проводил меня в освещенную солнцем большую комнату, расположенную в южной части дома. Стены ее были затянуты шелком, а из окон открывался прекрасный вид на площадку для игры в гольф и на океан.

Миссис Вииринг приветствовала меня, поднявшись с кресла.

— Вы даже не представляете, мистер Сарджент, как я рада, что вы откликнулись на мое приглашение.

Она сердечно пожала мне руку. Это была солидная, интеллигентного вида женщина с копной голубых волос и белым лицом, бесстрастно взиравшая на мир своими маленькими синими глазами. Ей было уже за пятьдесят. Грудь напоминала огромную, набитую песком торбу, а ясный, отчетливый голос звучал как-то странно.

— Садитесь сюда. Может, чего-нибудь выпьете? Я прикажу... Впрочем, вы сами можете сделать по собственному вкусу. Бар вон там.

Я сделал себе виски с содовой, а ей налил немного дубонне со льдом. Затем опустился в мягкое кресло напротив нее и застыл в ожидании. Но миссис Вииринг не торопилась переходить к делу.

— Альма Эддердейл приезжает на следующей неделе, в понедельник. Вам известно об этом? Я просто обожаю ее. Она остановится в «Си-Спрей». Она ведь ваш старый друг, да? Я, конечно, тоже хочу с ней увидеться и с удовольствием пригласила бы ее

к себе, но она предпочитает одиночество, а у меня, как назло, в этот уик-энд дом полон гостей.

— Интересно... — начал я, надеясь сразу же перейти к делу.

— Вы не возражаете, если я еще выпью? Да, пожалуй, мне стоит выпить. Мой доктор уверяет, что мне это на пользу. «Перед обедом, Роза, надо выпивать чуточку дубонне, чтобы разогреть кровь».

Я налил ей в высокий стакан столько этого напитка, что его, по-моему, было вполне достаточно, чтобы довести ее кровь до кипения. Двумя глотками она осушила бокал, и мне сразу же стала ясна одна из ее проблем. Но, как бы то ни было, выпивка, видимо, действительно шла ей на пользу. Ее глаза заблестели, она поставила бокал на стол и произнесла:

— Обожаю смесь, а вы?

— Смесь чего, миссис Вииринг?

У меня было такое ощущение, что мы работаем на разных частотах.

— Людей. Чего же еще? — Она улыбнулась ослепительной улыбкой, блеснув белоснежными зубами. — На этот уик-энд я попыталась собрать вместе интересных людей... не просто известных в обществе, а интересных самих по себе. Среди них — Брекстон.

Она замолчала, давая мне возможность оценить сказанное.

Это действительно произвело на меня впечатление, точнее удивило. Мой интерес к современной живописи колеблется где-то между нулевой отметкой и минусом десять. Тем не менее, имея возможность крутиться в нью-йоркских претенциозных кругах, я приобрел некоторые знания и мог без особого труда отличить Мотервелла от Стьюмпфига. Брекстон — один из нынешних героев 57-й стрит. Ежегодно журнал «Лайф» совершает со своими читателями прогулку по его студии. Он выставляется в галереях и считается крупным профессионалом. Поэтому известие о том, что он гостит у миссис Вииринг, не могло не удивить.

Но тут все встало на свои места.

— Его жена Милдред — моя племянница, — заявила миссис Вииринг, тщательно высасывая из кусочков льда последние остатки дубонне. — Вы не представляете себе, что творилось в нашей семье десять лет назад, когда она вышла за него замуж! Я хочу сказать, нам даже в голову не приходило, что он станет знаменитым.

Я заметил, что такие браки всегда представляют определенный риск.

— Но как бы то ни было, я ужасно рада, что они гостят у меня. С Брекстоном совсем не скучно, что довольно непривычно. Я обожаю и искусство, и художников. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. Творческие личности не похожи на простых смертных, разве не так? — Миссис Вииринг налила себе очередной бокал дубонне. С восхищением я заметил, что рука у нее даже не дрогнула. Она говорила не умолкая. — Затем, здесь гостят Клейпулы. С ними так весело! Знаете, они из Ньюпорта. Брат и сестра, причем удивительно привязаны друг к другу. Согласитесь, такое редко бывает.

Затем миссис Вииринг рассказала о других гостях и добавила, что все они мне хорошо известны, поэтому она не будет больше утруждать меня информацией о них... тем более что это не имеет особого значения. Из этих слов я понял, что мои обязанности не будут иметь никакого отношения к гостям. Она уже собиралась рассказать о своей последней гостье — Мэри Уэстерн Ланг, писательнице, как вдруг комнату почти неслышно пересек дворецкий и что-то прошептал ей на ухо. Миссис Вииринг молча кивнула и, не сказав ни слова, жестом приказала ему удалиться. Под белым гримом проявился алкогольный румянец.

— Я перейду прямо к делу, мистер Сарджент. Мне нужна помощь. Что касается основной причины, по которой я пригласила вас сюда, я сразу же в общих чертах изложу детали. Я планирую в День труда¹ устроить прием, и мне бы очень хотелось, чтобы он стал сенсацией в Хэмптоне. Все должно быть со вкусом, это, я надеюсь, вам понятно. Прием должен получить самое широкое освещение в прессе, хотя мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что я наняла агента по рекламе.

— Мой гонорар... — робко начал я.

— Никаких проблем, — ответила миссис Вииринг деловым тоном. — Составьте мне сегодня вечером записку о том, что вам необходимо для работы, включая, естественно, ваш гонорар. Я удовлетворю все ваши требования.

Последующие несколько замечаний, излагавшие причины ее обращения ко мне и ее намерения, наполнили мою душу восхищением.

— Я пригласила вас по одной простой причине — помочь мне организовать прием и его рекламу. Вы будете находиться здесь в качестве гостя, так что, надеюсь, никто не вздумает задавать вам вопросы. Никому не рассказывайте о том, чем занимаетесь. Делайте вид, что вы... писатель, — довольно игриво закончила она.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Завтра я пройду с вами по списку приглашенных. Затем мы обговорим, как лучше всего организовать рекламу. Это очень важно. А теперь вы, наверное, хотите подняться к себе в комнату. Обедаем мы в восемь тридцать. — После паузы она добавила: — Можно вас попросить об одной любезности?

— Какой, миссис Вииринг?

— Что бы вы ни увидели и ни услышали здесь, не обращайтесь внимания... и держите язык за зубами.

Когда она произнесла эти слова, ее довольно глупое лицо приобрело торжественно-бледный вид. В особенности меня встревожило выражение ее глаз. Похоже, она чего-то опасалась. Интересно, чего? Я даже подумал, может быть, она несколько с приветом?

— Конечно, я никому ничего не скажу, но...

Она вдруг быстро оглянулась по сторонам, как будто боялась, что нас подслушивают.

¹ Национальный праздник США. Проводится в первый понедельник сентября. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Ну, а теперь, пожалуйста, идите.

В холле раздались шаги. Кто-то шел в нашу сторону. Я уже был у двери гостиной, как миссис Вииринг снова обратилась ко мне:

— О, мистер Сарджент, вы не будете возражать, если я вас буду называть Питером?

— Конечно, не буду...

— А вы должны называть меня Розой.

Эти слова прозвучали как приказ.

Я вышел в холл, едва не столкнувшись с бледной молодой женщиной, которая что-то пробормотала, но не разобрал, что именно. Она проскользнула в гостиную, а я стал подниматься по лестнице. Служанка подсказала мне, где находится моя комната.

Я чувствовал себя не в своей тарелке, если не сказать — хуже. Я даже подумал: может, лучше забрать свои вещи и укрыться в одной из местных гостиниц, скажем, в «Харчевне 1770 года»? Мне не нужна работа, которая не дает возможности отдохнуть, а при складывающихся обстоятельствах отпуск может быть совсем не запланирован. Все-таки миссис Вииринг — странная женщина. Алкоголичка. Как она нервничала, как была встревожена! Но почему?

Только из любопытства я решил остаться. И это была ужасная ошибка.

4

186 В восемь часов я спустился вниз. Правда, перед этим я принял хорошую ванну, совершил церемониал одевания, во время которого ознакомился со своей прохладной, но хорошо обставленной комнатой. Гости кружили по большой комнате, веселой и залитой светом, шторы в которой в связи с наступлением вечера были опущены. Внизу собрались все, за исключением нашей хозяйки.

Женщина, с которой я столкнулся раньше, пришла мне на помощь. Стройная, не старше тридцати лет, с симпатичным, но маловыразительным лицом и в сером, несколько старомодном, не в духе двадцатого века, костюме.

— Меня зовут Элли Клейпул, — произнесла она с улыбкой, протянув мне руку, которую я пожал. — Мне кажется, мы уже сталкивались с вами.

— В холле? Да, это так. А я — Питер Сарджент.

— Проходите. Я вас познакомлю с гостями. Пока Роза занята.

И она повела меня по комнате, выполнявшей роль гостиной.

На чудесном диванчике, рассчитанном на двоих, едва умещалась в одиночестве Мэри Уэстерн Ланг, знаменитая писательница, — пухлое, с многочисленными слоями жира создание с персикового цвета кремом, едва прикрывавшим ее землистый цвет лица, и волосами, окрашенными в сногшибательный серебристый цвет. Из-за того, что она была безобразно жирна, алые широкие брюки казались более чудными, чем были на самом деле.

Следующая остановка произошла в другом конце комнаты, где

миссис Брекстон, невысокая темноволосая женщина с фаянсово-голубыми глазами просматривала стопку книг по искусству. На мое появление она отреагировала кивком головы. Брекстон, исследовавший поднос с напитками, оказался более любезным человеком. Я его сразу же узнал по его картинам: маленький, сутуловатый сорокалетний мужчина с песочного цвета усами, с веснушчатой лысой башкой, очками в тяжелой оправе и обыкновенными, ничего из себя не представляющими чертами лица, которые хорошо запомнились по некоторым его парадным автопортретам.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, добавляя лед в мартини-шейкер.

— Не откажусь от мартини, — произнес я. — Может быть, помочь?

— Ну что вы. Я это делаю за считанные секунды.

Когда он манипулировал шейкером, я обратил внимание на его длинные руки. Удивительно мощные руки, на ногтях была краска... следы профессии.

Элли Клейпуд представила меня своему брату, который спрятался от нас в алькове, в противоположном конце гостиной. Он был очень похож на сестру, только года на два постарше. Симпатичный парень в твидовом костюме.

— Рад с вами познакомиться, Сарджент. Вот роюсь у Розы в книгах. У нее есть просто чудесные вещи, жаль, что она сама, можно сказать, неграмотна.

— А почему бы тебе не позаимствовать их? — с улыбкой спросила Элли, обращаясь к брату.

— Возможно, я так и сделаю.

Они украдкой взглянули друг на друга — черта, характерная для замужних пар, но как-то не подходившая для брата и сестры.

Затем, вооруженные мартини, мы присоединились к писательнице. Все опустились в кресла у камина, за исключением мистера Брекстона, который застыл в дальнем конце комнаты. В тот вечер в атмосфере чувствовалось какое-то ожидание, странная напряженность, как во время затишья перед грозой.

Я беседовал с Мэри Ланг, сидевшей по правую руку от меня на диванчике. Поинтересовавшись, давно ли она обосновалась в Истхэмптоне, я окинул взглядом всю комнату, одновременно прислушиваясь к другим разговорам. Внешне все казалось нормальным.

Клейпуды оживленно спорили с Брекстоном по поводу живописи. Никто не обращал внимания на миссис Брекстон. Все делали вид, что просто не замечают ее. На самом же деле что-то было не так.

Мэри Уэстерн Ланг щебетала, не умолкая ни на секунду. Голос у нее был резкий, но не громкий. Я умудрился оторваться от нее и, пообещав принести коктейль, прошел к бару. Когда я наливал разбавленные водой остатки мартини из шейкера в свой бокал, ко мне неожиданно подошла миссис Брекстон.

— Сделайте мне тоже один, — произнесла она едва слышно.

— Да? Ради Бога. Вам сухой?

— Все равно какой.

Она бросила взгляд на мужа, сидевшего спиной к нам. Он о чем-то спорил и энергично жестикулировал. Ее лицо ничего не выражало, но я чувствовал, как от нее исходит какой-то холод.

Я быстро сделал для нее коктейль и еще один для Мэри Уэстерн Ланг. Не сказав даже «спасибо», миссис Брекстон присоединилась к группе, сидевшей у огня. Разговаривала она, насколько я помню, только с мисс Клейпул, совершенно игнорируя при этом мужчин, продолжавших спорить. К сожалению, говорили они очень тихо, и я ничего не разобрал. Но, о чем бы ни был этот разговор, мне не понравилось, как сжались тонкие губы миссис Брекстон и недовольно вытянулось ее лицо. Поскольку примоститься было негде, я вернулся к обществу мисс Ланг.

— Роза сообщила мне, что вы писатель, мистер Сарджент.

«Черт побери, не могла ничего получше придумать», — с раздражением подумал я про себя и пустился на хитрость, отчасти сказав правду.

— Я какое-то время работал помощником театрального критика в «Нью-Йорк глоуб», правда, несколько лет тому назад я оттуда ушел... чтобы целиком посвятить себя написанию романа.

— О-о! Как интересно! Бросить все на ветер! Целиком посвятить себя искусству! Как я вам завидую и как восхищаюсь вами! Позвольте мне быть вашим первым читателем и критиком!

Я что-то пробормотал о том, что он еще не закончен, и она отцепилась. Ее громадная грудь тяжело вздымалась.

— Я сделала то же самое. Много лет тому назад. В Рэдклиффе. Однажды, придя домой из школы, я сказала своим, что собираюсь стать Писательницей с большой буквы. И стала ею! Моя семья проживала в Бостоне. О, это настоящие пуритане! Но они были тронуты, когда я написала «Разговоры маленькой Бидди». Возможно, вы помните эту книжку. О ней еще писали, насколько мне помнится, как о лучшей детской книге. Даже сейчас новое поколение детей в восторге от нее. Их письма ко мне просто согревают душу.

«Сказать точнее: раздрают, а не согревают», — подумал я про себя.

Затем Мэри Уэстерн Ланг со всей полнотой изложила мне всю свою невероятную карьеру. Мы уже почти дошли до конца, как я вдруг поинтересовался, где же наша хозяйка. Мэри Ланг на секунду задумалась, а затем пробормотала:

— Роза часто запаздывает. — Она явно чувствовала себя не в своей тарелке. — Впрочем, вы ее друг и должны знать об этом.

Я в полной растерянности кивнул головой.

— Даже если так...

— Это еще хуже. Как бы мне хотелось ей помочь, но, боюсь, если ее не послать в лечебницу, ничего хорошего не будет... но, поскольку она не сознает этого, я даже не представляю, как мы, самые старые и преданные ее друзья, можем подойти к ней. Вы же знаете, какой у нее характер!

Мисс Ланг пожала плечами.

— Мне показалось, что она сегодня вечером несколько, как бы это сказать, встревожена. Она...

Мисс Ланг театральным жестом коснулась моего левого бедра. Длилось это всего несколько минут, но у меня было такое ощущение, будто мне на ногу опустилась свинцовая плита.

— Я боюсь за нее! — едва дыша, таинственным голосом прошептала она. — У нее вот-вот будет срыв. Ей почему-то кажется, что все прямо-таки жаждут ее смерти.

Наконец-то все прояснилось. Я с облегчением вздохнул. Ясно: миссис Вииринг — психопатка и никакой угрозы ее жизни, как я первоначально думал, нет. Я расслабился, возможно, даже чересчур.

— Да, она мне говорила что-то вроде этого.

— Бедная Роза. — Мисс Ланг покачала головой и неохотно убрала руку с моего, видимо, чрезвычайно притягательного бедра. — Все это началось несколько лет назад, когда ее не включили в «Социальный регистр Нью-Йорка», куда вносятся имена наиболее известных людей города. Как она переживала! И мы вместе с нею. Какое это было время! И вот именно тогда... — Мисс Ланг оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не слышит, и продолжала: — Стала выпивать. Помню, я еще сказала Элли Клейпул, что, если Роза не возьмет себя в руки, она...

Не знаю, успела Роза взять себя в руки или нет, но в этот момент она вошла в гостиную. Миссис Вииринг была в ярком вечернем платье, выглядела необычайно привлекательной и совершенно трезвой, если не забывать, что она уже умудрилась выпить не меньше галлона дубонне.

— Привет, ребята! — воскликнула она, помахав всем рукой. — Извините за опоздание, но мне пришлось задержаться. Пожалуйста, проходите сразу к столу, а то кухарка устроит мне сцену.

Сопровождая миссис Брекстон к столу, я заметил у нее на шее, как раз на том самом месте, которое обычно прикрывает длинный локон волос, неприятный лиловый рубец — он тянулся от самого уха и исчезал за высоким воротником ее платья. Это был скорее синяк, а не родинка и не шрам... совершенно свежий синяк.

Переговорив с мужем, она повернулась ко мне, и волосы прикрыли пятно. В ее глазах появилось странное выражение, как будто по моему лицу поняла, что я видел. Когда она заговорила о танцах, которые намечались в яхт-клубе следующим вечером, ее рука невольно потянулась к шее.

5

Обед проходил вполне пристойно. Миссис Вииринг была в прекрасной форме. От первоначального страха, омрачавшего нашу первую встречу, не осталось и следа. Сидя слева от нее, я внимательно следил за нею.

Миссис Вииринг была чрезвычайно оживлена и даже, пожалуй, пьяна, о чем свидетельствовали лихорадочно блестящие глаза и невнятно произносимые фразы, слетавшие с ее уст.

Да, странная компания, подумал я. Хозяйка-алкоголичка,

с пренебрежением отвергнутая «Социальным регистром», но принимаемая в обществе; кичащийся собой художник; его жена, готовая от злости грызть стекло, с кровоподтеком на шее, как будто кто-то пытался задушить ее, а потом плюнул и решил не пачкаться. Кстати, это мог быть и ее собственный муж. Своими мощными руками он вполне способен свернуть шею человеку.

Тут же и загадочные Клейпулы, брат и сестра, прямо-таки обожающие друг друга или... Кстати, сам Клейпул за обедом сидел рядом с миссис Брекстон. Они все время разговаривали, совершенно игнорируя остальное общество, чем, видимо, немало досаждали его сестре. Брекстон — рассеянный, добродушный, эгоцентричный тип, изо всех сил старался, чтобы разговор крутился только вокруг него или же живописи.

И, наконец, моя писательница, мощная хихикающая подруга всего мужского рода. Поскольку ее запросы, учитывая вполне понятные причины, были невысоки, ее хищные инстинкты выражались только в похлопываниях и щипках, зато в этом она была непревзойденным специалистом.

После обеда, несколько возбодренные белым вином, мы прошли в гостиную, где был установлен карточный столик.

— Нас семеро. Значит, четверо будут играть в бридж, остальные займутся чем-нибудь более конструктивным, — глубокомысленно заявила миссис Вииринг, бросив взгляд на компанию.

Сперва все отказывались, но она явно знала, что делать, и в конце концов энтузиасты-картежники слетелись к столу, а мы — миссис Брекстон, Элли Клейпул и я — уселись у камина.

190 Ясно, более конструктивным делом предстояло заняться нам, но чем конкретно, я даже представить себе не мог. Нет ничего хуже, как проводить уик-энд в светском обществе с группой людей, которых не знаешь и которые не особенно тебе по вкусу. Всегда возникает проблема, о чем говорить, как было и в нашем случае. Положение усложнялось мрачным настроением миссис Брекстон и рассеянностью Элли Клейпул. Похоже, обе они были недовольны тем, что происходит.

— Вы с Флетчером, наверное, после этого уик-энда поедете в Бостон? — неожиданно выпалила миссис Брекстон, обращаясь к Элли. Тон, которым были произнесены эти слова, был далек от любезности. Флетчер, насколько понял я, имя Клейпула.

— О да... Наверное. Вы же знаете, у нас в Кембридже¹ небольшой дом.

— Не понимаю, почему вы не поселитесь в Нью-Йорке. Там ведь гораздо интереснее. А Бостон — мертвая зона чуть ли не целый год.

При упоминании о Бостоне она явно оживилась. Кстати, это были ее первые слова за весь вечер.

— Но нам он нравится.

— Вам-то уж точно.

Оскорбление было налицо. Я сперва даже подумал: неужели я ослышался? Однако, казалось, Элли это совершенно не смущает.

¹ Город Кембридж расположен поблизости от Бостона, столицы штата Массачусетс.

— О вкусах не спорят, Милдред, — спокойно произнесла она. — Никто из нас не в состоянии долго выносить Нью-Йорк.

— Говорите за себя. Флетчер любит город, и вы прекрасно знаете это. Только вы удерживаете его в Бостоне.

При этих словах Элли вспыхнула.

— Он всегда такой робкий, — произнесла она.

— Я говорю не об этом.

И две женщины, неожиданно оказавшиеся непримиримыми врагами, уставились друг на друга.

Интересно, что же это значит?

Зарождался первостатейный скандал.

— Что вы имеете в виду, Милдред?

Миссис Брекстон язвительно рассмеялась.

— Не делайте из меня дурочку, Элли. Я — единственная, кто...

— Напарник! У меня нет червей! — раздался со стороны карточного стола вопль мисс Ланг, за которым последовало рычание мистера Брекстона.

— Ради Бога, Милдред, замолчите! — прошипела Элли.

Слова ее были заглушены очередным воплем мисс Ланг, так что их, кроме меня, никто не расслышал.

— Я слишком долго молчала, — возразила миссис Брекстон, хотя чувствовалось, что гнев ее спадает, уступая место привычному недовольству. Когда она прикуривала, я заметил, как у нее дрожат руки.

Может, она тоже алкоголичка? Даже один пьяница не подарок, а уж двое — полный комплект!

Мисс Клейпул повернулась ко мне, будто ничего особенного не случилось.

— Я уверена, хоть вы замолвите о Бостоне доброе слово, — произнесла она, улыбаясь. — А то я здесь в меньшинстве.

Я сказал ей, что учился в Гарварде¹.

Этого оказалось вполне достаточным, чтобы между нами сразу же установились отношения взаимопонимания.

Миссис Брекстон, не произнеся больше ни слова и даже не пожелав доброй ночи хозяйке, удалилась из комнаты.

Элли слегка нахмурилась.

— Милдред не совсем хорошо себя чувствует. Она... в общем, у нее совсем недавно был нервный срыв. Она всегда была нервной. Вся их семья такая, даже Роза. Вам, наверное, известно, что Роза — ее тетя.

Я признался, что знаю об этом.

— Мы с Флетчером познакомились с ними пятнадцать лет назад, когда Роза приехала с Запада и решила устроиться в Нью-Порте, где мы всегда отдыхаем летом... точнее, имели привычку отдыхать. Милдред того же возраста, как и мой брат, и они очень подружились. Многие даже были уверены, что они поженятся. Ну, а потом она повстречала Брекстона, и с тех пор они, конечно, счастливы.

Мне было ясно, что она лжет, хотя бы только потому, что

¹ Знаменитый Гарвардский университет, расположенный в Кембридже.

маловероятно, чтобы какой-нибудь нормальный мужчина смог бы ужиться с такой неприятной женщиной.

— Как я поняла, вы давно знакомы с Розой? — резко прозвучал вопрос.

— Нет, не очень.

Я не знал, что и ответить, потому что мне не было известно, что рассказывала обо мне миссис Вииринг.

— По-моему, Роза говорила мне, что вы ее старый друг, но, знаете, она такая рассеянная! Я не раз встречала здесь людей, с которыми она разговаривала, как со старыми друзьями, а потом вдруг выяснялось, что они ее вообще не знают. Вот причина успеха всех ее приемов: к каждому гостю относятся, как к вновь обретенному родственнику.

В этот момент в комнату проскользнул дворецкий и, к моему удивлению, подошел ко мне:

— Мистер Сарджент, вас просят к телефону.

Точнее, как настоящий английский дворецкий, он произнес: «...телли-фону».

Это была Лиз.

— О, привет, Питер. Чем занимаешься?

— Хотел бы я сам знать.

— Тоска?

— Не то слово. А как у тебя?

— Не лучше. Может, завтра вечером сходим на танцы?

— Не знаю. Кто-то из приглашенных здесь упоминал о них, так что, думаю, мы все пойдем, но если что...

— В любом случае приходи. Скажешь, что ты со мной. На входе я оставлю для тебя приглашение.

— Что ж, мне это нравится. К тому же сейчас полная луна.

— Полная что?

— Луна.

— О, а мне слышалось «комната». Ну пока, я буду тебя ждать.

Около полуночи игра в бридж закончилась. Все немного выпили на сон грядущий, за исключением нашей хозяйки, которая к этому времени выпила и так уж достаточное количество коньяка.

— Надеюсь, вам не было скучно, — обратилась она ко мне.

— Никогда еще так приятно не проводил время, — соврал я.

— О делах поговорим завтра, а потом мы все отправимся в яхт-клуб, где у вас будет возможность познакомиться с какой-нибудь молодежью.

— А чем мы не подходим? — шаловливо заметила мисс Ланг.

К счастью, ответа от меня не ждали, и мы все, пожелав друг другу спокойной ночи, поднялись наверх.

Спал я тревожно. И вот в самый разгар очередного дикого, но вполне стандартного кошмара (мне снилось, что я падаю с горы) меня разбудили крики — три женских крика, прозвучавших один за другим.

При втором крике я сел, как громом пораженный. При третьем вскочил с постели.

Была половина четвертого утра.

Я открыл дверь и выглянул в тускло освещенный коридор. Из других дверей тоже высунулись головы. Я увидел лица Клейпулов, мисс Ланг, и вдруг на площадке появилась миссис Вииринг.

— Ложитесь все спать,— произнесла она своим обыденным тоном.— Ничего не произошло. Совсем ничего.

Послышался изумленный шепот. Головы исчезли. Сбитый с толку и несколько встревоженный, я улегся спать. Засыпая, успел подумать: странно, что миссис Вииринг ни единым словом не обмолвилась об этих странных криках.

Разговор о них мог бы зайти во время завтрака, но, поскольку стало ясно, что виновником является один из нас, мы все смущенно молчали, быстро проглотили свои бифштексы и огромный пирог с почками — так миссис Вииринг выражала свою склонность к английской кухне.

Я решил, не знаю почему, что во всем виновата миссис Брекстон. За завтраком она выглядела как обычно, правда, довольно бледной, но я ведь впервые видел ее при свете дня.

Мы выпили кофе на застекленной веранде, выходящей в сторону океана, и переоделись в купальные костюмы, за исключением Мэри Уэстерн Ланг, которая заявила, что «у нее на солнце шелушится кожа». Она появилась в ядовито-желтых шароварах, в смешных солнечных очках в пестрой оправе и с платком на шее.

Только миссис Вииринг не стала переодеваться. Подобно большинству людей, имеющих дома на море, она не любила ни загорать, ни купаться.

— Слишком холодная вода,— заметила она, помянув меня в альков гостиной, выполнявший роль маленького кабинета, и присела за изящный стол времен королевы Анны, в то время как я развалился в кресле.

— Бедняжка Милдред.— Миссис Вииринг вздохнула.— Мне кажется, у нее мания преследования. Последний год был просто ужасен. Я ничего не понимаю. В нашей семье никогда ничего подобного не случалось. Ее мать, моя сестра, была самой здравомыслящей женщиной на свете, да и отец тоже. Я думаю, это все из-за того, что она вышла замуж за художника. Вы же понимаете, это совершенно другие люди, не от мира сего. Не такие, как мы с вами. Со времени своего нервного срыва, который произошел у нее в прошлую зиму, она уверена, что муж собирается убить ее. Более преданного мужа, кстати, вы вряд ли найдете.

Тут я случайно вспомнил о синяке на шее миссис Брекстон.

— А почему она не уйдет от него?

Миссис Вииринг пожалала плечами.

— А куда? Кроме того, она сейчас совсем не соображает, что делает, хотя и понимает это. Она очень извинялась сегодня ночью, когда... когда это произошло.

— Что произошло?

— Они поскандалили. Обычное дело между супругами, ничего серьезного. Затем она начала кричать, и я спустилась вниз... их спальня на первом этаже. Она сразу же стала извиняться, и он тоже. Конечно, она своими воплями умудрилась переположить весь дом.

— Мне кажется, ей следует отдохнуть в пансионате или еще где-нибудь.

Миссис Вииринг вздохнула.

— Что ж, и до этого может дойти, хотя я молю Бога, чтобы этого не случилось. Ну ладно. Вот вам, кстати, список приглашенных на прием. Я хочу, чтобы вы составили для меня список представителей прессы и...

Дела отняли у нас примерно час. Она неплохо разбиралась в ситуации и вполне могла бы быть своим собственным пресс-агентом. Естественно, я об этом умолчал. Миссис Вииринг моментально улавливала все особенности рекламной работы. Мои же функции, как я понял, заключались в том, чтобы быть ее представителем. Совсем неплохо. Затем мы решили вопрос о моем гонораре, довольно приличном, и она — со скоростью и совершенством опытной машинистки — отпечатала договор между нами.

— Я училась печатать, — сказала она просто, заметив мое удивление. — Только так я могла помогать своему покойному мужу. Мне приходилось все за него делать.

Затем мы подписали договор, и она отпустила меня развлекаться на пляж. Сама же, как я заметил, решительно направилась к бару, где всегда можно было найти батарею бутылок, стаканы и лед.

Все остальные собрались на пляже.

Солнце пекло немилосердно. Ветра почти не было, ощущался только легкий бриз.

Я взглянул на гостей своей хозяйки с любопытством: всегда интересно присматриваться к уже знакомым людям, когда они раздеты или же на них почти ничего нет.

И у Элли, и у мистера Брекстона были отличные фигуры, в особенности у Элли. Единственный недостаток — коротковатые ноги. В остальном же это была красивая женщина, гораздо более интересная в желтом бикини, нежели в своей привычной тусклой одежде. Она разлеглась на одеяле рядом со своим братом — солидным на вид парнем, с грудью, начинавшейся чуть ли не от бедер.

Миссис Брекстон сидела на краешке яркой индейской накидки, в центре которой под удивительно смешным зонтиком расположилась мисс Ланг, вся исходившая потом. Брекстон же, более породный, чем мне казалось, пытался встать на руки, чтобы показать, насколько он молод. Но делал он это крайне неуклюже, что лишний раз подчеркивало его возраст.

Мисс Ланг окликнула меня.

— Садитесь сюда! — И она похлопала по накидке рядом с собой.

— Нет, нет. Не хочу вам мешать, — быстро ответил я и уселся, скрестив ноги, прямо на песок между нею и Клейпулами, оказавшись, таким образом, в добром яреде от ее шаловливых пальчиков.

— Боже! Я никогда не видела такого сильного мужчины!

Хотя ее глаза были скрыты темными очками, я понял, что меня внимательно изучают.

В этот момент Брекстон упал прямо лицом в песок.

— Черт побери, камень попался под руку. Острый, зараза, — недовольно бросил он, выплевывая песок, и сделал вид, что сильно ушиб руку.

Мы с Элли обменялись понимающими взглядами.

— Все мы уже немолоды, — с усмешкой заметил ее брат. — С каждым днем ты все больше напоминаешь Пикассо.

— Мерзкий мошенник, — раздраженно выпалил художник, стяхивая песок с лица. — Девять десятых того, что он сделал, я могу сделать лучше... да любой это может!

— А одну десятую?

— Ну, это...

Какое-то время Брекстон разглагольствовал, произнося яркую речь. Я с удовольствием растянулся на спине и, закрыв глаза, наслаждался теплом.

Первым в воду кинулся Клейпул. Пловцом он был отменным, и наблюдать за ним было одно удовольствие. Затем миссис Брекстон медленно подошла к краешку воды и стала надевать купальную шапочку, причем встала так, чтобы никто из нас не увидел синяка на ее шее. Она медленно побрела по кромке воды. Брекстон вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Они остановились, несколько минут о чем-то говорили, затем он пожал плечами и отпустил ее, а она как-то странно нырнула в набежавшую волну. Повернувшись спиной к нам, Брекстон смотрел, как она медленно плывет в сторону Клейпула.

Вдруг ко мне обратилась Элли:

— Вам не кажется, что она слишком далеко заплывает? Смотрите, какие там волны!

— Но она, похоже, неплохо плавает, и потом там же ваш брат.

— Боже! — воскликнула мисс Ланг. — Они ныряют прямо как черепахи! Как я завидую им!

Клейпул уже заплыл за буйки. Плыл он легко, вместе с волной, которая сносила его в сторону. Миссис Брекстон еще не доплыла до буйков. Ее белая шапочка временами мелькала среди синих волн.

Мы с Элли вскочили и подошли к Брекстону, стоявшему у самой кромки прибоя. Вода, вихрившаяся вокруг наших лодыжек, была довольно холодной.

— Мне кажется, Милдред не стоит так далеко заплывать, — встревоженно сказала Элли.

Брекстон кивнул, не сводя глаз с жены.

— Я ей говорил, но она меня не послушала.

Вдруг, не сказав никому ни слова, Брекстон бросился в воду. Стремительно взмахивая руками, он поплыл к жене. Она издали лишь вяло махала рукой. Неожиданно волна накрыла ее.

Я ринулся в воду. Элли крикнула брату, выходящему из воды на берег, и он присоединился к нам, устремляясь к Милдред. Соленая вода щипала глаза, но я заметил, что Клейпул уже рядом со мной, однако до Милдред мне так и не пришлось добраться. Вместо этого я вынужден был помогать Брекстону, который был уже в нескольких футах от жены. Он судорожно хватал ртом воздух.

— Ногу свело! — крикнул он и стал скрючиваться. Я схватил Брекстона, а Клейпул, пролетев мимо, устремился к Милдред. С трудом дотащил я Брекстона до берега, а Клейпул вытащил Милдред. Брекстон сел, пытаясь отдышаться и схватившись за ногу с гримасой боли.

Меня всего трясло — от холода и напряжения.

Затем мы подошли к тому месту, где все сгрудилось вокруг мертвенно-бледной и неподвижной Милдред Брекстон.

Клейпул делал ей искусственное дыхание.

Я с ужасом заметил, как на ее посиневших губах появляются радужные пузырьки. И чем отчаянней он работал, тем больше их появлялось. Прошла, казалось, вечность. Не раздавалось ни звука, кроме измученного дыхания Клейпула.

Мы невольно вздрогнули, когда неожиданно услышали его голос. Он повернулся к сестре и, не прекращая своих усилий, приказал:

— Доктора! Быстро!

Солнце было в самом зените, когда появился доктор и заявил, что Милдред Брекстон мертва.

Ошеломленный, шатаясь, как побежденный боксер, выбитый за канаты, Клейпул встал над погибшей женщиной и устремил взгляд на Брекстона.

Он произнес только два слова, но произнес их отчетливо, с ненавистью:

— Ты подонок!

Так и стояли они над покойной, уставившись друг на друга. И никто из нас ничего не мог поделать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Перед обедом, ко всеобщему удивлению, появился полицейский. Он был в штатском.

— Нам позвонили, — мрачно произнес он, — и сказали, что кто-то у вас утонул.

Судя по всему, ему было скучно. Видимо, утопленники были довольно привычным явлением в этих местах.

— Даже представления не имею, кто послал за вами, — быстро произнесла миссис Вииринг. — Мы уже сообщили о случившемся доктору, в морг...

— Это я вызвал полицию, — сказал Клейпул.

Мы сидели в гостиной. Отсутствовал только Брекстон, он удалился в свою комнату и до сих пор не показывался.

— Дамы и господа, что вам известно о происшедшем? — резко спросил полицейский, сразу же переходя к делу.

Мы рассказали ему все, что знали. Миссис Вииринг, с бокалом добонне в одной руке и носовым платком в другой, заявила, что была дома и если б только могла предположить, что бедная Милдред...

Полицейский бросил на нее недовольный взгляд, и она сразу же замолчала. Лицо ее было стекшим и красным. Похоже, она действительно сильно переживала.

— О'кей,— произнес полицейский и вынул из кармана огрызок карандаша.— Назовите мне, пожалуйста, ваши имена, возраст, место рождения, занятие, кем вы приходитесь покойной, и все, что видели и знаете о том, как она утонула.

— Я не понимаю, какое к этому имеют отношение наш возраст... профессия...— последовали причитания со стороны Мэри Уэстерн Ланг.

Полицейский жестом пригласил ее следовать за ним. Они пересекли комнату и исчезли в алькове.

Между оставшимися завязался разговор. Настроение у всех было подавленное. Я повернулся к Элли Клейпул. Побледневшая, вся в напряжении, она сидела рядом со мной на кушетке.

— Я даже представить себе не мог, что это произойдет... так быстро,— совершенно не к месту сказал я.

Она бросила на меня удивленный взгляд и с трудом произнесла:

— Дайте мне сигарету.

Я прикурил сигарету и передал ей. Ее руки так дрожали, что я стал опасаться, как бы она не обожглась. Однако одной длинной затяжки оказалось достаточно, чтобы она успокоилась.

— Если б не эти ужасные волны. Лично я никогда так далеко не заплывала. Даже не знаю, зачем Милдред... но ведь она... она просто великолепно плавала.

Я был удивлен, услышав эти слова. И сразу же вспомнил замедленные, неуклюжие взмахи рук миссис Брекстон.

— А мне показалось, что она просто устала... совершенно выбилась из сил.

В другом конце комнаты миссис Вииринг тихо рыдала в свой бокал дубонне, в то время как Флетчер Клейпул, так и не объяснивший причины своего неожиданного поступка, с невозмутимым видом пытался успокоить ее.

Из алькова доносились истеричные вскрики Мэри Уэстерн Ланг. Мне сразу же представилось, как ее толстенная ненасытная ручка жадной хваткой вцепляется в целомудренную коленку полицейского.

— Думаю, все дело в ее болезни,— произнесла наконец Элли.— Другого объяснения не вижу.

— Вы считаете, что нервный срыв мог на нее повлиять?

— А у вас есть другое предположение?

Она неожиданно подняла на меня свои очаровательные фиалковые глаза.

— Даже не знаю,— пробормотал я, поражаясь неожиданной резкости ее слов.— Просто я подумал...

— Она ослабла от болезни, вот и все. У нее сильное душевное расстройство, что неизбежно должно было повлиять и на физическое состояние.

— Может быть, у нее была навязчивая идея смерти?

— Сомневаюсь, что Милдред желала умереть,— несколько сухо произнесла Элли.— Она отнюдь не была суицидным типом, если уж говорить серьезно.

— А вдруг она бессознательно пошла на это? Разве такого не бывает?

Как и все люди, я привык разыгрывать из себя эксперта по психоанализу. Я все знаю о Фрейде, хотя не прочитал ни единой его строчки.

— Даже не знаю. Бедный Брекстон. Интересно, чем он сейчас занимается?

— Как вы считаете, это был счастливый брак? — поинтересовался я, вспомнив синяк на шее миссис Брекстон и ее крики в минувшую ночь. После всего этого как-то трудно представить, что их совместная жизнь могла быть счастливой.

Элли пожалала плечами.

— Вряд ли существуют счастливые браки, по крайней мере в наше время, но есть люди, которые без конца ссорятся и тем не менее не могут жить друг без друга.

— И у них было так же?

— В значительной степени, в особенности когда она начала стареть. Он был с ней необычайно обходителен, что просто удивительно, если вспомнить, какой у него отвратительный характер.

— А она всегда была такой? Я имею в виду, как вчера вечером.

Элли помедлила с ответом.

— Таких людей, как Милдред, называют тяжелыми. При желании она могла очаровать кого угодно, а если такого желания не было, она становилась просто невыносимой.

— Насколько я понимаю, такого желания у нее не было?

— Вот именно.

198 Из алькова появилась Мэри Уэстерн Ланг. Она хихикала, явно чем-то довольная. Полицейский, покрасневший как рак, едва сдерживался, чтобы не взорваться. Он обратился к Элли:

— Вы будете следующей.

Вслед за Элли вызвали меня.

Полицейский явно стремился как можно быстрее покончить с опросом. Он что-то писал в своей записной книжке и даже не поднял головы, когда я опустил в кресло, стоявшее у стола времен королевы Анны.

— Имя?

— Питер Катлер Сарджент Второй.

— Второй чего?

Тут он взглянул на меня.

— Второй значит второй. Ставите рядом с фамилией римскую двойку.

Он посмотрел на меня с явным отвращением.

— Возраст... место рождения... место жительства...

— Тридцать один год... Родился в Хартфорде, штат Коннектикут. Живу в Нью-Йорке, на 49-й стрит, 280 Ист.

— Чем занимаетесь?

Я загнулся, вспомнив обещание, данное миссис Вииринг.

«Интересно, — подумал я, — можно ли рассчитывать на молчаливые полицию?»

— Владелец фирмы по связям с общественностью. Контора расположена на 55-й стрит, 60 Ист.

- Давно знакомы с покойной?
- Нет. Примерно восемнадцать часов.
- На этом все.

Я уже собрался уходить, как вдруг полицейский остановил меня:

— Пойдите, совершенно забыл спросить: вы не заметили ничего необычного во время несчастного случая?

— Нет, не заметил.

— Постарайтесь рассказать мне своими словами о том, что произошло.

Я так и сделал, очень быстро, и был отпущен.

Сейчас же, оглядываясь в прошлое, я удивляюсь, почему никому, включая меня, даже в голову не приходила мысль об убийстве.

2

Обед прошел в подавленной атмосфере.

Миссис Вииринг оправилась от своей печали по поводу потери любимой племянницы и, похоже, полностью взяла себя в руки.

Брекстону обед отнесли в комнату. Остальные после обеда продолжали вполголоса беседовать, стараясь не упоминать о происшедшем. Но вскоре мы испытали второе потрясение, когда миссис Вииринг обнаружила на спинке кресла шарф своей племянницы. Казалось, Милдред вот-вот заявится специально за ним.

Скрывшись с миссис Вииринг в алькове, я быстро переговорил с нею.

— Как вы считаете, это не сломает мои планы? — спросила миссис Вииринг, бросив на меня пронизательный взгляд.

— Какие еще планы?

— По организации приема. Какие еще? Этот несчастный случай сыграет, конечно, рекламную роль, но не такая известность мне нужна...

Наконец-то я стал понимать, что она имеет в виду.

— Есть пословица...

— «Любая известность всегда на руку», — выпалила она. — В жизни, однако, все совсем не так. Получите не ту известность, что надо, и вас покинут абсолютно все.

— Не понимаю, каким образом известие о том, что кто-то из ваших гостей случайно утонул, может сказаться на вас?

— Если дело только в этом, конечно, никак не скажется. — Она решила подойти к этому вопросу с другой стороны. — Когда заявятся представители прессы, я хочу, чтобы вы выступали от моего имени. Они уже наверняка по дороге сюда. Только не вздумайте проболтаться и рассказать о том, ради какой цели я пригласила вас. Просто говорите, что вы — один из гостей, что я расстроена случившимся... а это на самом деле так... и поручила вам говорить от моего имени.

— И что же я скажу?

— Да ничего. — Она улыбнулась. — Что вы можете сказать?

Что Милдред — моя племянница, которую я очень любила, что она была больна и поэтому не смогла справиться с волнами.

— Они отвезли ее в морг?

— Не знаю. Доктор куда-то увез ее в карете «Скорой помощи». Я уже отдала необходимые распоряжения похоронной конторе. Она находится в постоянном контакте с доктором, одним из моих старейших друзей.

Я просто поражался быстрой смене настроения, приписывая это ее странным привычкам. Большинство известных мне алкоголиков были такими же — общительными, добрыми, эмоциональными, довольно безответственными и совершенно непредсказуемыми. За обедом я сидел рядом с ней, и то, что мне казалось бокалом с охлажденной водой, при ближайшем исследовании оказалось джином. К концу обеда бокал был пуст.

— Я буду вам очень благодарна, Питер, — наконец заговорила она, — если никто не узнает о... недоразумении, произошедшем накануне вечером.

— Вы имеете в виду крики?

Она кивнула головой.

— Если в обществе сложится... ну, скажем, неправильное представление об отношениях между Брекстоном и Милдред, это может нанести мне немалый вред. Во время того ужасного срыва он был с нею. Я не хочу, чтобы из-за этого возникли какие-нибудь слухи.

— Значит, вы не исключаете такой возможности? Но ведь бедная женщина просто купалась и утонула. Мы все видели, как это произошло.

— Все это, конечно, так, но вы прекрасно знаете, что такое пересуды. Я не хочу, чтобы какие-нибудь газетчики, эти мерские бумагомаратели, начали делать различные предположения.

— Я прослежу за этим, — чрезвычайно самоуверенно изрек я, хотя при сложившихся обстоятельствах такой уверенности у меня просто не могло быть.

— Вот почему я и хочу, чтобы вы выступали перед прессой от моего имени. Кроме того, — она запнулась, — постарайтесь, чтобы и другие держались подальше от этих писак.

— Но почему? Какая разница? Мы все видели одно и то же, и полиция взяла у нас показания.

— Полиция будет молчать. Поэтому делайте, как я вас прошу, и я буду вам очень благодарна.

— Конечно, если смогу, я сделаю все, что в моих силах, но что может остановить кого-нибудь из ваших гостей переговорить с журналистами?

— Вы, я надеюсь. — Она сменила тему разговора. — У меня была приятная беседа с Альмой Эддердейл, которая попросила напомнить вам о себе. Сегодня утром она остановилась в «Си-Спей».

— Прекрасно.

— Я думала, она навестит нас завтра утром, но после... Короче, не знаю, как вести себя.

— Как обычно. Это ужасное несчастье, но...

— Но она была моей племянницей, очень близким мне чело-

веком, а не гостьей. Может, стоит кого-нибудь пригласить? Просто друзей семьи. Мне кажется, это будет кстати.

— У меня есть приглашение на сегодняшние танцы в яхт-клубе,— смело вставил я.— Если вы не собираетесь идти, может быть, я смогу сегодня вечером...

— Конечно, конечно, о чем разговор. Но, пожалуйста, очень прошу вас, никому ничего не рассказывайте о происшедшем. Я, к сожалению, с вами пойти не могу, да и остальные, думаю, тоже, потому что они были в той или иной степени привязаны к Милдред. А у вас нет причин сидеть здесь.

И с чувством слуги, которому дали выходной на вторую половину четверга, я удалился. Миссис Вииринг прошла в свою спальню и наверняка осушила целый кувшин напитка, отгоняющего всякие тревоги.

Час спустя я сидел в гостиной. Ко мне приблизился дворецкий с молодым человеком, у которого совершенно не было подбородка. Тот представился корреспондентом «Нью-Сервисиз».

— Я хотел бы переговорить с миссис Розой Клейтон Вииринг и мистером Полом Брекстоном,— адеонидным голосом жестко выговорил газетный ястреб.

— Вам придется удовлетвориться мною.

— Я пришел переговорить с миссис Розой...

— А придется говорить со мной,— еще более резко сказал я.— Я выступаю от имени миссис Вииринг.

— А кто вы такой?

— Питер Катлер Сарджент II.

— И все же я хотел бы...— тупо продолжал он, но я резко прервал его:

— Так дело не пойдет, молодой человек. Или вы будете говорить со мной, или убирайтесь отсюда.

Мои слова произвели на него впечатление.

— Ну хорошо, сэр. Я был в полиции. Там мне сказали, что сегодня утром в шесть минут двенадцатого утонула миссис Брекстон. Верно?

Я подтвердил его слова и выпалил все известные факты. Он их тщательно записал.

— А теперь я хотел бы подойти к этому вопросу с психологической точки зрения,— произнес он тоном человека, недавно закончившего журналистскую школу, причем с плохими отметками.

— Вы и так получили массу информации. Брекстон — известный художник. Миссис Вииринг — общественная деятельница. Побывайте в море, и у вас будет вполне достаточно материала для хорошего сообщения.

— А вы случайно не работаете в газете?

Я покачал головой.

— Как-то я видел фильм под названием «На первой странице», так что мне о вас, ребята, все известно.

Он с явным отвращением взглянул на меня.

— Я хотел бы переговорить с миссис Вииринг просто, чтобы...

— Миссис Вииринг, кавычки, убита горем. Кавычки закрыть. Пол Брекстон, кавычки, известный современный художник, от-

казывается делать какие-нибудь сообщения и не выходит из своей комнаты. Кавычки закрыть. Вот и весь ваш рассказ.

— От вас мало помощи.

— Лучше такая, чем никакая. Если б не я, вам бы не с кем было разговаривать.

Я с тревогой оглянулся по сторонам, надеясь в душе, что никого из гостей миссис Вииринг поблизости нет. К счастью, так и оказалось.

— Я слышал, что собираются делать вскрытие тела миссис Брекстон. В связи с этим хотелось бы знать...

— Вскрытие?

Это показалось мне странным.

— Вот именно. Насколько мне известно, оно уже производится. В связи с этим я хотел бы знать, нет ли какого-нибудь намека...

— На убийство? Нет, что вы. Мы все видели, как она утонула. Сама утонула, без чьей-либо помощи. У нее недавно был нервный срыв. Нет никаких сомнений в том, что это как-то связано с ее смертью.

При этих словах он прямо-таки расцвел.

Ну что ж, я следовал данным мне указаниям.

Наконец мне удалось избавиться от настырного журналиста и попросить дворецкого от имени миссис Вииринг направлять газетчиков ко мне. Похоже, он все прекрасно понял.

Скучая и размышляя, чем бы еще заняться, я вышел на террасу и уселся в плетеное кресло, повернув его к морю. По берегу в одиночестве бродила Элли Клейпул. Хмурясь, она подбирала ракушки, камушки, остатки водорослей и бросала их в волны, как бы совершая жертвоприношение. Ее изящная фигура вырисовывалась на фоне синих волн.

Вдруг я услышал за своей спиной голоса. Они доносились из окна слева от меня. Явно из спальни Брекстона. Я вспомнил, что только его комната располагалась внизу. Разговаривали двое мужчин. Брекстон и Клейпул. Я сразу же узнал их по голосам.

— Это ты ее прикончил. Ты знал, что у нее совершенно нет сил, — обвиняющим тоном произнес Клейпул.

Брекстон что-то устало ему ответил. Его голос доносился как бы издалека.

— Брось, Флетчер, замолчи. Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Тебе ничего об этом неизвестно.

— Я знаю. Она мне все рассказала. Она сказала, что...

— Флетчер, за последние несколько месяцев она практически выжила из ума, и тебе это известно не хуже меня... даже лучше, потому что отчасти ты сам виноват.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал. В особенности после Бермуд.

Последовала длительная пауза. Я даже подумал, что они вышли из комнаты.

Затем вновь раздался голос Клейпула.

— Ты только подумай, — медленно заговорил он, — она же никогда не была счастлива с тобой. Никогда! Твой чертовский эгоизм погубил ее. Да, да, погубил.

— Слушай, тебе не удастся приписать ее смерть моему эгоизму...

— А я и не приписываю. Даже не собираюсь этого делать. Холодная дрожь пробежала у меня по спине.

— Запомни, есть такое понятие, как «преднамеренная клевета». — Голос Брекстона звучал жестко. — Не забывай об этом!

— Я знаю. Тем не менее собираюсь в суде рассказать обо всем. Ты, видимо, считал, что я буду бояться последствий. Так вот, я их не боюсь и сделаю то, что обещал. Всем станет все известно.

— В суде? — рассмеялся Брекстон. — А почему ты думаешь, что будет суд?

— Потому что я собираюсь заявить в полиции, что ты убил ее.

— Ты выжил из ума, Флетчер. Как я мог убить ее, даже если бы захотел? Ты же сам все видел.

— Мне кажется, я знаю. Как бы то ни было, я буду свидетельствовать против тебя.

— Ты забываешь о том, что там также был молодой человек, приглашенный сюда Розой. Еще неизвестно, что он скажет.

— Все равно. Я был ближе и видел...

— Ничего ты не видел. Убирайся.

— Я предупредил тебя.

— Тогда, Флетчер, позволь и тебя предостеречь. Если ты начнешь рассказывать свои дикие выдумки, я буду вынужден втянуть в это Элли.

Больше я ничего расслышать не смог. Появился дворецкий. Он сообщил, что меня желает видеть представитель местной газеты. Проклиная все на свете, сбитый с толку и озабоченный тем, что мне удалось услышать, я вышел в гостиную и в очередной раз произнес свой накатанный текст по поводу случайной смерти Милдред Брекстон. Правда, на сей раз я не был уверен в том, что смерть ее была случайной.

3

Непонятно, по какой причине, но газеты учуяли скандальную сенсацию задолго до нас и даже до полиции. Видимо, все дело было в именах. Хозяйка — известная светская дама миссис Вииринг, один из гостей — популярный художник Пол Брекстон. История сразу же приобретала иное звучание.

Весь остаток дня я провел за телефоном, отвечая на многочисленные звонки и давая интервью. Миссис Вииринг на глаза не появлялась. Немало беспокойства вызывала у меня Мэри Уэстерн Ланг, которой удалось перехватить корреспондента и дать интервью как очевидцу происшедшего.

— Так что вы видите, — закончила она, обращаясь к газетчику, который с ужасом взирал на нее, — что при жизни мы никогда не знаем, когда и где смерть ожидает нас. Только теперь я осознаю значение последних слов этой бедняжки. Она сказала, обращая ко мне: «Надеюсь, что вода теплая». Подумайте только, какой смысл заключался в этой фразе. В особенности после того, как мы поняли, что она намеревалась сделать.

— Вы хотите сказать, что миссис Брекстон покончила с собой? Представитель четвертой власти штата¹ при этих словах стал просто пускать слюни.

Я немедленно вмешался, подтолкнув его к двери.

— Конечно, нет. Нет никаких фактов, свидетельствующих об этом, кроме того, в то утро она была необычайно жизнерадостной и...

— И я вышлю вам экземпляр «Разговора о книгах», последнее издание! — крикнула мисс Ланг в спину удаляющегося интервьюера.

Я приказал дворецкому больше никого не пускать, а затем повернулся к мисс Ланг.

— Вам же известно, что миссис Вииринг попросила меня выступать перед прессой от ее имени, чтобы не было никаких слухов. А вы вмешиваетесь и пытаетесь вбить им в головы, что Милдред якобы намеревалась покончить жизнь самоубийством. — Она это и сделала.

Мисс Ланг многозначительно улыбнулась, подняв глаза над ожерельем своих подбородков.

— Почему вы так думаете?

— Она была великолепной спортсменкой, прекрасной пловчихой и утонула намеренно.

— На виду у всех? Отчаянно пытаюсь выплыть? Не может быть, я же сам видел, как она старалась привлечь наше внимание.

Мисс Ланг пожала плечами.

— В самую последнюю минуту она могла передумать... Если это не так, она бы не утонула, что бы вы ни говорили.

— Как человек, бывший от нее всего в нескольких футах, я заявляю, что она сделала все, что в ее силах, чтобы остаться в этой «долине слез».

— Какая удачная фраза! Действительно, «долина слез»!

— Вы и полиции заявили, что она утонула намеренно? — произнес я гневно.

— Конечно, — промурлыкала мисс Ланг. — Мой долг, как гражданки и подруги бедной Милдред, говорить только правду.

Теперь понятно, почему решили сразу же провести вскрытие.

— Хотелось бы надеяться, что вы поступили правильно.

Телефонный звонок прервал наш милый разговор. Я подошел к аппарату в холле. Звонила Лиз.

— Питер?

— Да, Лиз?

— Что у вас там происходит? С тобой ничего не случилось?

— Ничего.

— Ты бы слышал, что здесь говорят. А, кстати, что произошло?

— Одна из гостивших здесь — Милдред Брекстон — сегодня утром утонула.

— Боже, какой ужас! Надо же, в самый уик-энд!

Мне фраза показалась странной, не к месту, но я никак не отреагировал на нее.

¹ Имеется в виду пресса.

— Жена художника, да? — Лиз с такой силой засвистела в трубку, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. — Это вызовет сенсацию!

— Пожалуй, ты права, но, как бы то ни было, я сегодня вечером приду на танцы. Все остальные сидят дома, так что я буду один.

— Прекрасно! На входе я оставлю для тебя приглашение. Потрясающие вещи происходят, правда?

— Можно выразиться и так. Ну, до встречи.

Только я повесил трубку, как появилась миссис Вииринг, медленно скользившая по лестнице с улыбкой жрицы на лице. Она была в стельку пьяна.

— А-а, это вы, Питер. — По непонятной причине ее обычно мощным голос звучал тихо, даже приглушенно, как в храме. — Насколько я понимаю, нас осаждали сотрудники прессы.

— Всего лишь несколько человек. Не больше, чем при побеге из тюрьмы.

Миссис Вииринг, заметив присутствие в гостиной Мэри Уэстерн Ланг, жестом показала мне в сторону веранды, где мы могли спокойно поговорить вдвоем.

Пляж казался пустынным и даже каким-то загадочным в лучах заходящего солнца.

— Как вы считаете, может, мне стоит дать интервью Чолли Никербокер или кому-нибудь еще? — Она вопросительно посмотрела на меня. Лицо ее было очень красным. Я еще подумал — от высокого давления или же от алкоголя?

— А к вам уже обращались с такой просьбой?

— Пока еще нет, но я уверена, что это произойдет. Мы звывали к себе, того не желая, необычайный интерес.

— Думаю, в этом нет ничего плохого. Я бы даже сказал, что разговор с Никербокер даст вам нужную рекламу.

— Я тоже так думаю, но опасаясь, что люди будут считать меня бессердечной за то, что я собираюсь дать прием буквально через несколько дней после смерти моей племянницы.

— Я так не думаю, — успокаивающим тоном произнес я.

— Бедняжка Милдред. — У миссис Вииринг резко сменилось настроение. Из спокойной разумной матроны она вдруг превратилась в Ниобу¹, оплакивающую своих чад. Это действовало на нервы. Затем неожиданно миссис Вииринг вытерла глаза, выморкалась и произнесла своим обычным тоном: — Думаю, вы абсолютно правы. В понедельник я разошлю приглашения. Будь, что будет.

Я схватил ее за руку, когда она собиралась войти в дом.

— Что такое? — спросила она, задерживаясь в дверях.

— Ваша знакомая, мисс Ланг, заявила полиции, что миссис Брекстон, по ее мнению, утонула намеренно.

— О, нет! — Казалось, это известие просто выбило миссис Вииринг из колен. — Она этого не говорила! Не могла сказать!

¹ В греческой мифологии супруга фиванского царя Амфиона. Гордясь своим многочисленным потомством, она оскорбила богиню Лето (Латону). За это дети Латоны — Аполлон и Артемида — стрелами из лука убили всех детей Ниобы, а сама она окаменела от горя.

— Смогла и сказала.

Щеки у миссис Вииринг вспыхнули недовольным алкогольным румянцем. Лицо покрылось красными и белыми пятнами.

— Как она посмела?!

— Не думаю, что это принесет много вреда,— попытался я успокоить ее.— Никто не в состоянии этого доказать, если она, конечно, не оставила никакой записки.

— Чтобы люди говорили, что... бедная Милдред... о, это просто ужасно!

И миссис Вииринг, не говоря больше ни слова, ринулась прямо в гостиную к мисс Ланг. Я поднялся наверх, чтобы переодеться к обеду.

4

Лучшие мысли у меня рождаются всегда в ванной, сидя в которой я ощущаю себя хозяином вселенной.

Я вполз в старомодную ванну — огромное фарфоровое сооружение, напоминающее собой грандиозное римское надгробие,— и серьезно задумался над тем, что произошло, и над тайной, витающей в воздухе.

У Милдред Брекстон произошел нервный срыв по неизвестным причинам; существовала какая-то связь между нею и Клейпулом, причем Брекстон знал и пытал к этому отвращение; некоторые обстоятельства указывали на то, что Брекстон желал видеть свою жену мертвой, в частности, синяк на ее шее. Видимо, он ее недавно избил. Правда, родственные отношения, представлявшие собой запутанный клубок, меня не касались.

Выходит, действительно существовала возможность, что смерть Милдред была не случайной. Это меня крайне заинтриговало.

Взвесив все, я решил провести свое собственное расследование, что значительно интереснее, чем охота на диких животных, и намного выгоднее... если, конечно, сам не получишь пулю в лоб.

Я решил все выяснить к концу недели, переоделся и спустился вниз.

Наша доблестная компания уже собралась в гостиной и попивала джин.

К моему удивлению, Брекстон тоже пришел.

Каждый из нас разыгрывал кладбищенскую печаль. Уныние, как грозное облако, висело в воздухе. Я пробрался сквозь него к бару, у которого в одиночестве стоял Брекстон. Звуки шейкера в его руке были единственным шумом, производимым в комнате.

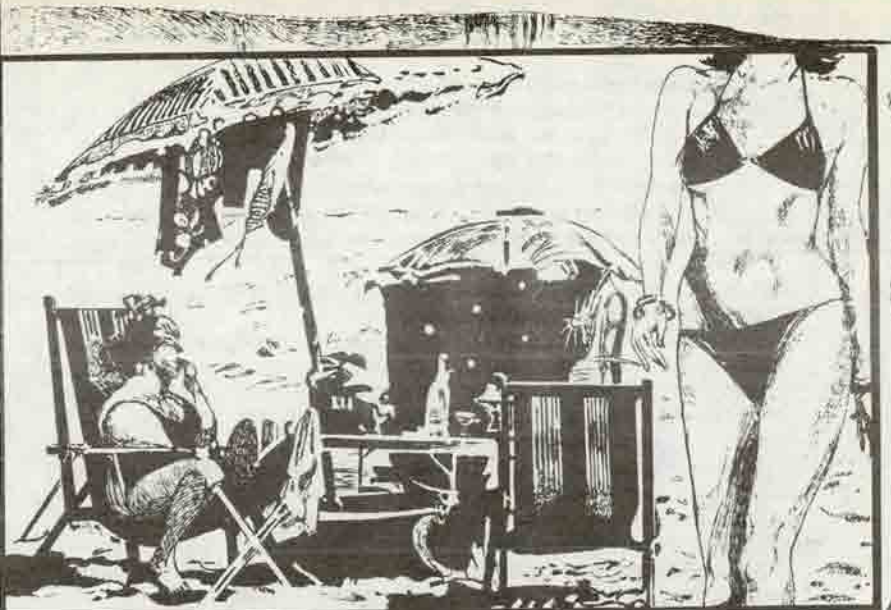
Все гости старательно избегали смотреть друг на друга.

— Чем могу быть полезен? — Кажется, таковы были первые слова, произнесенные несчастным мужем, когда я подошел к нему.

— Мартини,— произнес я.

Недрогнувшей рукой он налил мне бокал мартини.

— Должен поблагодарить вас,— произнес он тихим голосом,— за то, что взяли прессу на себя.

— Я сделал это с удовольствием.

— Они были очень навязчивы?

— Нет.— Я покачал головой.— Обычные вопросы.

— Надеюсь, никаких разговоров о самоубийстве не было?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Об этом не упоминалось. Они вполне удовлетворились тем, что это несчастный случай.

Я помолчал, а потом решил сообщить ему о промахе мисс Ланг. Он лишь печально кивал головой, когда я ему рассказывал о том, что она заявила полиции.

— Мне уже известно,— спокойно произнес Брекстон.— Они меня спрашивали об этом, и я ответил, что сомневаюсь, чтобы у Милдред было намерение покончить с собой. Это же глупо, разве не так? Утонуть на глазах у нескольких человек, часть которых прекрасные пловцы.

Я был удивлен, с каким равнодушием произносились эти слова. Если он действительно был потрясен ее смертью, то никак этого не показывал. Несколько сбитый с толку, я присоединился к остальным, сидевшим у камина.

За обедом было достаточно тоскливо. Поскольку Брекстон был с нами, мы не знали, о чем говорить. Все думали об одном, но говорить о Милдред в присутствии ее мужа было бы бестактно.

Интересно отметить, как разные люди по-разному реагировали на ситуацию.

Мэри Уэстерн Ланг старалась казаться веселой, без конца говорила о своей книге, очень долго рассказывала о визите, который она однажды нанесла Фрэнсис Карпин Лок, известной писательнице, проживавшей в Новом Орлеане.

— Атмосфера любезности! А какой у нее был стол! А какие блюда она предлагала даже самым скромным из гостей!

Миссис Вииринг поделилась местными сплетнями — кто бросил своего мужа, кто выходит замуж, и тому подобное.

Флетчер Клейпул не произнес ни слова. Он был весь в каком-то напряжении. Я видел, что его сестра встревожена. Она внимательно следила за ним на протяжении всего обеда.

Немного выбитый из колеи дворецкий ввел в гостиную неряшливого маленького человечка, инспектора Гривза, и двоих мужчин в штатском.

Мы оцепенели от страха.

— Миссис Вииринг? — произнес Гривз, глядя на мисс Ланг.

— Я — Роза Клейтон Вииринг,— заявила хозяйка, поднявшись с кресла.

— Я — инспектор Гривз, мадам. Отдел расследования уголовных преступлений.

Мисс Ланг непроизвольно пискнула. От этого мышиного звука все невольно вздрогнули. Я бросил взгляд на Брекстона и заметил, как он спокойно закрыл глаза.

— Пожалуйста, сюда, мистер Грейвз.

— Гривз.

Он прошел следом за нею в альков. Его коллеги удалились в холл. Гости, включая меня самого, сидели ошеломленным кругом. Никто не произнес ни слова. Клейпул налил себе вы-

пить. Мисс Ланг выглядела так, будто задышалась. Элли, как обычно, не спускала глаз со своего брата. Брекстон продолжал неподвижно сидеть на стуле. Лицо его ничего не выражало, глаза были закрыты.

Из алькова доносилось неясное бормотание. Я отчетливо различал голоса — недовольный, эмоциональный миссис Вииринг и неумолимый инспектора. О чем, однако, они говорили, слышно не было. Вскоре, впрочем, все прояснилось.

Миссис Вииринг, с лицом красным от гнева, появилась в дверях алькова в сопровождении полицейского, выглядевшего несколько смущенно.

— Мистер Грейвз желает кое-что сказать нам... кое-что настолько странное, что...

— Гривз, мадам, — перебил он с приятной усмешкой. — Пожалуйста, садитесь. — И она покорно опустила в кресло, на которое он указал.

Полицейский инспектор задумчиво посмотрел на нас.

Это был невысокий человек с волосами песочного цвета, покрасневшими глазами и бледным, словно нагримированным лицом.

— Мне ужасно неприятно, что я вторгаюсь в ваше общество, — извиняющимся голосом произнес он. — У меня вот здесь список имен, и я хотел бы, чтобы при его чтении каждый из вас подписался при упоминании своего имени.

Он быстро прочитал фамилии. Мы все представились, причем мисс Ланг вновь удивила нас своим придавленным мышинным шиком.

— Огромное спасибо, — сказал он, закончив чтение списка.

Инспектор старался не задерживать своего взгляда на наших лицах. Почти все время он смотрел в сторону двери холла.

— Больше я не буду держать вас в неведении. Существует версия, что сегодня утром миссис Брекстон не утонула, а была убита.

Ни одного звука не раздалось при этом сообщении. Мы были так ошарашены, что в немом молчании взирали на него.

Когда напряжение ослабло, Гривз спокойно продолжал:

— Мы, конечно, не уверены в этом. Вскрытие, произведенное сегодня днем, показало, что смерть покойной действительно наступила в результате асфиксии. У нее не было ни сердечного приступа, ни каких бы то ни было физических недомоганий. Она была в отличной спортивной форме...

— Как же она могла утонуть, если была первоклассной пловчихой? — раздался напряженный голос Клейпула.

Гривз с нескрываемым интересом посмотрел на него.

— Вот именно поэтому мы здесь, мистер Клейпул. Странно, что она утонула так быстро, в такой близости от берега и от троих мужчин, пытающихся ее спасти...

— Если, конечно, она сама этого не хотела, — самоуверенно заявила мисс Ланг.

— Возможно... хотя, надеюсь, это только возможность. В противном случае, боюсь, нам придется рассматривать это как убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами.

Миссис Вииринг первая кинулась в бой.

— Мистер Гривз, это только предположение с вашей стороны, причем чрезвычайно смелое. Однако, что бы вы ни думали, нет фактов, свидетельствующих о том, что моя племянница задумала покончить жизнь самоубийством или что ее просто убили. В последнее время в результате нервного срыва она была в очень подавленном состоянии. Уверю вас, при таком настроении она вполне могла потерять голову и покончить жизнь самоубийством.

Меня поразила резкость тона миссис Вииринг. Она окончательно протрезвела, и ее обычная болтовня уступила место железной логике и злости.

— Неплохо, неплохо. — Гривз одобрительно кивнул головой. — Мы тоже сперва так думали, когда нам сообщили о ее смерти. Почти ежедневно что-нибудь подобное происходит в этом районе. Утопленники — дело обычное. К несчастью, вскрытие показало нечто странное. Похоже на то, что сразу же после завтрака миссис Брекстон приняла довольно большую дозу снотворного... а может быть, кто-то дал ей его.

На этот раз тишина была полной. Миссис Вииринг открыла рот, видимо, хотела что-то сказать, затем вновь закрыла его, напоминая макрель на сухом берегу.

— С разрешения миссис Вииринг, я собираюсь обыскать дом, чтобы найти это снотворное.

Наша хозяйка только кивнула головой, слишком ошеломленная, чтобы произнести хоть слово.

Гривз приоткрыл дверь в холл и сказал:

— Начинайте, ребята.

Полицейские приступили к поискам.

— Тем временем, — продолжал инспектор, — попрошу всех оставаться в этой комнате. Я побеседую с каждым в отдельности. Он воспринял наше молчание, как согласие.

К моему удивлению, инспектор обратился ко мне:

— Начнем с вас, мистер Сарджент.

Я проследовал за ним в альков. За нашей спиной все вдруг разом заговорили, зажужжали как пчелиный рой. Даже при закрытой двери из гостиной доносились недовольные, встревоженные голоса.

Инспектор задавал мне рутинные вопросы, получая от меня такие же рутинные ответы. Затем перешел прямо к делу. Отвечая на его вопросы, я принял решение: не говорить ни слова о ссоре между Брекстоном и Клейпулом. Кто бы мог подумать, какую ошибку я совершаю!

— Так, мистер Сарджент, насколько я понял, никого из присутствующих в этом доме вы раньше не знали, правильно?

Я кивнул.

— Тогда ваше мнение, как человека со стороны, будет иметь особое значение при условии, конечно, что вы будете говорить правду. — Инспектор натянуто улыбнулся.

— Мне прекрасно известно о лжесвидетельстве. — обидчиво произнес я.

— Очень рад. Скажите, какое у вас сложилось впечатление о миссис Брекстон при первой встрече с нею?

— Довольно приятная на вид, но неприветливая особа.

— Что-нибудь говорилось о ее нервном срыве?

— Да, упоминалось, чтобы объяснить ее несколько странный характер.

— Кто говорил вам об этом?

Инспектор точно не был тупицей, и я даже почувствовал к нему некоторое уважение.

— Один раз миссис Вииринг, другой — мисс Клейпул, и даже мисс Ланг, насколько помню, тоже что-то мне говорила.

— До или после... смерти?

— Думаю, что до, но не уверен. Однако довольно быстро у меня сложилось впечатление, что миссис Брекстон не совсем в своем уме, и о ней следовало бы позаботиться. Все это проявилось ночью накануне смерти, когда у нее произошла сцена с мужем.

И я рассказал ему о криках, о том, как миссис Вииринг успокаивала нас. Гривз проглотил все это без всякого комментария.

— А кто-нибудь видел, как она скандалила с мужем?

— Видел ли кто, не знаю, зато все ее слышали. Мне кажется, миссис Вииринг присутствовала при скандале, хотя я в этом не уверен. Мне показалось, что она поднималась снизу, где расположена их спальня, когда пришла нас успокаивать.

— Понятно. Ну, а теперь расскажите о том, что произошло сегодня утром.

Я изложил ему все подробности, рассказал о том, как Брекстон первым почти доплыл до жены и затем сам чуть было не утонул, как мне пришлось спасти его, а Клейпул вытащил на берег Милдред.

Он молча записал мои показания.

— Скажите, а какой эффект могло оказать снотворное, которое она приняла? Это была смертельная доза? — не выдержал я.

Инспектор задумчиво посмотрел на меня, как бы размышляя, отвечать на этот вопрос или нет. Наконец он произнес:

— Нет, не смертельная. Установлено, что она приняла примерно таблетки четыре. От такого количества не умирают. Правда, она должна была почувствовать слабость, опьянение, замедление сердца.

— Тогда понятно, почему она так странно плыла. Сперва я подумал, что другие просто шутят, заявляя, что она великолепная пловчиха. Она и в воду-то вошла как-то неловко, а плыла вообще еле-еле...

— Нет сомнения, она утонула от того, что у нее просто не хватило сил, чтобы держаться на воде. Вопрос, конечно, заключается в ином: почему она отправилась купаться вместо того, чтобы лечь в постель после снотворного?

— Чтобы покончить с собой?

Это была неразрешимая загадка.

— Вполне вероятно.

— Кроме того, нельзя исключить того, что кто-то, знавший,

что она собирается купаться, мог просто подложить ей снотворное, например, в кофе.

— Да, это другая возможность.

— Но как этот «кто-то» мог быть уверенным, что именно так все произойдет? Она чувствовала себя не лучшим образом... и могла отказаться идти на пляж. Думаю, это скажут и другие. Сейчас, оглядываясь назад, я припоминаю, что был даже удивлен, когда она пошла купаться.

— Человек, давший ей снотворное, видимо, знал ее лучше вас. Наверняка он был уверен, что она обязательно полезет в воду, — произнес Гривз, одновременно продолжая делать какие-то пометки в своем блокноте.

— А человеком, знавшим ее лучше всех, был, несомненно, ее муж.

— Я бы этого не сказал.

Гривз посмотрел мне прямо в глаза.

— Кто же тогда? Даже если б я был Брекстоном и собирался избавиться от своей жены, я не решился бы на подобное.

— К счастью, вы не Брекстон.

Холодный тон, каким были произнесены эти слова, дал мне необходимый ответ. Значит, полиция все-таки подозревает Брекстона в убийстве своей жены.

Я подбросил ему еще одну идею.

— Тогда почему, если намеревались от нее избавиться, ей не дали смертельную дозу?

— А вот это необходимо выяснить, — глубокомысленно произнес Гривз. Я ему явно надоел.

Намереваясь хоть как-то заинтересовать его на будущее, я как бы мимоходом заметил:

— Я буду освещать происшедшее в «Нью-Йорк Глоуб».

Эффект был именно такой, как я рассчитывал.

Гривз вздрогнул и поморщился.

— Насколько я помню, мистер Сарджент, вы занимаетесь связями с общественностью.

— Это так, — согласился я, — но когда-то я работал в «Глоуб». В последние годы написал для них целую серию статей. Надеюсь, вы помните убийство сенатора Роудса пару лет тому назад...

Гривз взглянул на меня с некоторым интересом.

— Так вы тот самый парень? Помню это дело.

— Я оказал, скажем так, некоторую помощь полиции.

— Я, правда, слышал несколько иное.

А вот это начинало раздражать.

— Не имеет значения, что вы слышали. Я собираюсь написать для «Глоуб» серию очерков об этом деле в случае, если действительно было убийство, в чем я очень сомневаюсь.

— Интересно.

Гривз задумчиво посмотрел на меня.

В этот момент вошел полицейский и что-то прошептал ему на ухо. Гривз кивнул. Полицейский, протянув ему платок с двумя небольшими цилиндрической формы предметами, удалился.

— Флаконы от таблеток со снотворным?

Мои догадки оказались верными.

Он кивнул и осторожно развернул платок.

— Как профессионального журналиста и сыщика-любителя, вас, мистер Сарджент, наверняка заинтересует, где мы их нашли. Так вот, они были в двух местах — в шкатулке миссис Брекстон и в ванной комнате Флетчера Клейпула. В обоих флаконах содержится барбитурат, обнаруженный в организме миссис Брекстон. Таким образом, нам остается только выяснить, из какого флакона были взяты таблетки.

— Только и всего?

— Да, мистер Сарджент.

У меня в запасе оставался один выстрел, и я его сделал.

— Синяк на шее миссис Брекстон появился до того, как она отправилась купаться. Я заметил его еще вчера вечером во время обеда.

— Вы очень наблюдательны, мистер Сарджент. Благодарю вас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Примерно в час ночи я пробрался на лестницу, прошмыгнув через кухню и черным ходом выбрался из дома. Дежуривший полицейский сидел в плетеном кресле на углу дома и меня не заметил, поскольку смотрел совсем в другую сторону.

Пригибаясь, я побежал между дюнами, в душе кляня безоблачное небо и яркую луну, которая отбрасывала глубокие тени между дюнами и серебрила холодное море.

Я двинулся в сторону шоссе. Похоже, меня никто не видел.

Гривз приказал всем не выходить из дома до дальнейших распоряжений. Я был в гостинной недолго. Извинившись перед остальными гостями, я поднялся к себе в комнату и приготовился к побегу, надеясь, что танцы в яхт-клубе не закончились.

К счастью, они еще продолжались.

Членами клуба были хорошо обеспеченные представители среднего класса, гордившиеся древностью своих родов, восходивших, как правило, к фермерам восемнадцатого века.

Я направился в бар и заказал «Манхэттен». Там меня и рассмотрела Лиз.

Она была просто великолепна — в черно-белом платье, с ярким украшением в волосах. По блеску ее глаз я понял, что она уже чуть-чуть поднабралась.

— Прекрасно! Тебе удалось сбежать! А я опасалась, что ты там так и застрянешь! — Она со вздохом посмотрела на мой бокал. — Пошли потанцуем.

— Чуть позже, когда я допью.

Самые приличные люди уже разошлись по домам. Один козел валялся пьяный — при виде его невольно вспоминалось, что случилось с подобным же типом в одном из туалетов на Лонг-Айленде. Муж и жена (чужой муж и чужая жена, конечно) страстно обнимались в темном углу зала. Университетская компания, великолепная банда загорелых животных, горланила песни и от счастья ржала. Из долетевших до меня обрывков разгово-

ров я понял, что они планируют внезапный набег на Суатхэмптон. Мне сразу же представились искореженные автомобили и выбитые стекла телефонных будок.

Что поделаешь, молодежь!

И эта же самая молодежь предстала мне в этот вечер в блаженной форме Лиз Безземер. Ее дядюшка и тетушка уехали домой, а те козлы, которые пытались завоевать ее расположение, либо расползлись с девицами более доступными, либо бесцельно околачивались среди припаркованных автомобилей.

В счастливом расположении духа, вволю натамцевавшись и выпив бессчетное количество напитков, мы с Лиз расстались в нескольких ярдах от «Норт-Дюна». На востоке занимался серо-розовый рассвет.

— До завтра?

Она кивнула.

— Правда, если мне удастся. Я еще не знаю, буду ли я свободна.

— Я тоже не знаю, но выскользнуть из дома смогу.

Она уехала, немилосердно скрежеща переключателем скоростей. Худшего водителя я еще не знал, но девушка она просто потрясающая. Она была прелестна, ночь великолепна, луна ярка. Я осторожно открыл дверь черного хода и вошел в кухню.

2

...Очнулся я в постели.

214 Голова раскальвалась. В глазах двоилось. Все было как в тумане. Затем, правда, с трудом, я различил миссис Вииринг.

Она наклонилась надо мной, с тревогой вглядываясь мне в лицо.

В окно струился солнечный свет.

— Который час? — спросил я.

— Десять утра. Вы напугали нас до смерти. Что с вами произошло?

Я приложил руку к голове и нащупал огромную шишку. Череп не пострадал, повязок не было, единственное, что тревожило, так это головная боль.

— Понятия не имею. Я вернулся на рассвете и...

В дверях появился Гривз.

— Давно он пришел в себя, миссис Вииринг?

— Только что. Если вы...

— Оставьте нас, пожалуйста. Я бы хотел задать мистеру Сардженту несколько вопросов.

— Конечно, конечно.

Подбадривающе похлопав меня по руке, миссис Вииринг удалилась, закрыв за собой дверь.

— Ну? — с полуулыбкой спросил меня полицейский.

— Что ну? — Чувствовал я себя ужасно, как в тумане.

Я заметил, что на мне только рубашка и шорты. Вдруг мне стало жарко, я отбросил одеяло и сел, спустив ноги с кровати.

— Пытались сделать нашу работу за нас? Да, мистер Сарджент?

— Убирайтесь.

— Боюсь, придется ответить на мои вопросы. Вам нанесли серьезный удар, но доктор утверждает, что сотрясения мозга нет и вы сможете встать, когда захотите.

— Вы любезно предлагаете мне возвратиться домой, как только я почувствую себя лучше?

Моя голова разламывалась от боли, когда я, шатаясь, направился в ванную комнату.

— Я должен совершить естественные отправления, — сказал я резко.

— Могу и подождать.

Сдерживая стоны, я прошел в ванную, где сунул голову под кран с холодной водой. Затем принял две таблетки эмпирина, подумав при этом, не стоит ли принять еще. Мне все-таки здорово досталось!

Когда я вернулся в комнату, Гривз сидел на стуле у моей кровати, делая пометки в маленькой записной книжке.

— Вы еще здесь?

— Так что же все-таки произошло? — Он выжидающе посмотрел на меня.

— Когда я вошел, через кухню проходила какая-то женщина, вся в черном. В руке у нее были цветы, похожие на каллы. Я спросил, могу ли я ей быть чем-нибудь полезен, а она вдруг ударила меня этими цветами по голове и закричала: «Это за всех Мактевишей!»

По лицу Гривза было видно, что он встревожился, как бы пытаясь понять, насколько же серьезным был удар.

— Каллами? — недоумевающе переспросил он.

— Или чем-то еще.

Я стал раздеваться, надеясь, что он уйдет, но он, как ни в чем не бывало, продолжал рассеянно взирать на меня, пока я влезал в плавки.

— Вы видели ее лицо?

— Я пошутил, — сказал я, чувствуя просветление в голове, как будто хорошо опохмелился, и осторожно уселся на краешек постели. — Никого я не видел. Только вошел в кухню и — шарах! Вот и все. Очнулся уже здесь.

— Ударили вас справа, металлическим предметом, причем человек, нанесший удар, был такого же роста, как вы, или чуть повыше.

— Или стоял на стуле.

— Да. Или на чем-то стоял. Обнаружила вас в половине восьмого кухарка, которая кричала не переставая в течение нескольких минут. Один из моих людей принес вас сюда, а затем мы вызвали доктора.

— Нашли какие-нибудь ключи?

— Мы называем их «нитеми», мистер Сарджент. Полицейское управление на...

— Хорошо. Пусть будут нити. Нашли вы их? Ну, скажем, какую-нибудь светлую волосинку, пропитанную кровью? Или, может, застарелую перхотинку пожилого убийцы, которая валялась рядом с моим неподвижным телом?

— Ничего, кроме вашего тела.

Он замолчал, как бы показывая, что для него этого недостаточно.

— Ну, что ж. Больше мне нечего сказать.

— Вас не было здесь. Вы сбежали из дома, хотя я убедительно просил всех этого не делать. Вы оделись в...

— В смокинг. И отправился в яхт-клуб «Лейдирок».

— Некая мисс Беземер подбросила вас сюда в пять двадцать или около этого.

— Как я понимаю, это сказал ваш сотрудник? Тот самый, который видел десятый сон, когда я вернулся?

— За это мы его и сменили, — спокойно и невозмутимо ответил Гривз. — Сарджент, что вам известно?

Он наклонился вперед и выплеснул мне в лицо эти слова, как ушат холодной воды. Ясно, ему было не до шуток.

— Как что?

Эмпирию еще не начал действовать, и голова моя по-прежнему раскалывалась.

— Вы что-то утаили от нас. Что-то очень важное, причем настолько, что это побуждает убийцу избавиться от вас.

Это я понял раньше, когда узнал, что меня чем-то ударили. Однако я был в полной растерянности, не зная, что и подумать. Ни Брекстон, ни Клейпул не знали, что я подслушал их разговор, а только они были самой подходящей парой.

Гривз, однако, считал иначе.

— Что же вы увидели в воде в тот самый момент, когда миссис Брекстон тонула? Что конкретно делал Брекстон? Что делал Клейпул? А сама миссис Брекстон не кричала? Не взывала о помощи?

— Вы хотите сказать, что в тот момент я случайно мог видеть что-то, что было не в интересах убийцы?

— Вот именно.

Я медленно покачал головой.

— Я уже десятки раз прокручивал в уме все происшедшее и не мог вспомнить ничего необычного, ничего такого, что вам не было бы известно.

— Как далеко был Брекстон от жены, когда вы подплыли к нему?

— Примерно в пяти футах. Он наглотался воды, и лицо его посинело. Я схватил его, в то время как...

— Клейпул подхватил миссис Брекстон.

— Да, затем мы поплыли к берегу.

— И Брекстон ни разу не касался своей жены?

Я отрицательно помотал головой.

— Не думаю. Когда я подплыл к миссис Брекстон, она уже захлебывалась, отчаянно пытаюсь выплыть наверх. Она не произнесла ни звука.

— А Клейпул?

— Он плыл позади меня, пока мы не добрались до Брекстона. Потом он вырвался вперед и схватил миссис Брекстон. Я же занялся ее мужем.

— Как обращался с ней Клейпул во время обратного пути?

— Я не видел. Я был занят Брекстоном. К счастью, мне удалось удержать его на воде.

Гривз в задумчивости дымил трубкой.

— Он предпримет еще попытку.

— Кто? И что за попытку?

— Убийца еще раз попытается отправить вас на тот свет.

Я засмеялся, хотя мне было отнюдь не до смеха.

— Я не уверен, что именно по этой причине меня шарахнули по голове. В конце концов, если бы кто-то действительно хотел избавиться от меня, он не стал бы полагаться на один-единственный удар. И откуда он мог знать, что я собираюсь появиться на кухне в пять часов утра? Что он там делал?

— На все эти вопросы мы и должны найти ответ, — с важностью публичного оратора глубокомысленно произнес Гривз.

— Ну, пока вы ищете ответ, я собираюсь чего-нибудь поесть и позагорать. У меня ломит все тело.

— Если бы я был на вашем месте, мистер Сарджент, я был бы очень осторожен.

— Сделаю все, что в моих силах. И пускай ваши люди будут повнимательней.

— Да, конечно. В этом доме, мистер Сарджент, находится убийца, и, по-моему, он охотится за вами.

— Из-за вас я чувствую себя мишенью.

— Мне кажется, «приманка» — более подходящее слово. А как вам?

Ну разве не мерзкий тип!

3

Я завтракал на веранде в окружении наших дам, которые взирали на меня, как на героя. Клейпул, похоже, был в Истхэмптоне, а Брекстон — в своей комнате, где он якобы что-то писал.

Бросив взгляд на открытое окно, я понял, что любой находившийся в его комнате мог слышать наш разговор.

Больше всех мне сочувствовала Мэри Уэстерн Ланг.

— Мы все прибежали на кухню, как только раздались крики кухарки. Если бы вы только видели, какая была суматоха! Вы лежали на полу, в лице ни кровинки! Я вызвала врача, — добавила она, подчеркивая, что единственная из всех сохранила присутствие духа.

— Вы хоть заметили, кто это сделал? — с едва прикрытой настойчивостью спросила Элли Клейпул.

— Нет, не заметил. Как только я открыл дверь кухни, кто-то ударил меня по голове.

Миссис Вииринг указательным пальцем помешала апельсиновый сок в своем бокале. Интересно, подумал я, какой горячительный напиток она выбрала себе на завтрак? Скорее всего джин.

— Полиция просила нас молчать о всем происшедшем. Почему, не знаю. Лично я полагаю, что в дом забрался какой-нибудь бродяга... из тех, что периодически болтаются в Саутхэмптоне. Он пробрался сюда, но, когда услышал вас, испугался и...

— И спокойненько вышел из дома, пройдя мимо спящего

полицейского у входа? — Я отрицательно покачал головой. — Не думаю, что даже какой-нибудь сбежавший из тюрьмы взломщик осмелится подойти близко к дому, у которого на страже находится полицейский, пускай даже спящий.

Все со мной согласились, однако миссис Вииринг продолжала держаться своей версии. Альтернативная теория невольно заставляла бы всех нервничать.

Наконец мисс Ланг высказала то, что у всех вертелось на языке.

— Кто-то, живущий в этом доме, пытался... разделаться с мистером Сарджентом.

Она замолчала, широко раскрыв глаза, явно довольная словом «разделаться».

— Убийца, — сказал я, — видимо, считает, что мне что-то известно.

Произнеся эти слова, я был уверен, что за открытым окном своей комнаты, всего в нескольких шагах от меня, стоит, затаясь, Брекстон.

— Конечно, я не знаю, все дело в том...

— Какой кошмар! — неожиданно страстно воскликнула Элли. — Что может быть более ужасного, более бессмысленного!

— Думаю, — жестко произнесла миссис Вииринг, — каждый придет к своему собственному заключению. Нет никаких доказательств, что бедняжку Милдред убили. Я лично отказываюсь верить в это. Конечно, никто из присутствующих здесь не мог бы пойти на такое. Что же касается мистера Сарджента... Ну, здесь может быть иное объяснение. — Какое именно, она так и не сказала. Затем, повернувшись к мисс Ланг, с обвиняющим видом спросила:

— Насколько я помню, вы со мной согласились, что здесь не может быть и речи об убийстве?

Мисс Ланг рассеянно помахала пухленькой ручкой.

— После того, что произошло с мистером Сарджентом, мнение мое изменилось. Я была совершенно уверена в том, что вчера, отправляясь купаться, бедная Милдред действительно имела намерение встретиться со своим Творцом. Но сейчас у меня такой уверенности уже нет.

Женщины еще некоторое время поспорили относительно того, что же произошло, однако фактов никаких не было, за исключением неожиданного повреждения меня куском металла. Никто до этого даже не желал задумываться над тем, что Милдред могли убить.

После завтрака миссис Вииринг пожелала поговорить со мной с глазу на глаз, но я извинился, заявив, что мне необходимо сделать несколько телефонных звонков. Я поднялся к себе в комнату, в которой сейчас никого уже не было, и позвонил мисс Флинн. Интересно, подумал я, меня кто-нибудь подслушивает? Домашние телефоны отличаются характерной особенностью: именно они являются основной причиной разводов как результат телефонных разговоров во время уик-эндских приемов.

— Видимо, следует понимать, — холодно заявила мисс

Флинн, — законная жена известного современного художника умерла естественной смертью?

Скептицизм в ее голосе был достаточно тяжел, чтобы покаутировать любого собеседника.

— Насколько мне известно, да, — бойко ответил я. — Наверняка я задержусь здесь на неделю. По просьбе полиции...

— Понятно, — пресекла мисс Флинн мои дальнейшие объяснения. Она была просто непробиваема. — За дела не беспокойтесь. Сделаю все, что в моих силах. Вы будете в контакте с «Глоуб»?

— Возможно. Раз зашел об этом разговор, мне придется им позвонить, чтобы узнать, смогут ли они...

— Знаю, знаю. Дать психологический портрет того или иного типа. Надеюсь, вы будете осторожны в своем расследовании.

Я ответил, что постараюсь, а затем посоветовал ей, что делать с нашими клиентами во время моего отсутствия.

Потом позвонил в Уэстпорт главному редактору «Нью-Йорк Глоуб».

— Рад тебя слышать, мой мальчик. Надеюсь, не влип в новое убийство, а?

— Вот именно, влип.

Я почувствовал, как на другом конце провода затаили дыхание. Главный редактор быстро соображал, как бы подешевле меня купить.

— Дело-то стоящее? — спросил он намеренно скупающим голосом.

— Милдред Брекстон.

— Истхэмптон? Ты что, сейчас там?

— Да, в доме миссис Вииринг. Надеюсь, вы следили...

— Я подумал, что это просто несчастный случай.

— А полиция считает, что нет. Теперь...

Мы поторговались, как джентльмены, и я получил нужную мне сумму. Кроме того, я попросил его предоставить мне всю возможную информацию о миссис Вииринг, Клейпулах, Брекстонах и Мери Уэстерн Ланг. Все они были более или менее известны в обществе. Он обещал сделать это, а я сказал, что представляю ему материал через пару дней, задолго до того, как другие газетчики смогут получить интервью у основных действующих лиц. Я повесил трубку, а секунду спустя поднял ее и услышал щелчок. Значит, кто-то меня подслушивал.

Затылок у меня перестал болеть, хотя и был еще необычной формы. Я спустился вниз.

Когда я проходил через холл, миссис Вииринг кивнула мне в сторону гостиной. Мы прошли туда.

— Где Гривз? — поинтересовался я.

— Ушел. Правда, на время. Боже мой! Быть под арестом двадцать четыре часа, — мрачно добавила она.

Интересно, подумал я, неужели она трезвая? Что же она хочет мне сказать?

— Что ж поделаешь, он ведет следствие.

— Мистер Сарджент... Питер... Мне кажется, мы в ужасном положении, в смертельной опасности.

На меня подобное не действует, я даже могу и не такое выдать.

— Похоже, мы не в состоянии ничего сделать, — уклончиво заметил я.

— Но ведь должен же быть какой-то выход! — Она нервно ломала руки. — У меня предчувствие, что нам угрожает опасность.

— Как вы считаете, миссис Брекстон была убита или нет?

Она ничего не ответила, только со вздохом посмотрела в окно на бархатную зеленую площадку для гольфа, блестящую под лучами солнца, как водный бассейн. Миссис Вииринг сменила тему разговора, причем со скоростью, к которой я уже привык. Алкоголики любое долгое обсуждение находят слишком утомительным.

— Я хочу, чтобы в своем первом сообщении для «Глоуб» вы упомянули о приеме, намечаемом в моем доме на День труда.

— Так вы подслушали мой телефонный разговор?

— Скажем так, птичка на хвосте принесла, — смущенно произнесла она.

— Вы не возражаете, если я буду писать об убийстве?

— Конечно, возражаю. Но поскольку об этом будут писать все ужасные бульварные газетки, для меня лучше, чтобы такой джентльмен, как вы, человек, присутствовавший здесь, занялся этим.

Ее рационализм всегда поражал меня.

— А я боялся, что вы рассердитесь.

— Ну что вы, просто мне хотелось бы время от времени знакомиться с тем, что вы пишете. Может, я смогу быть вам полезной.

— Это было бы чертовски любезно с вашей стороны.

— Ну что вы!

— Ваша племянница была убита? — спросил я неожиданно, пытаясь застать ее врасплох.

— А вот здесь от меня помощи не ждите.

На этом наш разговор закончился. Я оставил ее и отправился на пляж загорать.

Там я застал только Элли Клейпул.

Она лежала на спине в очаровательном красном бикини. Я нашел ее удивительно привлекательной, и, если бы не моя увлеченность Лиз, я бы от нее не отказался.

Элли улыбнулась мне и спросила:

— Ну как, выздоравливаем?

Я опустился рядом с нею на песок. Солнце ласкающе прогревало тело. Море искрилось. Прошли всего сутки после трагедии.

— Я чувствую себя значительно лучше. А где все остальные?

— Мисс Ланг отправилась к себе, чтобы написать очередной очерк. Брат в городе. Брекстон все еще не выходит из своей комнаты. Черт побери, что происходит?

Я развел руками.

— Не имею ни малейшего представления. До пятницы я никого из них не знал. Вам это хорошо известно.

— Ничего не могу понять, — произнесла она, втирая масло в загорелые руки.

— Миссис Вииринг считает, что мы в ужасной опасности. Элли слегка улыбнулась.

— Боюсь, Роза всегда считает себя в большой опасности, особенно когда пьяна.

— Но мне показалось, что сегодня утром она была довольно трезвой.

— Это трудно определить. Я бы не стала с излишней серьезностью относиться к ее словам, которые составляют часть ее собственного безумия.

— С другой стороны, удар по голове, которым меня наградили сегодня утром, свидетельствует о том, что это отнюдь не ее пьяная галлюцинация.

— Да, это все гораздо серьезнее. Но я все равно не могу поверить, что кто-то убил Милдред. Тем более кто-то из нас.

— А как вы полагаете, что произошло?

Я посмотрел на нее невинным взглядом. Мне придется еще немало спрашивать этих людей, одного за другим, и лучший подход — прикинуться дурачком.

— Я верю тому, что говорит Пол.

А вот это было интересно. Я ведь до сих пор не знал мнения Брекстона об убийстве, и никому, похоже, он его не излагал, за исключением полиции.

— Так что же он говорит?

— Чтобы успокоиться, Милдред принимала снотворное в любое время. В то утро она приняла свою обычную норму и отправилась купаться, не понимая, насколько силен прибой.

— Что ж, звучит вполне убедительно.

— За исключением одного — у моего брата были такие же таблетки снотворного.

— Вы хотите сказать, что полиция подозревает его?

— Нет, не думаю. — Элли покачала головой. — У него не было мотива. Даже если это сделал он, нет доказательства, что таблетки из его флакона. Просто похоже на то, что кто-то имел доступ в его ванную, в то же время не имея возможности добраться до таблеток Милдред, которые она хранила в своей шкатулке. Только она знала цифровую комбинацию замка. Брекстон божится, что ему шифр неизвестен и даже при желании он не смог бы открыть шкатулку.

— Выходит, либо эти таблетки она приняла сама, либо кто-то незаметно проскользнул в ванную комнату вашего брата, а затем так же незаметно подбросил ей таблетки в кофе или другой напиток.

— Если бы на вас не напали минувшей ночью, я бы считала, что Милдред сама приняла таблетки. Теперь такой уверенности у меня нет.

— Похоже на то, что покушение на меня сломало всю версию. Элли кивнула головой.

— Да, я была уверена, что этот ужасный маленький человечек Грейвз, или как там его еще, просто пытался напугать нас, чтобы привлечь к себе внимание. Я думаю, он так и не решил, было это убийство или нет.

— У него-то сейчас уже есть определенное мнение, а вот у вас?

— Даже не знаю, что и подумать.

— А что было между вашим братом и Милдред? — произнес я на одном дыхании, чтобы поймать ее врасплох. Мне это удалось.

Ее ресницы встревоженно задрожали. Она нахмурилась.

— Что... Что заставляет вас думать...

— Миссис Вииринг, — солгал я. — Она заявила мне, что много лет тому назад...

— Идиотка! — Элли буквально взвилась, но тут же взяла себя в руки и даже попыталась убедительно рассмеяться, чтобы затушевать неожиданный просчет. — Извините, — быстро произнесла она. — Мне кажется бессмысленным копаться в семейном белье. А факты предельно просты. Милдред была помолвлена с моим братом, затем встретила с Брекстоном и вышла за него замуж. Вот и все. Мой брат был очень привязан к ней, но холоден к Брекстону, правда, потом они поладили...

— Почему она не вышла замуж за вашего брата?

— Думаю, Брекстон больше очаровал ее, — уклончиво произнесла Элли.

— А как вы отнеслись к тому, что Брекстон женился на ней?

— Мне кажется, мистер Сарджент, это не имеет никакого отношения к делу.

Она холодно посмотрела на меня.

— Пожалуй, нет. Извините. Просто я подумал, что если убийца собирается использовать меня вместо боксерской группы, то мне следовало бы лучше знать о том, что здесь происходит.

— Извините, — быстро отозвалась мисс Клейпул. — Я не хотела вас обидеть. Просто это очень болезненный вопрос для всех нас. По правде говоря, я даже не хотела приезжать сюда на уик-энд, но Флетчер настоял. Он очень любил Милдред. Всегда.

Из того, что она сказала и о чем умолчала, я начал представлять взаимоотношения действующих лиц.

С террасы меня позвал дворецкий. Звонила Лиз. Я ответил ей по аппарату, стоявшему в холле.

— Дорогой, как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросила она.

— Только не говори мне, что ты слышала...

— Я знаю абсолютно все. Тетушка рассказала мне утром, как тебя вчера ударили по голове, когда ты вернулся домой. Я пытаюсь дозвониться уже в течение двух часов, но линия все время занята. С тобой все в порядке? Где...

Я рассказал ей о том, что произошло, все время поражаясь скорости, с какой новости распространялись в этом обществе. Похоже, без слуг не обошлось, так как, насколько мне известно, никто из присутствовавших в доме, я имею в виду гостей, не вымолвил пока ни слова.

Она облегченно вздохнула, услышав, что меня не ранили, хотя и продолжала тревожиться.

— Думаю, тебе не стоит оставаться на ночь в этом ужасном

доме, Питер. Совершенно очевидно, что на свободе бродит ма-
ньяк и...

— И когда я тебя увижу?

— О! А как насчет того, чтобы сегодня вечером? Где-то около
полуночи. Весь вечер я должна быть с тетей и дядей, зато потом
я приглашена к Эвану Эвансу, скульптору-абстракционисту. Мы
можем встретиться там. Вход туда свободный.

Я записал адрес, а затем, взяв с меня твердое обещание, что
я больше не буду наткаться на металлические предметы, она
дала отбой.

Я вновь собирался отправиться на пляж. Мне было слышно,
как наверху лихорадочно трещала машинка Мэри Уэстерн Ланг.
Дверь в комнату Брекстона была закрыта. Миссис Вииринг
писала письма в гостиной. Всюду царили мир и покой.

Когда я вернулся на пляж и подошел к Элли Клейнуд, она
беседовала с незнакомым молодым человеком.

— О, мистер Сарджент. Разрешите представить вам Дика
Рэндана, моего племянника.

Это был долговязый юноша лет двадцати, в массивных очках
и в полосатом костюме.

Я произнес несколько фраз о том, какая молодая тетья у такого
взрослого племянника, и она со мной согласилась.

— Дик только что приехал из Кембриджа.

— Я услышал о том, что произошло, и приехал убедиться, что
все действительно так, — заметил Дик бесстрастным голосом.

Сидя на песке, обхватив руками костлявые колени, он напоми-
нал собою умную сову.

— Только что сюда добрался... Ну и слухи... — Он мрачно
покачал головой.

— Дик готовится на магистра истории, — заявила Элли, как
будто этим все объяснялось. — Ты бы лучше прошел в дом,
дорогой, и сказал Розе, что ты здесь.

— О, я остановлюсь в городке, — ответил молодой историк.

— Ну, по крайней мере поздоровайся. Я уверена, что она
пригласит тебя остаться на обед.

Страхнув песок с брюк, племянник направился к дому.

Элли вздохнула.

— Мне следовало догадаться, что Дик появится. Он просто
обожает всяческие загадки. Именно поэтому он заинтересовался
историей, этими ужасными войнами и всем остальным.

— Может, он развеселит нас?

— Боюсь, для этого одного Дика будет маловато.

— Вы ведь ненамного старше его, да?

Элли улыбнулась.

— Такие слова, конечно, приятно слышать, хотя я старше его
на целых десять лет.

«Что составляет примерно тридцать один или тридцать два
года», — мысленно провел я в уме необходимые расчеты, благо-
даря которым приобрел в школе репутацию математического
неудачника.

Затем мы отправились поплавать, держась поблизости от
берега.

Первыми на коктейле появились я и мисс Ланг. Ее одежда была еще более вызывающей, чем обычно. Вероятно, она считала, что необычно умна и привлекательна.

— Похоже, мы первые, своего рода авангард.

От разговора с мисс Ланг меня избавило появление Клейпула. Лицо его было бледным и озабоченным, как будто он не спал целую неделю.

— Весь город жужжит, — механически начал он. — Я был в театре, на выставке картин. Кстати, там есть довольно неплохие, хотя Пол, конечно, считает их мазней.

В дверях появился Брекстон. Он даже улыбался, как будто к нему вернулось прежнее радушие. «Интересно, почему?» — подумал я. Ведь к этому моменту шея его была уже наполовину в петле.

Клейпул холодно взглянул на него.

— Я рассказывал о выставке картин в театре Джона Дроу.

— О, это действительно мазня, — весело произнес Брекстон, смешивая себе коктейль. — Вы абсолютно правы, Флетчер.

— А мне они понравились. Я сказал, что вы...

— Да Бог с ними. За искусство!

— За искусство? Мне это нравится!

В комнату вошла миссис Вииринг в сопровождении Дика Рэндана. Она была в приподнятом настроении — пьяна, как сапожник. Представила мисс Ланг и Брекстону родственника Клейпулов. Писательница моментально перекинула всю свою влюбленную внимательность на молодого историка.

— Так вы учитесь в Гарварде? — замурылькала она, и юношу усадили рядом с ней на кушетку. Можно считать, что с ним на этот вечер было покончено.

Последней к нам присоединилась Элли. Она села рядом со мной.

— Ну вот, мы опять вместе, — произнесла она неуместные слова.

В этот вечер вся компания лихорадочно веселилась. Нас всех захватило одно настроение — каждый хотел напиться. Я, однако, старался быть осторожным — наблюдать, прислушиваться, замечать. Ведь кто-то из присутствующих в комнате ударил меня по голове — возможно, с намерением убить. Но кто? И почему?

Затем мы пили кофе в гостиной.

Рассеянно беседуя с Диком Рэнданом, я вдруг заметил, как Гривз на цыпочках пересек холл. Интересно, зачем он здесь?

— А что, преступник действительно нанес вам сильный удар? — спросил Рэндан, неожиданно прервав меня.

— Да, — коротко бросил я ему. Мне ужасно надоело рассказывать, что со мной произошло.

— Значит, вы обладаете какой-то информацией, и поэтому он желает убрать...

— Меня или информацию?

Рэндан выражался так же неясно, как и большинство историков.

— Обоих, конечно.

— Кто знает, — сказал я. — Как бы то ни было, он напрасно теряет время, потому что мне ничего не известно.

— Потрясающе! — Его глаза за стеклами очков потемнели. — Кроме того, возникает еще и психологическая проблема. Ваши родственниками являются...

Я постарался как можно скорее удалиться, едва представилась такая возможность, и сказал миссис Вирилинг, что устал и хочу пораньше лечь спать. Она со мной согласилась, заявив, что просто удивительно, что я не чувствую себя хуже, если вспомнить, какой мне нанесли удар.

В холле я встретил Гривза. Он в задумчивости сидел на стуле с прямой спинкой у телефонного столика, держа в руках какую-то бумагу.

— Готовимся кого-то арестовать? — весело спросил я.

— Что? О... Вы опять собираетесь смяться?

— Да, и хотел бы получить у вас разрешение.

— Я не могу задержать вас, мистер Сарджент, — печально произнес Гривз. — Только сделайте милость — никому не рассказывайте о том, что здесь происходит.

— Не понимаю, что это дает. Ведь в газетах все есть.

— В газетах много чего есть. У нас сегодня на дежурстве двое полицейских, — добавил он.

— Надеюсь, этого будет достаточно.

— Если вы, конечно, не забудете запереть свою дверь на ключ.

— У убийцы тоже может оказаться ключ.

— Один из наших людей будет на лестнице. В его задачу входит следить за вашей комнатой.

— Вы что же, — усмехнулся я, — думаете, что в доме, где находятся двое полицейских, может что-то произойти?

— Никогда нельзя знать точно.

— У вас что, не хватает фактов?

— Да, не хватает, — последовал на удивление откровенный ответ. — Но мы знаем, что делаем. Кстати, скажите мне, мистер Сарджент, вы не играете в бумажные куклы?

— Куклы? — переспросил я, глядя на него в полном недоумении.

— Или, может быть, собираете газетные вырезки?

— Это делает моя секретарша. Обычная профессиональная подборка. Впрочем, о чем мы говорим?

— Тогда это развлечет вас. — И он пододвинул ко мне обычный лист бумаги для машинки, на котором были приклеены разной величины буквы, взятые из газетных заголовков.

Текст гласил: «БресСтонН — УбиВЦа».

— Где вы его нашли?

— Здесь, сегодня утром. — Гривз показал на телефонный столик. — Этот лист лежал под книгой. Не знаю, что заставило меня обратить на него внимание. Возможно, следы клея.

— Значит, он пришел не по почте?

— Нет. Его просто положили на стол. Очень странно.

— Есть отпечатки пальцев?

Инспектор жалостливо посмотрел на меня.

— Со времен Диллинджера никто не оставляет отпечатков.

— Интересно, почему в словах ошибки?

— Видимо, соответствующих букв не оказалось в заголовках статей. Мы еще не выяснили, из какой газеты это вырезано.

— И кто оставил это послание, как вы считаете?

— Вы.

Инспектор спокойно посмотрел на меня.

Я невольно рассмеялся.

— Если бы я думал, что Брекстон — убийца, я бы сказал вам об этом.

Гривз пожал плечами.

— Не рассказывайте мне сказки. Это ваших рук дело, мистер Сарджент. Я убежден, убийца полагает, что вам что-то известно. Вот почему он пытается убрать вас с дороги. Пока еще не слишком поздно, расскажите мне все, что вы видели, когда тонула Милдред Брекстон.

— Как вы упрямы, — со вздохом произнес я. — Повторяю — я ничего не видел. Более того, могу сказать, что, поскольку не я — автор этой записки, значит, кто-то знает, что произошло, или по каким-то соображениям пытается бросить тень на Брекстона. Будь я на вашем месте, я бы последовал по пятам автора этой писульки.

А этот след, я был абсолютно уверен, рано или поздно приведет к мстительному Клейпулу.

Гривз же был полностью в плену своей собственной версии. Какой — мне не известно, но он явно беспокоился за мою безопасность.

— Должен предупредить, мистер Сарджент, если вы не расскажете правду, я слагаю с себя ответственность за все, что может произойти.

— В случае моей смерти?

— Вот именно.

У меня было такое ощущение, что мне подписали приговор, притом окончательный.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

К полуночи я прибыл на сборище, которое проходило в покосившемся невзрачном деревянном коттедже близ железнодорожной станции, расположенной рядом с океаном. Здесь собралась богема Истхэмптона: человек тридцать обоего пола, более или менее связанных между собой сексом и интересом к искусству.

Когда я вошел, на меня никто не обратил внимания.

Все комнаты освещались свечами, установленными в бутылках. Складывалось какое-то странное ощущение — как будто ты в аду.

В одной комнате кто-то играл на гитаре, а все остальные сидели на полу и болтали, не обращая внимания на музыку.

Я разыскал Лиз. Цветом лица она уже соперничала с красным вином, которым, похоже, усердно накачивалась.

— Я чувствовала себя так уж-жасно!

Лиз внимательно посмотрела мне в лицо, и я понял, что, несмотря на всю ее игру, она действительно встревожена.

— С тобой на самом деле все в порядке? — спросила она и стала ощупывать мою голову. Ее глаза округлились, когда она дотронулась до шишки величиной с грецкий орех.

— Я чувствую себя вполне прилично. Ты полагаешь, что тебе следует пить эту дрянь?

Я указал на вино, которое наливали из бутылок без этикеток. Скорее всего это был сидр.

— Да не пью я его, просто держу бокал. Пойдем, я представлю тебя хозяину.

Хозяином оказался дородный мужчина. Его жена, по всей видимости, индонезийка, одетая в сари, танкетки и с розовой сеткой на голове, весь вечер простояла за его спиной. Она не знала ни слова по-английски, что было, вероятно, неплохо.

Лиз и я присоединились к группе молодых литераторов, очень чувствительных парней с шипящими голосами, напоминающими о разрываемой ткани. Они с полным знанием дела болтали обо всех диссидентах нового поколения — писателях, артистах и им подобных.

Пока они шипели друг на друга, мы с Лиз обсуждали наши собственные проблемы.

Самый разгар вечеринки пришелся примерно на час ночи. Кто-то начал поливать грязью Т. С. Элиота. Какая-то толстая блондинка стала сбрасывать с себя одежду, оставшись чуть ли не в том, в чем мать родила. Молодые парни, не обращая на нее никакого внимания, обсуждали счастливые дни своего внутриутробного развития. Яркие приверженцы «Партизан-ревю» в буквальном смысле лупили друг друга за нарушение долга, которому никто из них не хотел следовать.

Это была типично сельская вечеринка, столь характерная для курорта.

Мы же с Лиз тихо беседовали на полу, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Наш разговор прервал Дик Рэндан.

— Не ожидал встретить вас здесь, — сказал он, с любопытством глядя на нас.

— Что?

Прищурившись, я в недоумении посмотрел на него. Подобно журавлю, опустившемуся в свое гнездо, он сел рядом с нами.

— Я старый друг Эванса, — сказал Дик, махнув в сторону нашего хозяина, который показывал свои рисунки бородатому мужчине.

— Как дела в доме? — спросил я.

— По-моему, все нормально. Я ушел следом за вами и отправился в клуб, но там было мало интересного, поэтому я устремился сюда, полагая, что Эванс еще не спит. Наверное, вы знаете, что это я организовал его бостонскую выставку.

Затем я представил его Лиз. Они с недовольным видом кивнули друг другу.

В противоположном конце комнаты полуобнаженная блондин-

ка уселась на пол, скрестив ноги, как йог, и стала раскачиваться из стороны в сторону. Это произвело нужный эффект. Даже чувствительные литераторы обратили на нее внимание.

— Ничего подобного в яхт-клубе «Лейдирок» не увидишь, — сказал я недовольно.

— А вот я не уверена, — задумчиво произнесла Лиз. — Мне кажется, нам пора убраться.

Мы выскочили из дома, за нами последовал Рэндан. Сегодня ночью Лиз была без машины. Я уже собирался поймать такси или отправиться пешком, но Рэндан настоял на том, чтобы подвезти нас в своем автомобиле.

Расставаясь с Лиз у дверей ее дома, я поцеловал ее на сон грядущий. Мой спутник скромно глядел в сторону. Затем она вошла в дом, а Рэндан отвез меня к «Норт-Дюнз».

2

Оказалось, что он больше заинтересовался убийством, чем я думал, и не просто был заинтересован, а в буквальном смысле заинтригован.

— Я занимался изучением подобных случаев, — заметил он с серьезным видом. — Однажды даже написал работу об убийстве сэра Томаса Овербери. Потрясающий случай!

— Кажется, это было в семнадцатом веке?

Я знал еще немало интересных вещей, которые могли сбить с толку даже университетских студентов.

— Вот именно. Вообще-то я не собирался приезжать, хотя Элли и приглашала меня. Но как только по радио в Бостоне сообщили, что произошло, я немедленно бросился сюда. Я был знаком с миссис Брекстон, правда, немного, когда она дружила с моим дядей.

— Но это ведь было достаточно давно?

— Да, лет пятнадцать, если не ошибаюсь, но я прекрасно помню. Все были абсолютно уверены, что они поженятся. Я так и не понял, почему этого не произошло. Потом мы узнали, что Милдред вышла за Брекстона.

— Похоже, ваши дядя и тетя сильно привязаны друг к другу?

Но Дик был слишком хитрым молодым человеком и не попался на эту удочку.

— Да, вы правы, — равнодушно бросил он.

«Норт-Дюнз» чернел на фоне белого пляжа, производя зловещее впечатление. Нигде ни огонька. Интересно, почему для меня не оставили свет в холле?

Мы подъехали к дому и остановились на шоссе. На затемненной террасе не было видно ни души.

— Вы хотите здесь? — спросил я, поворачиваясь к Рэндану.

— Нет, в городе. Я не хотел никого стеснять. Кроме того, пока я в Истхэмптоне, мне надо со многими повидаться. — Он вылез из автомобиля. — Я провожу вас.

Мы обошли дом и подошли к нему со стороны моря.

Молодой человек всю дорогу болтал об убийстве, что не доставило мне особого удовольствия. Впервые с того времени, как нача-

лись все тревоги, я был испуган. Меня пронизывал ледяной непонятный страх. Я хотел попросить его пройти в дом, но мне было слишком стыдно показывать свою слабость. Вместо этого я тянул время, давал на его вопросы невероятно длинные ответы, стараясь как можно дольше оттянуть неизбежное. Мы уселись на металлическую скамейку-качели, которая стояла рядом со ступеньками на террасу. Немного в стороне, подобно черным грибам, возвышались пляжные зонтики. Благодаря дуне ночь была светлой и ясной. Мы старались не двигаться, чтобы качели не скрипели.

— Я приехал сюда,— тихо признался Рэндан,— по вполне определенной причине. Элли считает, что я просто ужасный человек, но дело не в этом. Я очень люблю ее и своего дядю.

— То есть вы хотите сказать, что они могут иметь какое-то отношение к этому?

Он кивнул.

— Только не думаю, что прямое. Просто в газетах может появиться множество разных сплетен, которые...

— О вашем дяде и Милдред Брекстон?

— Главным образом да. Видите ли, я уверен, если они попытаются предъявить обвинение Брекстону, он втянет в дело Флетчера и Элли. Просто так, чтобы вызвать больше шума.

Потрясающе! Чуть ли не эти же самые слова я слышал в разговоре между Брекстоном и Клейпулом в день смерти Милдред. Дядя с племянничком, видимо, обменялись письмами... Или, возможно, существовала какая-то семейная тайна, и они опасались, что благодаря Брекстону она всплывет.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил я, с любопытством присматриваясь к нему.

Он пожал плечами.

— Все, что в моих силах. Я очень люблю Флетчера и Элли. Дело в том, что, когда умер мой отец, Флетчер стал моим законным опекуном. Так что в моих интересах оказать им помощь, свидетельствовать в их пользу, если... гм, против них будет выдвинуто обвинение.

— Какого рода обвинение? Что может предъявить Брекстон? Рэндан усмехнулся.

— Трудно сказать. Вряд ли что-нибудь серьезное, по крайней мере не обвинение в убийстве. Думаю, что-нибудь связанное с семейными делами.

Я понял, на что он намекает. Находясь в отчаянном положении, Брекстон мог извратить отношения между братом и сестрой. Правда, как это могло быть связано с Милдред Брекстон?

Затем Рэндан перевел разговор на день убийства. Он интересовался поведением каждого и в особенности хотел знать, что я действительно думаю о происшедшем. Он оказался умнее, чем я предполагал, но скоро стало ясно, что он знает не больше других о загадочной смерти Милдред.

Я предложил ему сигарету, сам взял одну и дал ему прикурить, но нечаянно выронил спички и, чертыхаясь, стал искать их в песке у своих ног. И вот тут-то я заметил, что мои пальцы в какой-то темной жидкости.

— О Боже! — в ужасе воскликнул я, уронив на этот раз и спички, и сигарету.

— В чем дело?

— Не знаю... мои пальцы... Похоже на кровь... Должно быть, я порезался.

— Действительно, у вас идет кровь. Возьмите.

Рэндан предложил мне свой носовой платок.

— Как вы умудрились пораниться?

— Понятия не имею. Даже ничего не почувствовал.

Я насухо вытер пальцы и увидел, что никакого пореза нет. Кровь была не моя.

У меня по телу побежали холодные мурашки. Мы вскочили на ноги и отодвинули качели в сторону. У наших ног в луже крови на белом песке лежало тело мужчины. Горло его было перерезано, голова чуть ли не отделена от туловища.

В ярком свете луны я узнал Флетчера Клейпула.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

До самого утра в доме никто не ложился спать.

Прибыл Гривз. Его встретил огонь свечей в гостиной. Дело в том, что сразу же после полуночи свет в доме вырубился. Вот почему, когда я приехал с Рэнданом, в окнах не было ни огонька. Один из полицейских более часа ковырялся в распределительном щитке, расположенном на кухне, но безуспешно — восстановить освещение не удалось.

Все пытались держать себя в руках, за исключением Элли Клейпул, которая билась в истерике. Вызвали сиделку. Она быстро успокоила Элли, введя ей какое-то лекарство. Мы с облегчением вздохнули, ибо крики мисс Клейпул, когда она узнала об убийстве брата, довели наши нервы до предела.

Все молчали. Говорить было не о чем. Мы сидели в гостиной, ожидая, когда нас пригласит к себе инспектор Гривз. Только мы с Рэнданом были полностью одеты. Брекстон сидел в вылинявшем халате, прикрыв лицо рукою, как бы отгораживаясь от нас. Мэри Уэстерн Ланг, выглядевшая действительно испуганной, пребывала в состоянии оцепенения, напоминая собой какую-то беспорядочную кучу — бледную, с отеками, одутловатым лицом, запутавшуюся в широком розовом халате. Миссис Вииринг принялась к бокалу бренди с непреклонностью человека, решившего напиться как можно быстрее. Рэндан и я были сторонними наблюдателями. Мы следили не только за другими, но и присматривались друг к другу.

Мне, в частности, было интересно знать, как он воспримет смерть любимого дядюшки и опекуна. Однако Рэндан был спокойнее всех. После первоначального потрясения, когда я был уверен, что он вот-вот упадет в обморок, он вдруг стал проявлять необычайную активность — у него единственного хватило силы духа прикоснуться не только к телу, но и к длинному острому ножу, лежавшему близ него. Пока я стоял в растерянности, не зная, что делать, и с дрожью взирал на Флетчера Клейпула с отрезанной головой, Рэндан вызвал полицию.

Сперва допросили женщин. Затем Рэндана, потом меня и последним, насколько я помню, Брекстона.

Впервые я стал допускать мысль, что убийца — он.

Уже занимался рассвет, когда Гривз вызвал меня. Остальные разошлись по своим комнатам. Только Брекстон сидел в гостиной. Свет уже был восстановлен.

Гривз выглядел таким же уставшим и измученным, как и я.

Я рассказал ему все, что произошло. Как мы с Рэнданом минут двадцать вели разговор, прежде чем под качелями обнаружили тело его дяди.

— В какое время вы прибыли в дом, — Гривз с мрачным видом заглянул в свои записи, — Эвана Эванса?

— Незадолго до полуночи. Буквально за несколько минут.

— И есть свидетели?

— Конечно.

— А в какое время мистер Рэндан появился у Эванса?

— Я бы сказал, минут пятнадцать второго, точно не знаю. На вечеринке за временем как-то не следишь. Ушли мы, правда, ровно в половине второго. Помню, я еще посмотрел на часы.

Я был уверен, что меня спросят, почему я посмотрел на часы, но инспектор даже вида не подал, как бы понимая, что такие вещи могут произойти совершенно случайно.

— Затем вы подбросили домой мисс Безземер и отправились прямо сюда?

— Вот именно.

— В какое время вы нашли тело?

— В час сорок шесть. Мы с Рэнданом специально обратили на это внимание.

— И никто из вас ничего не трогал?

— Ничего, хотя, может быть, я и прикоснулся к телу, прежде чем понял, что лежит под качелями. Отсюда и кровь на пальцах.

— А что вы там делали? Почему вы вдруг оказались на качелях?

— Мы приехали с вечеринки. Освещения в доме не было, а Рэндан очень хотел поговорить со мной об убийстве миссис Брекстон, поэтому мы обогнули дом и уселись на качели. Думаю, если бы в доме был свет, мы пошли бы в гостиную.

Мне ужасно не хотелось признаваться в том, что я был напуган до смерти и боялся входить в дом один.

— Вы заметили что-нибудь странное? Какие-нибудь отпечатки пальцев или еще что-нибудь?

— Ничего. А почему в доме не было света?

— Пока не знаем. Видимо, перегорели предохранители. Один мой сотрудник пытался разобраться в этом, в то время как другой продолжал оставаться на своем посту.

Гривз явно занял оборонительную позицию. Я прекрасно понимал, почему.

— А убийство произошло без четверти час?

— Откуда вам это известно?

Инспектор выпалил этот вопрос, и его прежде сонные глаза округлились.

— Просто все состыковывается. Убийца что-то сделал со щит-

ком, затем выскочил из дома, убил Клейпула, сидевшего на качелях, а полиция и все остальные занимались в это время светом, затем...

— И что затем?

— Ну, не знаю... — неуклюже закончил я. — А вы?

— Это наше дело.

— Так когда же произошло убийство?

— Это не ваше... — Гривз вдруг замолчал. В конце концов я был не только свидетелем и подозреваемым, но и представителем прессы. — Коронер еще не пришел к окончательному решению, однако он считает, что все произошло, как только погас свет.

— Где находится распределительный щиток? — спросил я.

— Сразу же за кухонной дверью.

— А где был полицейский?

— Полицейскими охраняется весь дом, но в этот момент на кухне никого не было.

— А дверь на кухню была заперта?

— Нет, не заперта.

— А вам не кажется это странным? Насколько я знаю, кухарки смертельно боятся всяких бродяг.

— Дверь была заперта прислужгой после мытья посуды примерно в одиннадцать часов. Кто открыл дверь позднее, нам неизвестно.

— Нашли что-нибудь?

Гривз лишь устало пожал плечами.

— Кого-нибудь подозреваете?

— На это я вам ответа не дам, мистер Сарджент. — Инспектор холодно взглянул на меня.

— У меня безупречное алиби. Можете мне доверять. — Я посмотрел, как мне казалось, по-собачьи преданными глазами, однако Гривза это нисколько не тронуло.

— Безупречное алиби ничего не стоит сварганить, — с горечью заметил полицейский.

2

На следующее утро я понял, что он имел в виду.

Я проснулся в половине девятого, после непродолжительного, но крепкого сна. Потом в течение получаса составлял статью для «Глоуб» и передал ее в редакцию по телефону, абсолютно уверенный в том, что меня, затаив дыхание, прослушивает не один человек. Наконец спустился к завтраку. Через окна холла я увидел несколько газетчиков и фотографов, яростно спорящих с человеком в штатском. «Я переплюну вас всех, — злорадно подумал я, — если, конечно, останусь в живых». Мысль о том, что один из гостей — убийца-маньяк, уже не раз приходила мне в голову. Я, как и любой из присутствующих в доме, мог стать очередной жертвой.

В столовой задерганный дворецкий принес яйца и тосты. В комнате был еще Рэндан, который прямо-таки сиял от возбуждения.

— Они попросили меня остаться, полиция то есть, так что я провел ночь в комнате дяди.

— Особого удовольствия это наверняка не доставило?

— Вы имеете в виду Элли? — Его лицо вдруг помрачнело. — Да, это просто ужасно. Конечно, с нею всю ночь была сиделка и периодически давала ей успокоительное. Поэтому я ничего особенного не слышал, хотя стены здесь тонкие, как бумага. Кроме того, было крайне неприятно лежать в постели Флетчера. К счастью, полиция изъяла все его вещи.

— Сегодня утром вы уже кого-нибудь видели?

Он покачал головой.

— Никого, за исключением полицейских да репортеров у входа. Быстро они сюда примчались.

— Все это попадает в дневные выпуски, — заметил я осторожно. — Пришла ли полиция к какому-нибудь мнению по поводу убийства?

— Не знаю. Мне немного удалось выудить у Гривза. Между прочим, он ужасно рассердился, когда я стал задавать вопросы, и заявил, что одного детектива-любителя вполне достаточно. Интересно, кого он имел в виду?

— Видимо, меня.

— А вы частный детектив, да?

Рэндан посмотрел на меня с восторгом. Глаза его прямо сияли за толстыми линзами.

— Нет, но я бывший газетчик и пару раз был замешан в подобные истории. Правда, не такие сногшибательные, как эта.

— Сногшибательные? У меня предчувствие, что это дело предельно простое.

— Что ж, приятно слышать. Зачем же так долго держать нас в неведении? — произнес я с ядовитым сарказмом.

Рэндан с таинственным видом уставился в свою кофейную чашку, вызывая у меня еще большее раздражение, чем прежде. Если бы я был убийцей, с ним бы разделался в первую очередь, а затем уж с Мари Уэстерн Ланг.

— Вы наверняка думаете, — продолжал я, — что все это сделал Брекстон, потому что он ревнив и хотел убить не только свою жену, но и ее любовника, избрав для этой мерзкой цели в качестве соответствующей обстановки дом родственницы его жены.

— Не понимаю, что вас не устраивает в этой версии, — парировал Рэндан. — Она не так глупа, как вы пытаетесь ее представить. Бывают же убийства экспромтом, под влиянием минуты, разве не так? Кроме того, они собрались вместе в одном доме.

Рэндан прямо-таки исходил самодовольством.

— Разве он не мог поступить разумнее? — возразил я. — Большинство художников не отличаются особым умом, но если уж он решил разделаться с ними, худшего способа не придумать.

— Ну, во-первых, я не утверждаю, что именно Брекстон — убийца, — заявил Рэндан. — Но готов поспорить, что выясню это раньше вас и Гривза.

Я предложил ему пари. Двадцать долларов тоже деньги.

Утро было солнечным, но прохладным. Повсюду сновали полицейские, а Гривз, как выяснилось, уже успел побывать в Риверхеде и вернуться. Сейчас он находился в комнате Брекстона,

а самого художника перевели на второй этаж. Почти весь день мы не отходили от дома.

Я принялся рассматривать все алиби.

Как выяснилось, миссис Вииринг и мисс Ланг отправились спать в одно и то же время — примерно в половине первого. В гостиной оставались Элли и Брекстон. Рэндан был в клубе. Клейпул около полуночи вышел на последнюю в своей жизни прогулку. Как я понял, ни у кого из дам алиби не было. Я начал понимать, что имел в виду Гривз, говоря, что безупречные алиби ничего не стоят сварганить. Смысл этого дошел до меня после ленча.

К Брекстону за столом относились как к прокаженному. Все были взвинчены и испуганы, так что увести его от других мне ничего не стоило.

— Пойдемте, прогуляемся, — предложил я.

Мы стояли на веранде, выходящей в сторону моря.

— Не знаю, разрешат ли нам... — заметил художник.

— Попробуемся.

Мы спокойно вышли и на мгновение остановились на террасе. Под качелями был уже насыпан новый песок, чтобы скрыть кровавое пятно. Все казалось спокойным, и не верилось, что откуда-то может прийти смерть. На террасе появился человек в штатском, явно следивший за нами.

— Я чувствую себя чертовски важной персоной, — мрачно усмехнулся Брекстон. — Лучше далеко не уходить.

На виду у полицейского мы прошли еще несколько ярдов и опустились на песок.

— Вы журналист? — спросил Брекстон.

— Не совсем, хотя и пишу временами для «Глоуб».

— И вот здесь, на пляже, вы хотите знать, как во время уик-энда я утопил свою собственную жену и убил старого друга семьи? Да, это будет трогательный рассказ, — мрачно засмеялся он.

— Ну, хотя бы какие-нибудь признания, — сказал я, подыгрывая ему.

— Неужели вы действительно полагаете, что это моих рук дело?

Вопрос был для меня неожиданным.

— Не знаю, — откровенно признался я. — Не думаю, потому что по ряду причин это было бы вам не на руку.

— И у меня точно такой же подход.

— Кто, по-вашему, мог сделать это?

Он оглянулся по сторонам. Затем быстро нарисовал женский торс на песке. Я невольно обратил внимание, с какой легкостью он это делал, почти не глядя на линии, — крайне неожиданно для художника-абстракциониста.

— Не знаю, что и сказать, — произнес Брекстон. — У меня есть только предчувствие. Все происшедшее ставит меня, как и всех остальных, в тупик. Единственная разница в том, что большинство из гостей уверены, что убийца — это я. Хотите верить, хотите нет, но я не мог совершить ни одного убийства.

Это произвело нужный эффект. Я даже посмотрел на него с некоторым изумлением.

— Вы хотите сказать, что...

— Сегодня ночью, когда был убит Флетчер, если это действительно произошло до четверти второго, я был с Элли Клейпул.

Вот это поистине ошеломляющая новость. Теперь понятно, почему Гривз был так мрачен сегодня утром.

— Вы сказали об этом полиции?

— Даже с некоторым удовольствием.

— Они поверили вам?

— Им оставалось только спросить Элли.

— Но она, кажется, без сознания, разве не так?

Он слегка нахмурился.

— Так утверждают. Но, когда она вновь придет в себя, они выяснят, что ни я, ни Элли, если уж на то пошло, не могли убить ее брата.

Некоторое время мы молчали. Я пытался выяснить, что происходило прошлой ночью, раздавались ли какие-нибудь звуки, когда мы с Рэнданом шли вокруг дома, были ли следы на песке. Единственное, что я вспомнил, — огромный темный дом на фоне лунного неба. Темный! Кажется, я наконец-то нашел прореху в этой истории.

— Вы беседовали с мисс Клейпул в темноте? Ведь в доме не было ни огонька, когда мы подошли к нему.

— Мы сидели на веранде, освещенной лунным светом.

— На веранде, выходящей на террасу?

— Нет, с южной стороны.

— Интересно, а где же были полицейские?

— Один все время ходил вокруг дома, а другой искал свечи. У полицейского был фонарь, — добавил он и пальцем проткнул фигуру, нарисованную на песке.

— Вы больше ничего не хотите мне сообщить? — спросил я доверительным тоном, пытаясь расположить к себе собеседника. — Завтра я отправляю очередную статью и...

— Вы можете просто подчеркнуть, что я был с мисс Клейпул. Кроме того, упомяните, что моя жена имела привычку принимать для успокоения нервов большие дозы снотворного в любое время дня и ночи. Я пытался объяснить все полиции, но они, видимо, посчитали это маловероятным. Возможно, сейчас они отнесутся к моему сообщению более серьезно.

— Вы считаете, что миссис Брекстон никто не убивал? Что она сама приняла лекарство?

— Уверен в этом. Поверьте, ее смерть была сюрпризом не только для нее, но и для всех нас.

— А вам не кажется, что она хотела покончить с собой?

— Покончить с собой? Да она мечтала жить вечность!

Но он не стал развивать эту мысль дальше, и вскоре мы повернули к дому. Полицейский в штатском продолжал следить за нами с высоты террасы.

В тот же день к нам нагрянула Лиз, и мы с ней пешком отправились вдоль берега в клуб. Полицейскому явно было не до меня.

В малиновом бикини Лиз была просто очаровательна. Глядя, как она бредет по песку, любуясь ее длинными ногами, которыми она поддевала ракушки и высохшие морские звезды, я невольно забыл все свои тревоги.

Но Лиз не позволила мне забыть об убийствах.

— Думаю, тебе грозит опасность, — заявила она после того, как перечислила все кровавые подробности, которые успела почерпнуть из газет.

— Я так не думаю, Лиз, да и что я могу поделать?

— Тебе нужно уехать, вот и все. Они не могут задерживать тебя. Единственное, что они могут, — вызвать в суд в качестве свидетеля.

Мы маневрировали среди дюн, пока не оказались у клуба.

Днем «Лейдирок» напоминал собой своеобразный морской корабль с развевающимися флагами, бассейном для детского купания, террасой для серьезных пьяниц, рядами маленьких пляжных домиков — образцовый клуб на образцовом пляже, полный образцовых членов, если не столпов, то по крайней мере больших шишек национального общества.

Я чувствовал себя несколько нервно, когда Лиз представила меня своей тете. Та восседала под полосатым зонтиком вместе с группой полных дам среднего возраста в ярких цветастых платьях и широких шляпах. Они пили чай.

Лиз избавила меня от своей тетушки, и мы оказались за свободным столиком рядом с бассейном. Мы пили коктейль, только что изобретенный буфетчиком клуба, который оказался настоящим гением — он смешал джин, мятную водку и добавил соды. Все было просто прекрасно, пока к нам не подсел Дик Рэндан.

— Я смотрю, вы бездельничаете, — заметил он сердечно, имитируя старых козлов в баре. — Как дела, мисс Безземер?

— Спасибо, прекрасно. — Лиз одарила его лучшей своей улыбкой.

— Слышали, что произошло после того, как мы с вами вчера расстались?

— Да, — тихо ответила Лиз и скромно потупила глаза.

— Ужасное дело, — продолжал Рэндан, щупая свои тощие мышцы.

— У вас, должно быть, стальные нервы! — воскликнула Лиз.

— Ну, не совсем, но уверен, что Пит рассказал вам о том, как это было.

— Через пять минут я буду пьяна, — сказала девушка, бросив на нас восхищенный взгляд.

— Да, это было непросто, — произнес Рэндан, героически сжав губы.

Я не выдержал и прервал его.

— В доме заметили, что меня нет?

— Нет, но полицейский видел, как вы шли в эту сторону вместе с мисс Безземер. Поэтому я решил тоже отправиться сюда и посмотреть, что здесь делается. Я несколько устал от той атмосферы. Вам известно, что Элли до сих пор еще не пришла в себя?

— Я думал, она уже на ногах.

Рэндан покачал головой.

— Нет, она в ужасном состоянии, постоянно бредит. К ней никого не подпускают, кроме Гривза.

— Неужели вы думаете, что мистера Брекстона действительно арестуют? — перебила его Лиз.

Рэндан пожал плечами.

— Трудно сказать. Некоторые считают, что он здесь ни при чем.

— О, но это должен быть мистер Брекстон.

— Почему ты так решила? — поинтересовался я, пораженный ее уверенностью.

— Потому что только мужчина мог перерезать горло мистеру Клейпулу. У Питера причин не было. Следовательно, остается Брекстон.

— И я, — добавил Рэндан, кивая головой. — Я ведь тоже подозреваемый.

— Да? Но вас же не было в ту ночь? Кроме того, вы бы не стали убивать собственного дядю... и не смогли бы расправиться с миссис Брекстон, ибо находились в Бостоне...

— С друзьями, — весело добавил Рэндан. — Правда, я не думаю, что мне придется доказывать Гривзу, где я был в момент убийства.

— Вы отпадаете. Выходит, только бедняга Брекстон мог совершить оба преступления.

— Ловко, — сказал я. — Ну а если предположить, что у мистера Брекстона есть алиби на второе убийство и вполне убедительное объяснение на первое?

— А что именно?

Они с любопытством уставились на меня.

— Я ничего вам не скажу, пока вы не прочтете утренний номер «Глоуб». Отмечу только один факт — во время убийства Брекстон был с Элли Клейпул.

Рэндан посмотрел на меня с немалым интересом.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Так что он тоже отпадает.

— Если не... — Лиз замолчала.

— Если не? — раздраженно произнес Рэндан.

— Если, конечно, они не сделали это вместе... Чем, кстати, можно объяснить ее состояние впоследствии.

— Мисс Клейпул — моя тетя... — сухо перебил Рэндан.

— Вообще-то, — продолжала Лиз, — я ничего плохого не имела в виду. Просто размышляла вслух. Мне ведь ничего не известно, только то, что я вычитала в газетах, или то, что мне рассказали. Клянусь, мне даже в голову не приходило, что она или кто-то иной...

И Лиз довела свою мысль до благопристойного конца.

Мы еще немного посидели, выпили и молча побрели к дому.

Гривз ждал нас у качелей. Инспектор был в сером помятом костюме.

— Как моя тетя? — спросил Рэндан.

— Где вы, черт побери, были? — Гривз с раздражением посмотрел на нас. — Я хотел поговорить с вами.

— Я был в клубе. Она все еще...

— В том же состоянии.

— О чем вы хотели поговорить со мной?

— Мы перейдем к этому после обеда.

Затем Рэндан потребовал, чтобы поставили полицейского у комнаты Элли. Ему отказали на том основании, что двоих полицейских и круглосуточной сиделки вполне достаточно. Когда же Гривз поинтересовался, зачем все это нужно, Рэндан смутился и, сделав мне знак, чтобы я молчал, отправился к себе в комнату переодеваться.

Я уже было собрался войти в дом, как неожиданно мне пришла в голову одна мысль.

— Интересно, — спросил я, повернувшись к Гривзу, — почему вы больше не расспрашиваете меня по поводу найденной вами записки? Той самой, которую, по вашему мнению, я состряпал ради собственного удовольствия?

— Вы же сказали, что вы тут ни при чем, вот и все, — прозвучал категорический ответ.

— Значит, вы знаете автора записки?

— Возможно.

— Убийца?

Гривз покачал головой.

— Клейпул, — ответил он.

— Как?! — воскликнул я, пораженный не столько именем, сколько откровенностью инспектора. — Вы нашли какие-нибудь отпечатки пальцев или иные следы? Почему вы пришли к такому выводу?

— Для этого вполне достаточно здравого смысла, — с уверенностью заявил Гривз. — Клейпул был убежден, что Брекстон — убийца. Он не мог заявить об этом открыто из-за взаимоотношений в семье. Возник бы скандал, шумиха, что так или иначе отразилось бы и на нем. Вот почему он оставил записку, чтобы дать нам нужную нить. К несчастью, об этом узнал и Брекстон, который умудрился разделаться с Клейпулом до того, как тот изложил бы нам историю взаимоотношений их троих, а может быть, и четверых. Историю, которая раскручивается сейчас прямо перед нами.

— Вы понимаете, что обвиняете Брекстона в убийстве?

— Понимаю, — с необычайной легкостью бросил Гривз.

«Интересно, — подумал я, — какие новые факты появились у полиции?»

Гадать долго не пришлось. Гривз решил проинформировать меня.

— Похоже, Клейпула сперва ударили, и он потерял сознание. Затем его перетащили к качелям и перерезали горло.

— Почему вы считаете, что его перетаскивали? Разве на песке остались следы?

— Песок у него в одежде. А следы, даже если и были, смыты волнами прибоя.

Я не мог понять направление его мысли.

— Ну и почему вы думаете, что это указывает на Брекстона? Если Клейпула сперва ударили так, что он потерял сознание, значит, это могла сделать и женщина. А поскольку женщина не в состоянии нести мужчину, она была бы вынуждена тащить его к качелям, а там уж спокойно перерезать ему горло...

— Ножом, принадлежащим Брекстону и покрытым его отпечатками пальцев?

Гривз лукаво посмотрел на меня. Свое дело он сделал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Теперь я прекрасно понимаю, что Гривз блефовал. Он был уверен, что Брекстон — убийца, и имел немало косвенных улик для передачи дела в районную прокуратуру, но он не забывал, что немало полицейских погубили свою карьеру именно из-за этого. Сырые факты давали возможность опытному адвокату поставить в тупик обвинение. Сейчас-то понятно, почему он блефовал со мной, — он хотел всем внушить мысль о виновности Брекстона и, если бы добился этого, сложилась бы соответствующая психологическая атмосфера.

Я поднялся к себе в комнату и, лежа в ванной, пытался восстановить события дня. Их было немало, но, как ни странно, они не укладывались в картину, постепенно складывавшуюся у меня в голове.

Я перебрал все алиби. Бросить снотворное в кофе Милдред мог любой из гостей, за исключением Рэндана, который в этот день находился в Бостоне. И Клейпулы, и Брекстон хорошо знали, где лежат таблетки. Мисс Ланг вряд ли об этом было известно. Миссис Вииринг тоже знала. Кроме того, она, похоже, из тех хозяек, которые просто обожают совать нос в вещи своих гостей.

Что же касается второго убийства, то алиби у всех довольно шаткие, за исключением Элли и Брекстона. Если они действительно были вместе во время убийства, то это либо дает каждому из них алиби, либо, наоборот, выставляет их в качестве напарников, совершивших преступление, причем по непонятным причинам. Ни у миссис Вииринг, ни у мисс Ланг алиби не было. Зато у Рэндана оно было: в момент убийства он находился в клубе.

Кто же тогда имел наилучшую возможность для совершения обоих убийств?

Ответ, каким бы ужасным он ни казался, мог быть только один — миссис Вииринг.

Я уронил мыло. Голова моя лихорадочно работала, свыкаясь с новой мыслью.

Из всех подозреваемых только у нее ни на одно убийство не было алиби. Если Брекстон и Элли не преступники, значит, это миссис Вииринг, хотя, насколько мне известно, мотива для совершения убийств у нее не было.

Размышляя о мотивах, я пришел в уныние. Ответить, как совершается преступление, значительно легче, чем объяснить, почему.

Когда я натягивал на себя брюки, дверь соседней комнаты

распахнулась, и передо мной предстала Мэри Уэстерн Ланг. Глаза ее горели, грудь тяжело вздымалась.

— Вы меня искали, мисс Ланг?

— Я уверена, что вы поймете. Кстати, я с большим интересом прочитала в «Глоуб» ваши статьи о наших несчастьях.

— Благодарю, — произнес я, завязывая галстук.

— Но должна сказать, что в целом не согласна с вашим диагнозом дела.

— Диагнозом?

Она кивнула.

— Из вашей статьи в «Глоуб» — точнее, между ее строк — следует: вы считаете, что Брекстон не мог убить ни своей жены, ни Флетчера...

— А вы считаете, мог?

— Я этого не сказала, — на удивление быстроотреагировала она. — Но не понимаю, на чем же основывается ваша уверенность?

— Вряд ли это можно назвать уверенностью... хотя между строк, как вы справедливо заметили, эта мысль проскальзывает.

— Вот именно. Поэтому-то я решила поговорить с вами. Совершенно того не желая, вы можете принести нам немало хлопот.

— Я не...

— Я хочу сказать, мистер Сарджент, что, если Брекстон не имеет отношения к этим убийствам, преступником является кто-то из нас. Это же предельно ясно. Но если это один из нас, мы можем быть втянуты в неприятное расследование, которое серьезно скажется на всех.

— Боюсь, мы все имеем к этому то или иное касательство. Если Брекстон не признает себя виновным или произойдет еще что-то ужасное, мы вынуждены будем пройти через суровые испытания.

— Зачем все усугублять? Я, например, уверена, что именно он убил Милдред.

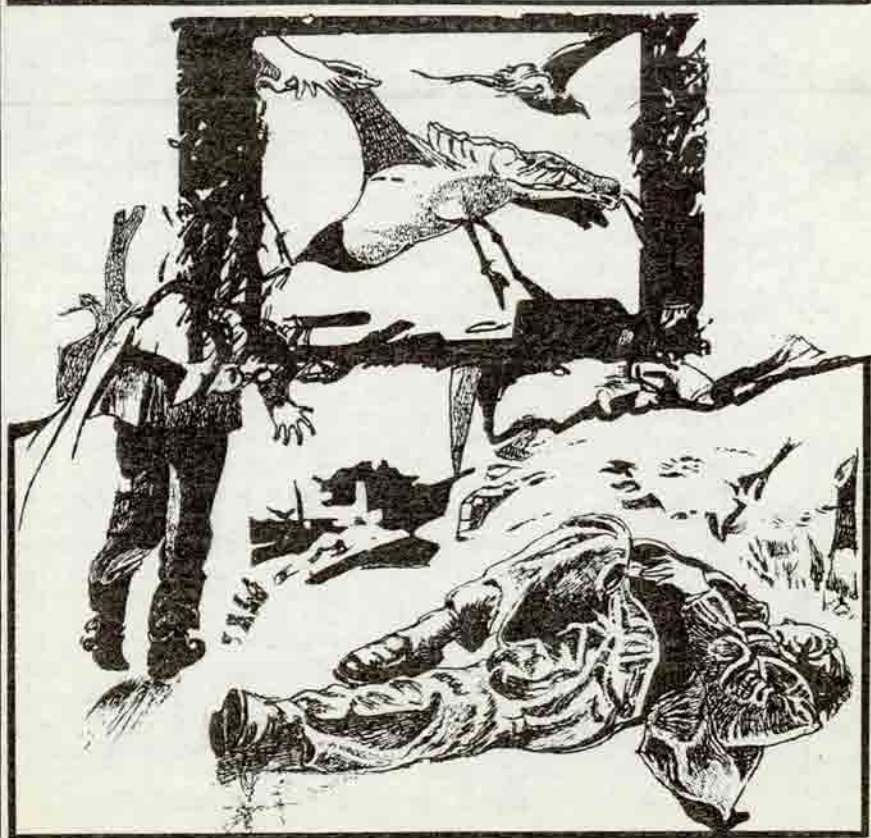
— Здесь вы не оригинальны.

— Я хочу только одного — чтобы это дело быстрее закончилось и Брекстон получил по заслугам. Он давно испытывал искушение... Я знаю. Милдред с каждым днем становилась все более невыносимой. Накануне своей смерти она была просто в истерике, бросалась на милую Розу с ножом, с тем самым ножом, которым Брекстон порешил Флетчера! О, это было ужасно! Как она кидалась на Розу! Та стала кричать и разбудила всех нас. Помните? А затем вмешался Брекстон и положил конец...

Должен признаться, я слушал ее, раскрыв рот от удивления. Когда она замолчала, чтобы перевести дух, я спокойно произнес:

— Вот именно. После того, как мы разошлись по своим комнатам, Милдред и миссис Вииринг продолжали оставаться в гостиной, ведь так?

— Ну да... Вот тогда и началась ссора. Роза рассказала мне об этом позднее. Брекстон отправился спать, а Роза, как я понимаю, стала отчитывать Милдред за ее поведение. Милдред потеряла голову и кинулась на нее с ножом. Бедняжка Роза закричала,

в комнату ворвался Брекстон и ударил свою жену. Только так можно было привести ее в чувство. Затем отвел ее в спальню, а Роза поднялась наверх, чтобы попросить нас не волноваться... Вы же помните.

— Интересно, как у Милдред оказался нож, причем не простой, а мастихин¹?

Мисс Ланг пожала плечами.

— Кто его знает. Роза уверена, что Милдред хотела убить ее. Вы знаете, что из себя представляет Роза — импульсивная, даже несколько порочная личность, на разумность которой нельзя полагаться на все сто процентов. Но, похоже, на сей раз Роза говорила правду, и Милдред действительно напала на нее...

— Почему?

— Это не наше дело, — холодно заметила мисс Ланг. — Должна сказать, что до нервного срыва жены Брекстона они были подругами. Роза оставалась привязанной к ней даже тогда, когда от Милдред отвернулось большинство людей. Она пригласила их на уик-энд, чтобы Милдред могла расслабиться и взять себя в руки, а та набросилась на Розу. Разве справедливо? Я считаю, что это не наше дело, и надеюсь, что полиция будет действовать оперативно, прежде...

— Прежде чем произойдет очередной несчастный случай или убийство?

— Нет, я другое имела в виду... Надеюсь, мы не опаздываем к обеду?

Она бросила взгляд на золотые часы в форме сердечка, висевшие у нее на цепочке. Затем мы спустились вниз и присоединились к остальным гостям.

Гривз сидел на диванчике, напоминая собою неудачно выполненное чучело. Поскольку сегодня вечером он выступал в качестве одного из приглашенных, а не полицейского, то переоделся в голубой, пропахший нафталином, весь в белых нитках, костюм.

Брекстон был в превосходном настроении. Поразительно, если учитывать, что петля на его шее почти затянулась. Интересно, подумал я, не приготовил ли он нам очередной сюрприз?

— Бедняжка Элли, — заявила миссис Вииринг, беря с подноса бокал с мартини, — все еще не пришла в себя. Я очень обеспокоена ее состоянием. Мы бессильны. Остается только молиться.

— Вы видели ее?

— Нет, к ней никого не пускают, кроме врача и сиделки. Я потребовала проведения консультации врачей, и мистер Рэндан как ближайший родственник дал на это согласие.

— На консультацию?

— Да, чтобы выяснить, что с ней происходит.

— Вы хотите сказать...

— Что она, видимо, сошла с ума.

На этой радостной ноте мы приступили к обеду.

Помню, как в тот вечер я присматривался к сидевшим за столом. Убийца был среди нас, спокойно сидел и поглощал тушеные помидоры и омара под соусом «ньюберг». Но кто же он?

¹ Нож, применяемый в масляной живописи для удаления красок с полотна.

Спокойнее всех вел себя Брекстон. Без сомнения, он полагался главным образом на свое безукоризненное алиби: если он действительно говорил правду, а мы об этом вскоре узнаем от Элли Клейпул, то ему не о чем беспокоиться.

Как только принесли десерт, миссис Вииринг приподнялась со странной улыбкой на губах и вдруг свалилась, ударившись головой об стол. Все онемели. Ее бокал с глухим стуком упал на толстый ковер.

Мисс Ланг пронзительно закричала. Все замерли на своих местах. Только Гривз вскочил и крикнул: «Никому не двигаться!»

2

Никто не ожидал ничего подобного. Вбежал дворецкий с дигиталисом, и миссис Вииринг наконец пришла в себя. Со слабой улыбкой она произнесла:

— Все в порядке... Что-то с сердцем... в постель.

Ее отвели наверх, и Гривз вызвал доктора.

Наше все более тающее общество молчаливо попивало бренди и ожидало пояснений Гривза, который вместе с человеком в штатском исследовал бокал миссис Вииринг, ее пищу и стул, на котором она сидела.

Происшедшее больше всего взволновало мисс Ланг. Я даже испугался, как бы ее тоже не хватил удар.

— Бедная Роза! Я знала, что так... предупреждала ее... не хотела слушать... напряжение, ужасное напряжение... это не могло долго продолжаться... все возможно, всегда, с самого начала... алкоголь...

Гривз вернулся к нам примерно через час. Похоже, он был действительно встревожен.

— С миссис Вииринг все в порядке. С радостью сообщая вам об этом. Оказывается, она страдает хронической болезнью сердца. У нее был приступ и...

— Ей дали наркотик! — воскликнула мисс Ланг, широко раскрыв свои поросычьи глазки. — Я в этом уверена! Ей точно дали наркотик, как бедняжке Милдред. А может быть, и хуже — отравили!

Именно об этом мы все и думали.

Гривз решительно подошел к бару и, не обращая внимания на правила приличия, налил себе солидный бокал виски. Затем присоединился к нашему тесному кругу.

— Ее не отравили и наркотика ей не давали. Сейчас она чувствует себя вполне нормально, только придется день-два полежать в постели. До утра ее беспокоить нельзя.

— Роза — моя ближайшая подруга, и, если наступил час ее тревог, я должна быть с нею, — решительно поднялась с места мисс Ланг.

— К сожалению, я не могу позволить вам этого, — категорически отрезал Гривз и задумчиво посмотрел на всех нас. — Ночь будет тяжелой. Мы ожидаем, что с минуты на минуту мисс Клейпул придет в себя и расскажет о том, что она делала во

время убийства брата. Пока у нас нет ее показаний, мы ничего не можем предпринять. Остается только ждать. В случае необходимости я буду внизу, в комнате Брекстона.

Я подошел к Брекстону и сел рядом с ним. С одной стороны, мне было его очень жаль, а с другой — хотелось узнать, почему он так в себе уверен.

— Спокойный уик-энд, не правда ли? — обратился ко мне Брекстон.

— Осталось только четверо, — сказал я, кивнув. — На войне мы бы сказали: «Роковая четверка».

— Да, это так. Но, к счастью, в живых осталось шестеро, а не четверо, так что это не так уж плохо.

— Все зависит от того, как относиться к несчастным случаям. Раньше у миссис Вииринг были подобные сердечные приступы?

— Да. Насколько мне известно, это третий. Во время приступа она синееет, но стоит ей принять лекарство, как через несколько минут все проходит.

— Минут? Но сейчас, похоже, ее действительно сильно прихватило. Доктор говорит, что она должна полежать в постели день или два.

Брекстон улыбнулся.

— Это Гривз сказал, что доктор велел ей полежать в постели. Постепенно до меня дошло.

— Так вы считаете, что с ней сейчас все в порядке? Тогда зачем этот спектакль? Почему Гривз сказал, что ей необходимо несколько дней полежать в постели?

Брекстон вздохнул.

— По какой-то не известной нам причине она прикидывается больной... Ну что ж, пусть делает, как ей нравится.

— Скажите, мистер Брекстон, — спросил я с обезоруживающей улыбкой, — кто убил вашу жену?

— Никто.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— Тогда по той же самой причине Клейпул ударил себя по голове, оттащил свое тело под скамейку и отрезал себе голову нашим мастихином?

— Да, — усмехнулся Брекстон, — загадочные вещи происходят, вы не находите?

— Что вы имеете в виду?

— Ну хотя бы удар по голове, который на днях был нанесен вам в кухне.

— Кстати, что вы об этом думаете? Ведь не мог же я нанести его себе сам.

Брекстон улыбнулся, а я продолжал задавать навязчивые вопросы.

— Значит, вы считаете, что ваша жена покончила с собой?

— Да, случайно.

— А Клейпул?..

— Был убит.

— Вы знаете, кто это сделал?

— Нет, не знаю.

— Но догадываетесь?

Брекстон пожал плечами.

— Кое-какие идеи у меня есть.

— Но вы еще не пришли к определенному выводу?

— Не пришел.

— А вы понимаете, к какому выводу придет полиция, если Элли Клейпул подтвердит, что действительно была с вами, когда убили ее брата?

— Ну и к какому? — бесстрастно бросил он.

— Что, видимо, вы вдвоем его и убили.

Брекстон холодно посмотрел на меня.

— Почему они должны прийти именно к такому выводу? Она была преданна ему и очень его любила.

Чувствуя, что мне его никак не разговорить, я решил попробовать с другой стороны.

— Если не вы с Элли убили Клейпула, остаются только трое подозреваемых — мисс Ланг, миссис Вииринг и Рэндан. Но зачем кому-то из них убивать Клейпула?

Брекстон бросил на меня насмешливый взгляд.

— Я почти в таких же потемках, как вы и полиция, хотя одну идею я вам подкину — «преступление страсти».

— Что вы имеете в виду?

Быстрым жестом он указал на мисс Ланг.

— Она была влюблена и, как говорят, с презрением отвергнута.

— В кого влюблена?

— Во Флетчера Клейпула, и в течение многих лет.

— А я-то думал, что она влюблена во всех мужчин.

— Это тоже есть. Много лет тому назад, когда я с ней познакомился, кстати, и Флетчер тоже, она была очень симпатичной девушкой. Сейчас в это трудно поверить. Полнота появилась позднее, когда Флетчер отверг ее.

— Если она была так прекрасна и влюблена в него, почему же он в нее не влюбился?

— Ну, почему, почему... просто не влюбился, и все.

— Как-то трудно представить, что женщина могла пойти на убийство через пятнадцать лет после того, как ее отвергли.

— Ваши представления — это ваши проблемы, — сказал Брекстон. — Я пошел спать. — И, кивнув головой остальным двум гостям, сидевшим на диванчике, вышел из гостиной.

Я поднялся в свою комнату, не раздеваясь, лег на кровать и выключил свет. Я думал о том, что Брекстон рассказал мне, и о том, о чем он умолчал. Некоторые факты могли сыграть большую роль в обвинении: Элли Клейпул и он были влюблены друг в друга, и оба по ряду причин, пока еще не установленных, имели повод убить ее брата.

3

Проснулся я неожиданно и сразу же бросил взгляд на часы. Светящийся циферблат показывал ровно двенадцать.

Я почувствовал жажду и решил выпить глоток бренди, чтобы снова заснуть. Спустившись в гостиную, я увидел мисс Ланг — бледную, взволнованную, в какой-то немыслимой розовой накидке.

— Где сиделка? Вы видели ее?

— Какая сиделка? — Я в недоумении уставился на нее.

— Сиделка, которая...

— Кто ищет меня? — раздался из холла звонкий женский голос, и в дверях появилась внушительная сиделка с накрытым подносом в руках. Мисс Ланг повернулась к ней.

— Я зашла в комнату Розы, в постели ее не оказалось. Я испугалась и...

— Я — ночная сиделка, — заявила фигура в белом. — Мы сменяемся ровно в полночь. Я была в кухне. Мне необходимо кое-что приготовить.

— Но где может быть Роза?

— Это скоро выяснится, — рассудительно заметила сиделка.

Мы поднялись наверх и вошли в комнату миссис Вииринг. Наша хозяйка, вся в черных кружевах, сидела в кровати и читала детективный роман. Она была на вид совершенно трезвой, что для нее нехарактерно, и недовольной.

— Какого черта вы здесь делаете... — начала было она, но мисс Ланг не дала ей закончить.

— О Роза, слава Богу! Я опасалась, что с тобой что-то произошло. Я заходила сюда несколько минут назад и тебя не видела. Затем постучала в дверь к Элли, — она показала на соседнюю дверь, — но никто не ответил, и я ужасно перепугалась.

— Я была в ванной, — недовольным тоном произнесла миссис Вииринг. — Со мной все в порядке, Мэри. Иди спать, завтра утром мы обо всем поговорим. Я еще не совсем хорошо себя чувствую.

— Конечно, конечно. Роза, но, прежде чем я уйду, ты должна...

Пока обе женщины разговаривали, сиделка отперла дверь в соседнюю спальню и вошла в нее. Она оставила дверь приоткрытой, и я смог заглянуть в комнату. Мне хотелось знать, как чувствует себя Элли.

Казалось, все в порядке. Но сиделка уже звонила по телефону.

— Доктор, быстро приезжайте. Инъекция. Что именно, мне не известно. Думаю, ей понадобится скорая помощь.

Прежде чем вмешался представитель закона и выставил нас, я подбежал к кровати Элли.

Она лежала на спине и тяжело дышала. Лицо у нее посерело, руки судорожно впились в одеяло.

Встревоженная сиделка внимательно осматривала шприц.

— Что произошло?

— Кто-то сделал ей укол.

Сиделке удалось выжать из шприца на кусочек ватки последнюю каплю жидкости.

— Это же... господи, это же стрихнин!

На этот раз допрашивали всех вместе. Никаких хождений поодиночке в альков больше не было.

Гривз присоединился к нам ровно через час после того, как «скорая» отвезла Элли в больницу.

Рядом со мной сидела миссис Вииринг — бледная, с воспаленными глазами. В суматохе как-то все позабыли о ее приступе. Мисс Ланг была близка к истерике, временами теряя контроль над собой и бессмысленно хихикая. Брекстон нервничал, судорожно ломал пальцы и натянул на голову поблекший халат, как бы пытаясь спрятать лицо. Рэндан, появившийся во время этой сумятицы, был явно поставлен в тупик.

— Кто-то в полночь вошел в комнату мисс Клейпул и попытался сделать ей укол стрихнина. К счастью, проделал это крайне небрежно, и в вену почти ничего не попало, что спасло ей жизнь. — Гривз выгащил блокнот. — А теперь попрошу каждого из вас рассказать мне, где вы были в полночь. Прежде чем я начну, должен сказать, — для тех, кто здесь впервые, — что на втором этаже расположены семь спальных комнат, каждая со своей ванной. По центру этажа проходит коридор, который с обеих сторон заканчивается окном. С одной стороны этажа расположены лестница и три комнаты. Самая дальняя из них — комната мистера Сарджента. Затем идет спальня мисс Ланг, потом пустая комната. Между смежными спальнями есть двери.

— Я не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что произошло? — раздраженно бросила миссис Вииринг.

— Самое прямое. Я постараюсь объяснить вам через несколько минут. — Гривз сделал несколько записей в своем блокноте. — Теперь далее. С противоположной стороны коридора, выходящей к океану, расположены четыре комнаты. Самая дальняя из них — спальня мистера Рэндана. Затем идут комнаты миссис Вииринг, мисс Клейпул и, наконец, мистера Брекстона. Спальни Брекстона и миссис Вииринг соединяются дверьми с комнатой мисс Клейпул.

— Дверь в моей комнате заперта, — произнес Брекстон.

От неожиданности мы вздрогнули.

— Все правильно, — спокойно согласился Гривз. — Я ее запер как раз со стороны спальни мисс Клейпул. Правда, ключа в замке не было.

— Что вы хотите этим сказать? — натянутым голосом спросил Брекстон.

— Все хорошо в свое время. И не прерывайте меня, пожалуйста. А теперь, надеюсь, вы будете абсолютно откровенны со мной. Это в ваших же интересах.

Повисла гробовая тишина. Гривз повернулся ко мне.

— Где вы были в полночь?

— В постели. Точнее, только что проснулся.

— Вы всегда спите одетым?

— Нет, я не собирался спать, но заснул где-то около одиннадцати.

— Понятно, и проснулись в двенадцать?

— Да, я еще посмотрел на часы, включил свет и решил выпить бренди, чтобы легче было заснуть снова.

Затем Гривз повернулся к мисс Ланг.

— Так. Будем переходить от комнаты к комнате. Теперь ваша очередь. Где вы были в полночь?

— Я... я была у Розы... В комнате миссис Вииринг... Я искала ее.

— Вы уверены, что была полночь?

— Нет, не совсем, хотя близко к этому, потому что буквально через несколько минут я увидела мистера Сарджента. Я была в ужасе оттого, что не могла найти Розу. Затем постучала в комнату Элли, но ответа не последовало. Я поняла, что что-то не так, и побежала за сиделкой. Дежуривший полицейский видел меня.

— К несчастью, он не заметил, как вы вошли, но видел, как вы вышли. Похоже, когда была смена сиделок, он стоял на площадке лестницы и разговаривал с уходившей сестрой, повернувшись спиной к коридору.

— Ну да, я помню, полицейский с кем-то разговаривал, правда, я не видела с кем.

— Мисс Ланг, а вы пытались открыть дверь между двумя комнатами?

Наступило напряженное молчание. Мисс Ланг побледнела как полотно. Брекстон сел на самый краешек стула. Глаза миссис Вииринг были закрыты, как будто она старалась вычеркнуть из памяти какую-то ужасную картину.

— Я...

— Мисс Ланг, пытались вы открыть ту дверь или нет?

Тишина с треском взорвалась. Мисс Ланг разразилась слезами. Сквозь ее причитания мы узнали, что она пыталась открыть дверь, но та была заперта на ключ.

Потребовалось несколько минут, чтобы успокоить мисс Ланг. Когда она наконец затихла, Гривз неумолимо продолжал допрос.

— Мистер Рэндан, а где вы были в полночь? Вернее, когда вы вернулись домой?

— Не знаю. Примерно без четверти двенадцать. Ночная сиделка и я появились в одно и то же время. Мы вместе вошли в дом, вместе поднялись наверх, где она встретилась с сестрой, которую сменяла, а я прошел в свою комнату. Я почти разделся, когда началась вся эта суматоха.

— И что вы сделали?

— Я вышел в коридор и поинтересовался у полицейского, что происходит. Он сказал, что не знает. Затем появились вы и...

— Хорошо.— Гривз повернулся к миссис Вииринг.— А где были вы?

— Сидела в туалете.

Грубый ответ произвел впечатление электрического разряда. Мисс Ланг истерически захихикала.

— В какое время вы там были?

— В туалет я по часам не хожу, мистер Гривз. Я была там сколько нужно, а потом вернулась в постель. Я помню, как ко мне в комнату ворвались три маньяка.

Довольно подходящее описание нашего вторжения.

— В течение этого времени вы не слышали ничего необычного?

— Нет.

Гривз повернулся к Брекстону и задал те же самые вопросы.

— В двенадцать часов я видел десятый сон.

— В каком часу вы отправились спать?

— Не знаю, где-то около одиннадцати.

— Вы не слышали никаких странных звуков из соседней комнаты, спальни мисс Клейпул?

— Нет, не слышал ничего особенного. Гм... хождение по комнате, вот и все, но это было перед тем, как я заснул.

— Когда вы проснулись?

— Около полуночи. Мне показалось, что я слышу какой-то шум.

— Бегущих людей? Или хлопанье дверей?

— Нет, скорее стон. Возможно, это была игра моего воображения, а может быть, просто шум прибора. Я не знаю, но я проснулся. Затем началась вся эта кутерьма.

— А шум, который вы слышали, откуда он шел?

— Из комнаты Элли. Кажется, это был голос.

— И когда вы его услышали?

— Я... Значит, так. Как раз за несколько секунд до того, как все поднялись наверх.

Гривз кивнул. Лицо его ничего не выражало.

— Очень интересно, мистер Брекстон. А сами вы случайно не пытались открыть дверь между вашей комнатой и спальней мисс Клейпул?

— Нет, я знал, что она заперта.

Гривз вытащил из кармана носовой платок, развернул его и показал ключ.

— Что это, мистер Брекстон?

— Ключ.

— Вы его раньше видели?

— Откуда я знаю? Все ключи выглядят одинаково.

— Это ключ от двери, ведущей из вашей комнаты в спальню мисс Клейпул.

— Ну и что?

— Двадцать минут назад его обнаружили в наволочке на вашей кровати, мистер Брекстон. Я вынужден арестовать вас по подозрению в попытке совершения убийства первой степени. Можете передать вашему адвокату, что Специальный суд состоится в эту пятницу в Истхэмптоне. Властью, возложенной на меня штатом Нью-Йорк.

Мисс Ланг упала в обморок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Брекстона арестовали и во вторник отправили в тюрьму. Специальный суд был назначен на пятницу. Это давало мне

возможность в течение двух оставшихся дней ради собственной славы и торжества слепой дамы с весами разыскать настоящего убийцу. Сорок восемь часов, чтобы доказать невинность Брекстона.

На следующее утро я встал в девять часов. Я еще одевался, когда раздался звонок от редактора «Глоуб».

— Послушай ты, недоразвитый ищейка, на что ты намекаешь в своих идиотских репортажах? Ты что, действительно полагаешь, что убийца не Брекстон?

— Вот именно.

Я отвел трубку от уха на расстояние вытянутой руки, пока мой бывший начальник продолжал бесноваться. Когда он успокоился, я ее опять придвинул и успел уловить:

— Ну вот что, я направляю к вам Элмера. Пускай разбирается. Он рвался еще раньше, но я ему отказал. Я сказал, что ты все выяснишь и разберешься в этом чертовом деле. И вот тебе на! Вместо этого ты бьешь нас под коленки!

— Лесть вам не поможет, — ответил я недовольно. — Да и Элмер тоже. А что вы скажете, если я не позднее пятницы назову вам настоящего убийцу?

— Да разве ты...

Я сказал ему, что все его гадания просто бессмысленны. Затем посоветовал, что делать с Элмером, если он еще не отказался посылать его, и первым повесил трубку.

Насвистывая похоронный марш, я спустился к завтраку.

Вид Рэндана, с аппетитом поглощающего еду, не поднял моего настроения. Больше никого в столовой не было.

— Видели газеты? — Рэндан прямо-таки горел от возбуждения. — На всех первых полосах.

Он пододвинул мне целую кипу прессы. Заголовки последних выпусков гласили: «Арестован известный художник за убийство своей жены и своего друга». Это было типичное перетряхивание грязного белья, кошмар, равный Содому и Гоморре.

Я едва взглянул на заголовки. Из собственного журналистского опыта мне прекрасно было известно, что основным в газетных публикациях являются заголовок и первый абзац, все же остальное — более или менее удачный набор слов.

— Очень интересно, — сказал я.

— Думаю, никто из нас так и не угадал преступника. — Рэндан не обратил внимания на мой хмурый вид. — Как правило, преступником является тот, на кого падает подозрение, но готов поклясться, что Брекстон тут ни при чем.

— Но ведь вы всегда утверждали, что убийца — он, разве не так?

Рэндан снисходительно улыбнулся.

— Я делал это специально, чтобы увести вас в сторону, пока собирал факты против настоящего убийцы, точнее — против человека, которого считал виновным. Но это мне ничего не дало.

— Так же, как и мне.

— Дело с ключом окончательно все решило, — со вздохом произнес Рэндан, взяв «Дейли Ньюс».

«Знаменитый кубист обвиняется в убийстве своей жены и своего друга», — гласила надпись на первой странице.

Миссис Вииринг и мисс Ланг спустились к завтраку вместе. Обе, похоже, сохраняли самообладание и выглядели оживленными.

— А наши джентльмены, оказывается, ранние пташки! — весело воскликнула писательница, явно оправившаяся после удара, испытанного всего лишь несколько часов назад.

— Наверное, нелегко пришлось, Питер?

Миссис Вииринг с улыбкой посмотрела на меня.

Я пробормотал в ответ какую-то бессмыслицу.

— И боюсь, нам не удастся довести до конца наш первоначальный план.

— Возможно, при данных обстоятельствах вы правы, — согласился я, печально кивая головой. — Неразумно делать...

— Я знала, что вы поймете. Мне очень жаль, что вы потеряли почти неделю.

— Ну, не совсем потерял.

Она улыбнулась.

— Вот именно. Сделали несколько публикаций, верно?

Я прошел к себе в комнату и позвонил мисс Флинн.

— Весь Нью-Йорк жужжит, — заявила она тоном человека, который следит за событиями на расстоянии.

— Не удивляюсь, — ответил я. — Вернусь в пятницу днем. Есть какие-нибудь новости?

Она коротко изложила все, что произошло в мое отсутствие. Я дал ей указания по работе, а потом попросил кое-что для меня выяснить. Мисс Флинн, как всегда, отреагировала сдержанно.

— Я все сделаю, хотя, знаете, на наведение справок уходят все силы, — канцелярским тоном произнесла она. — Кстати, каждый день вам звонит некий мистер Уил. По какому поводу хочет с вами встретиться, ничего не говорит. Он с вами еще не связывался?

Я ответил, что нет, и повесил трубку. Затем решил осуществить стратегический маневр.

Из соседней комнаты, спальни мисс Ланг, до меня донеслись тихие звуки пылесоса. На втором этаже не было ни души, за исключением одной-единственной служанки. Осторожно, чтобы не шуметь, я вышел из комнаты, перешел в коридор и пробрался в комнату Дика Рэндана.

Она была точной копией моей. Он даже поленился развесить одежду. Его чемодан лежал открытым, забытый помятыми вещами. Я быстро их просмотрел. Если не упоминать о дырявых носках, ничего особенного не нашел. Правда, ничего особенного я и не искал, что, естественно, усложняло мою задачу.

Я обследовал ванную комнату и обнаружил бритвенные приборы. Я также нашел женский платок с инициалами «Р. В.». Он был весь в вате и засунут в стакан, стоявший на второй полке аптечки. «Р. В.» — скорее всего Роза Вииринг, но почему ее платок у Рэндана? Странно. На нем нет никаких следов, ни кровавых пятен, ничего интересного. Обыкновенный кружевной платок. Несколько сбитый с толку, я положил его обратно. Может

быть, он kleптоман? Или фетишист? Или миссис Вииринг отдавалась ему здесь ночью, оставляя платок как залог своей любви? А может, он случайно нашел его и сунул в первый попавшийся сосуд, которым оказался стакан? Я решил, что схожу с ума, приписывая большое значение всякой чепухе.

Я вернулся в спальню и осмотрел окна, затем открыл дверь между комнатой Рэндана и следующей спальней, где размещалась миссис Вииринг. Это была самая большая из комнат, окна которой выходили на море. Везде была разбросана одежда. Да, бегом не успеешь все осмотреть. И тем не менее в ее ванной комнате я нашел кое-что интересное. На металлическом столике лежал небольшой автоклав с несколькими шприцами. Рядом стояли пузырьки с лекарствами. На этикетках написано ее имя и указан состав. Два пузырька со стрихнином, входившим в состав лекарства, который принимали в случае сердечного приступа.

Дверь в спальню Элли Клейпул была не заперта. Одежда все еще висела в стенном шкафу и лежала в комодe. Если здесь было хоть что-то, дававшее полиции след, то, естественно, ожидать новых находок не приходилось. Я бегом осмотрел комнату и перешел в спальню Брекстона, в которой царил беспорядок. Матрас, одеяло, подушки валялись на полу. Комнату, безусловно, уже тщательно обыскали, хотя искать в ней было нечего. Единственное, что я заметил, — окно, выходившее на восток в сторону океана, было прямо над металлическими качелями, под которыми я нашел тело Флетчера Клейпула. Поскольку в ту ночь светила полная луна, Брекстон, если выглядывал из окна, мог видеть убийцу. Из других комнат качелей видно не было!

По крайней мере так можно объяснить кажущуюся самоуверенность Брекстона. Но почему он молчит? Я даже не подозревал, что разгадка прямо под рукой.

2

До половины двенадцатого я безуспешно ждал появления Гривза, но оказалось, что он находится в администрации Риверхеда, где пытается выплыть из моря всяческих запретов. Районной прокуратурой была пущена в ход машина правосудия, и мужественный Гривз мог почитать на лаврах.

Когда я понял, что ждать его бесполезно, то попросил Рэндана одолжить мне свою машину. Он не имел ничего против; единственно, поинтересовался, есть ли у меня водительские права. Я сказал, что есть, и отправился в путь.

День был ясным и прохладным, скорее осенним, нежели летним. Вязы на главной магистрали Истхэмптона начали уже желтеть. Осень была не за горами.

Я подъехал к больнице Св. Агаты, куда, насколько я знал, отправили Элли Клейпул. С самоуверенностью, которой я на самом деле не чувствовал, я вошел в мрачное, викторианского вида, здание и заявил в приемном покое, что я — Дик Рэндан, племянник мисс Клейпул, и очень хочу видеть свою тетю.

К моему удивлению, после нескольких минут телефонных переговоров, мне заявили, что я могу ее навестить на десять

минут. Оказалось, что она уже несколько часов в сознании и совершенно спокойна.

Элли лежала в постели. Лицо ее было бледным как полотно, а глаза лихорадочно горели. При виде меня она вздрогнула.

— Я думала, что Дик...

Я быстро прервал ее.

— Он хотел прийти, но послал меня. Я могу поговорить с вами наедине?

Говоря это, я бросил взгляд на сестру, стоящую наготове у подноса с успокоительными лекарствами.

— Запрещено врачами. И полицией тоже, — твердо заявила медсестра. — Не беспокойтесь, я не буду подслушивать.

Элли натянуто улыбнулась.

— Боюсь, придется подчиниться приказам. Почему вы хотели видеть меня, мистер Сарджент?

Я присел рядом с ее кроватью и постарался говорить как можно тише.

— Во-первых, я хотел знать, как вы себя чувствуете?

— Почти оправилась. Похоже, что стрихнин, вместо того чтобы убить меня, оказал противоположное действие. Правда, говорят, что я была на грани потери рассудка.

— Вы ничего не понимаете? Я имею в виду стрихнин...

Она покачала головой.

— Я пришла в себя только в «скорой».

— Когда был убит ваш брат, вы были с Брекстоном?

Она кивнула.

— Такой же точно вопрос задавал мне сегодня утром этот ужасный маленький человечек из полиции.

— Так он не поверил вам?

— Нет, не поверил, хотя не могу понять, почему?

— Вам известно, что полиция арестовала Брекстона?

Ее зрачки расширились. У нее даже перехватило дыхание, затем она закрыла глаза.

— Мне следовало догадаться. Полицейский ничего не сказал, но по крайней мере это объясняет его разочарование, когда я ответила на вопрос. Пол не мог этого сделать! У него не было оснований для убийства, и потом он был со мной.

— У нас совсем мало времени, — быстро заговорил я. — Я тоже считаю, что Брекстон не убивал, но полиция полагает иначе, и у них достаточно, по их мнению, улики. Вы должны помочь мне.

Считаю, всю эту историю можно распутать, но для этого я должен гораздо больше знать о людях, причастных к ней, и об их прошлом. Пожалуйста, расскажите мне все.

— Что вы хотите знать?

— У кого были причины убить вашего брата?

Она оглянулась по сторонам.

— Трудно сказать. И что вообще понимать под словом «причины»? Немало людей, у которых есть поводы для недовольства, но они ведь не убивают...

— Как у мисс Ланг?

— Ну, хотя бы у нее. Между прочим, а откуда вы знаете?

— Не имеет значения. Кстати, что в действительности произошло между нею и вашим братом?

— Да ничего особенного, в этом-то все и дело. Она была влюблена в него, а он оставался равнодушен. Мы жили в Бостоне и довольно часто виделись. Наверное, вам известно, что в то время она была еще не толстой и достаточно симпатичной. Она была убита горем, когда он связался с Милдред. Примерно в то же самое время и начала толстеть. Я думаю, это у нее не гормональное, а невротическое. Она никогда, насколько мне известно, не встречалась с другими мужчинами и продолжала любить Флетчера.

— А не могла ли она дать снотворное Милдред?

— Я... я давно задумывалась над этим. Она ненавидела Милдред. Мне кажется, она стала ненавидеть ее еще больше, когда та отказала Флетчеру. Произошла глупейшая из вещей — сначала она ненавидела соперницу, а потом еще больше возненавидела ее, когда та пренебрегла человеком, которого она любит. Да, я полагаю, она могла дать снотворное Милдред. Одно лишь странно — стоило ли для этого ждать пятнадцать лет?

— Вероятно, ей впервые представилась такая возможность.

— Может быть, не знаю. Но даже если и она, зачем тогда убивать Флетчера?

— За то, что он ею пренебрег.

— Бог его знает. А насчет Милдред я сперва подумала, что это несчастный случай, она случайно приняла снотворное и, забыв об этом, пошла купаться. Но потом, когда вмешалась полиция, мне пришло в голову, что Мэри Уэстерн Ланг вполне могла дать Милдред таблетки. Тем более что среди гостей не было людей, действительно ненавидевших бедную Милдред.

— Вы исключаете даже ее мужа?

— Он привык к ней. Кроме того, у него была масса более благоприятных возможностей. Он не стал бы использовать уик-энд, на котором собрались хорошие знакомые, чтобы убивать свою жену.

— А как вы относились к Милдред?

— Она не была моей подругой. Кроме того, мне не нравились ее отношения с Флетчером. Мы с нею, как правило, ссорились. Она обвиняла меня в том, что я специально удерживаю Флетчера в Кембридже, когда он должен быть, по ее мнению, в Нью-Йорке, где она могла вцепиться в него.

— А вы действительно удерживали его в Кембридже?

— В этом не было особой необходимости, — ответила Элли с печальной улыбкой. — Когда Милдред вышла замуж, Флетчер потерял к ней всяческий интерес. Она даже навела на него скуку.

— И тем не менее... она продолжала заигрывать с ним?

— Вполне подходящее слово. Вообще по натуре она собственница.

— А не мог ли ваш брат желать ее смерти?

Элли в удивлении вскинула на меня глаза.

— Что вы хотите этим сказать?

— Просто пытаюсь выяснить все возможные мотивы. Вот

и все. В связи с этим я и подумал, а не мог ли у него быть какой-нибудь мотив.

— Вряд ли. Уверена, что нет. Вы же не убиваете своих старых подруг только потому, что они вам надоели?

— Ну ладно, перейдем к вашему племяннику. А у него не было оснований для убийства Милдред?

Элли покачала головой.

— Думаю, он и видел-то ее всего пару раз. Кроме того, он в это время был в Бостоне. Помню, вечером накануне смерти Милдред я разговаривала с ним по междугороднему.

— По семейным делам?

— Отчасти. Я пригласила его сюда, сказав, что приглашение исходит и от Розы.

— Ну, тогда это исключает его, во всяком случае, в вопросе о Милдред. У него были какие-нибудь причины желать смерти вашему брату?

Элли медленно покачала головой.

— Нет, не думаю. Хотя они не очень симпатизировали друг другу, в открытую никогда не ссорились. Правда, минувшей зимой у них возникли какие-то разногласия относительно денег. Флетчер был опекуном Дика и управлял его имуществом. Дик хотел перевести все на свое собственное имя, но Флетчер был непреклонен, и этим все закончилось. С тех пор они редко виделись.

Мне нужно было работать быстрее. Я заметил, что сестра, сидевшая в другом углу комнаты, начинает испытывать нетерпение.

— А миссис Вииринг?

— Мы познакомились с ней примерно в то же самое время, что и с Милдред. У нас были общие друзья. И Роза, кажется, больше всех переживала, когда Милдред отказала Флетчеру.

— А у нее не могло быть мотива для убийства, как вы думаете?

Элли опять покачала головой.

— Ничего подобного. Милдред, конечно, была не подарок, и в прошлом году Роза с ней не встречалась. Я была несколько удивлена, узнав, что на уик-энд приглашены и Брекстоны. Все это довольно странно. Мы с Флетчером не были уверены, что поедем. О Боже, как было бы хорошо, если б мы не поехали!

Элли прикусила нижнюю губу, а сестра неодобрительно посмотрела в мою сторону.

Я был непреклонен. Оставалось мало времени.

— Миссис Вииринг хорошо относилась к вашему брату?

— Да, конечно.

— Значит, вы категорически исключаете, что она может быть убийцей?

Элли смущенно покачала головой.

— Не знаю, что и думать. Это все так ужасно.

— Вам пора идти, сэр, — произнесла сиделка.

— Вы любите Брекстона? — задал я последний вопрос.

При этих словах Элли вспыхнула.

— Нет, нет.

— А он вас?

— Я... вам лучше спросить его самого, мистер Сарджент.

3

Я нашел Лиз на террасе клуба. Она быстро отвела меня в сторону, испытывая наслаждение от последних новостей.

— Видишь, все так, как я и говорила. А ты что, не рад? Теперь можно уехать из этого ужасного дома, и с делом будет покончено.

— Я постараюсь задержаться там подольше.

В этот самый момент появилась моя Немезида¹ в лице Элмера Буша. Он был в спортивных брюках канареечного цвета, каштановой куртке и башмаках из крокодиловой кожи. На его губах красовалась улыбка, которую он привык выжимать из своего деревянного лица перед миллионами телезрителей.

Он решительно направился ко мне, протянул руку и громовым голосом воскликнул:

— Давно мы не виделись, братец Сарджент!

Едва сдерживая отвращение, я представил его всем сидевшим за столом. Никто, похоже, не испытал особого удовольствия при виде этой неожиданной знаменитости.

— Надо малость поразмяться в этих местах,— сказал Буш, похлопывая меня по спине, очевидно, в надежде, что я обгорел на солнце. Я, в свою очередь, дружески применил к его руке прием дзюдо, рассчитанный на то, чтобы на несколько секунд парализовать нерв. То ли Буш был резиновый, то ли я потерял свое прежнее мастерство, но он и глазом не моргнул.

— В «Глоуб» посчитали, что мне следует сюда съездить на разведку.

— Зачем?

Я продолжал улыбаться, надеясь нанести ему очередной удар по руке. Но Буш отодвинулся от меня.

— Так просто, осмотреться. Ты всегда был шутником, Пит. Ха-ха! Ну и статейки ты написал, только подумать! Для очевидца потрясающий охват, я бы сказал.

— Благодарю,— произнес я, давно ожидая подобного удара.

— Похоже, ты поставил не на ту лошадку. В городской администрации все прямо-таки раздражены. Ты же знаешь, какие они обидчивые.

— Но ему пока не предъявляли обвинения.

— В пятницу предъявят.— Элмер облизал губы.— Я тут немного поговорил с Гривзом. Старый мой знакомый. Я его знал еще в те времена, когда открывал для себя графство Саффолк. Хорошее дельце он раскопал. А ключ! Нет, дружище, полиция сработала просто первоклассно!

— Ты прав, Элмер,— устало произнес я.— Надо обладать недюжинными умственными способностями, чтобы обыскать комнату и найти ключ.

— Не надо недооценивать Гривза,— покровительственно про-

¹ Богиня возмездия в греческой мифологии.

изнес Буш.— Такой ум еще поискать надо. Вот за это он мне и понравился. Тебе не удалось ничего выудить из него, а мне повезло. Я смог это сделать и не стыжусь в этом признаться.

Наступило глубокомысленное молчание.

— А тебе не удалось узнать, — произнес я, как бы не придавая этому значения, — зачем Брекстон воспользовался ключом?

Буш посмотрел на меня, как на ненормального.

— Да, ты точно слишком долго занимался рекламой, — высокомерно протянул он. — Брекстон украл ключ у миссис Вииринг, который хранился у нее в столе, между прочим, в самом верхнем ящике, куда мог любой залезть. Затем, услышав, что сиделка ушла, он отпер дверь в спальню мисс Клейпул, на цыпочках вошел туда, взял шприц, наполнил его стрихнином и попытался сделать ей укол, но неудачно. Быстро вернулся в свою комнату, запер дверь и спрятал ключ в своей наволочке.

— О, потрясающе! — Лиз была буквально в экстазе.

— Стрихнин, — спокойно заметил я, — хранился в комнате миссис Вииринг, а не у мисс Клейпул. Так как он попал к нему?

— Он мог взять его в любое время, — ответил Элмер с располагающей улыбкой.

— Возможно. Тогда остается еще один вопрос. Уверен, что вы с Гривзом уже его проработали. Почему Брекстон хотел убить Элли?

— Чтобы убрать свидетеля.

— Но ведь она уже заявила, что во время убийства брата была с Брекстоном. Разве не так? Какой же смысл уничтожать своего единственного свидетеля?

Элмер снисходительно улыбнулся.

— Я не имею права разглашать тайны следствия... пока.

Я был утрачен этими намеками. Ни Элмера, ни Гривза не назывешь полнейшими дураками. Не означает ли это, что представители штата попытаются доказать, что Элли и Брекстон были сообщниками? А потом Брекстон решил убрать ее, чтобы окончательно развеять подозрения? Нет, это не сработает. Полиция не настолько глупа. Значит, им что-то известно, или они просто блефуют.

Альма Эддердейл, пьяное взбалмошное создание, уныло болтавшееся по всему миру, пригласила нас в свою кавану. Мы с Лиз последовали за нею, а Элмер остался пообщаться с важными членами клуба.

Кавана леди Эддердейл выделялась среди остальных пляжных домиков своим ярким тентом и маленьким баром. Мы расселись в шезлонгах на открытом воздухе. День был прекрасный, наполненный тем серебристым светом, какой бывает только осенью у моря. Несколько минут мы беседовали с леди Эддердейл. Постепенно я расположил ее к себе. Похоже, она заинтересовалась, когда я сказал, что гощу у миссис Вииринг.

— Милая бедная Роза, — пробормотала она. — Боже, какой кошмар! Брекстон всегда был моим любимым художником. И кому понадобилось убивать его?

Я попытался объяснить ей, что убит не Брекстон, а его жена,

но она только кивала, как близорукая лошадь перед овсом, до которого не может дотянуться.

— Его жена Пегги не подарок, не правда ли? Бедняжка, что она будет делать без него? Вы же знаете, она — дочь Розы.

Я окончательно сдался. Мешанина в голове леди Эддердейл была просто неопишуемой.

— Да, это, должно быть, у них на роду написано, — зачастила она умирающим голосом. — Уверена, что человек, убивший его, сейчас в этом раскаивается. Я бы точно раскаивалась. А вы? Он такой чудесный художник. Кстати, а как Роза? Я ее еще не видела.

Я сказал, что она старается держаться.

— О, она — человек мужественный. Со мной, значит, такое тоже произошло. Прямо среди ясного неба. Ко мне пришли и сказали: «Леди Эддердейл, нам нужны ваши финансовые документы». Естественно, я понятия не имела, о чем они говорят. «Какие документы? — сказала я им. — Всеми моими бумагами занимается мой адвокат». Ну они и пошли к нему, и, прежде чем я уяснила, что происходит, мне пришлось заплатить сто тысяч долларов.

У меня было такое ощущение, что меня преследует кошмар. Либо она сбрендила, либо мы оба. Я в отчаянии искал глазами Лиз. Она, забыв обо всем, жарилась на солнце рядом с толстым белобрысым шведом.

— Сто тысяч долларов? — повторил я слова, которые уловил из ее болтовни.

— Примерно. Точную сумму я не помню, но она была ужасна. И раздобыть ее надо было за короткое время. Они были непреклонны. Надеюсь, они дали Розе больше времени, нежели мне.

— Времени?

— Ну да, чтобы заплатить.

— Кому?

— Да этим кошмарным типам из налогового управления.

Теперь все стало ясно.

— И когда же Розе стало известно, что ей придется платить?

— Ну, не очень давно. В то время я как раз ужасно себя чувствовала. Помню, мы еще сидели в ресторане «Колони» с Чико Пацетти... Вы знаете Чико? Кстати, жена бросила его.

— И она рассказала вам об этом в «Колони»? Давно это было?

— Примерно месяц назад. Да, точно. Я еще помню, она несколько дней была в Нью-Йорке и ходила в налоговое управление поговорить о каком-то деле.

— О каком?

Альма вздохнула и в бессилии воздела свои украшенные изумрудами руки.

— По правде говоря, не знаю. Знаю только, что она была ужасно расстроена и очень хотела поговорить со мной, потому что я прошла через то же самое. Кажется, она сказала, что должна заплатить сто тысяч; или я должна была заплатить? Ах да, каждая из нас должна была заплатить такую сумму, причем в очень короткое время. Помню, я еще сказала, что мы с нею в одной и той же лодке. Правда, у бедняжки Розы уже не было таких денег.

Я сказал Лиз, что позвоню позднее, если выдаться возможность. Затем, извинившись, отправился в «Норт-Дюнз».

Дом выглядел мирным и на удивление безлюдным. Когда я вошел, он действительно оказался почти пустым. Никого не было, за исключением мисс Ланг, сидевшей за столом миссис Вииринг.

— Кстати, я недавно виделся с Элли, — сказал я, опускаясь в кресло рядом со столом, за которым так много беседовал с Гривзом.

— Вот как? А мне казалось, к ней не пускают.

— Мне разрешили. Она чувствует себя намного лучше.

— Очень рада. Меня тревожило ее состояние. Кстати, на этой неделе я рассказываю в своем эссе о Пёрл Бак. Мне кажется, ее вещи индийского периода просто бесподобны. В особенности если сравнить с тем, что она написала после Китая, о котором и так уже известно много.

И она прочитала мне целый отрывок. Из вежливости я выразил свое восхищение.

— Трудимся, не разгибаясь? — заметила миссис Вииринг, появляясь в алькове. Она выглядела трезвой и деловой. — Какой день! Наконец-то мне удалось поработать!

Мисс Ланг вскочила из-за стола.

— А мы тут с мистером Сарджентом очень мило побеседовали. Он был первым слушателем моей новой главы. Вы же знаете, как я отношусь к читательскому мнению. Если бы все писатели работали, пытаясь учитывать запросы рядового читателя, как это делаю я!

Я извинился и отправился на небольшую прогулку по пляжу. Солнце клонилось к закату. Как я понял, до сих пор еще не обнаружили место, где убили Клейпула. Его тело тащили по пляжу, вполне возможно, у самой воды, так что волны уничтожили все следы. Интуитивно я чувствовал, что убийство произошло рядом с домом, наверняка среди ближайших дюн. Тогда возникает вопрос, почему убийца не оставил тело на месте преступления? Зачем надо было тащить его к террасе? Дело рискованное, если учитывать, что в доме полно полиции. Я чувствовал, что что-то ускользает от моего внимания.

Над морем кружили две чайки. На горизонте появились темные облака. Неужели приближается шторм? Меня пробрала дрожь, и я вернулся в дом. Осталось выполнить еще одно дело.

Брекстон с унылым лицом сидел на койке в довольно живописной тюрьме Истхэмптона и кусочком угля делал какие-то наброски в блокноте.

— Терапия, — произнес он с улыбкой, когда я вошел. — А вы совсем не похожи на моего адвоката.

— Только таким способом мог пробраться к вам. Я заявил, что

являюсь младшим партнером адвокатской конторы «Оливер и Дейл». А вы неплохо выглядите.

— Приятно слышать. Садитесь.

Я сел на стул у зарешеченного окна, чувствуя себя чуть ли не заключенным.

— Уверен, вы не совершали преступления.

— Значит, нас уже двое. Чем могу быть полезен?

— Не двое, а трое. Сегодня утром я разговаривал с Элли, и не понимаю, как после ее показаний они осмелились арестовать вас.

— Вот и осмелились.

Он положил блокнот на кровать и уголком одеяла стер с пальцев уголь.

— Я освещаю происшедшее в «Глоуб». Вы читали мои статьи?

Он молча кивнул.

— Так вот, я пытаюсь разобраться в этом деле и выяснить, кто убил Клейпула. Думаю, что вы могли видеть убийцу, бросающего тело за качели. Ваше окно выходит на террасу прямо над ними.

Он тихо засмеялся.

— Если таков пример ваших методов расследования, я просто теряюсь. Во-первых, я вернулся к себе в комнату значительно позднее, а во-вторых, я тогда жил в комнате на первом этаже.

— О! — Я тупо уставился на него. — Да, тогда это все объясняет. Где вы были во время смерти Клейпула?

— Сидел на веранде вместе с Элли, большей частью в темноте.

— Кто-нибудь из вас выходил с веранды в то время, когда погас свет?

— Да. Кстати, мы оба выходили. На короткое время. Я пошел разыскивать дежурного полицейского, чтобы узнать, когда будет восстановлено освещение, но не смог его найти. Наверняка он в это время искал распределительный щиток. Затем я вернулся назад, и мы с Элли продолжили разговор. А потом она выходила, чтобы принести альбом по искусству, который привезла специально для меня, но забыла отдать.

— И все происходило в темноте?

— Светила яркая луна. Наверняка вы это заметили. Элли принесла альбом, мы еще немного поговорили и разошлись по своим комнатам. Остальное вам известно.

— О чем вы говорили?

— Главным образом о Милдред.

— А не о заключении брака? Я имею в виду, между вами и Элли?

— Это никого не касается, — отрезал Брекстон.

— Извините. — Я поднялся. — А вам что-нибудь известно о сложностях миссис Вииринг с налоговым управлением?

— Так вы знаете и об этом? — усмехнулся он.

— Немного. Только в общих чертах. Я полагаю, что она немало задолжала?

— Да, довольно значительную сумму. — Брекстон кивнул. — Более ста тысяч долларов.

— Она в состоянии выплатить ее?

— Думаю, да, но это вне всякого сомнения ударит по ее доходам.

— И как она сможет выкрутиться?

— Ну... У Вириригов где-то на Западе есть литейное предприятие, которое приносит ей неплохой доход. Делом управляет брат ее покойного мужа. Но и у самой Розы неплохая деловая хватка. Она ведь начинала секретарем старого Виририга, президента компании. Он женился на ней и, умирая, оставил ей свою долю. Похоже, недавно ее деверь поторопился в каких-то делах. Я в этом не очень разбираюсь. Но точно знаю, что это было сделано с целью добиться уменьшения налогов. У них что-то не получилось. Так или иначе, налоговому управлению стало об этом известно, и Розе придется выплатить сто тысяч наличными.

— А у миссис Вириринг их нет?

— Если не продаст свою долю акций компании.

— Значит, правильно говорят, что она в сложной ситуации?

— Да, я бы сказал, в чертовски сложной, — медленно произнес Брекстон.

— Мистер Брекстон, ваша жена была богатой женщиной?

— Да, — бесстрастно бросил он.

— Ее богатство не имело никакого отношения к миссис Вириринг, ее тетке?

— Нет, не имело. Вы правы. Милдред получила деньги от других родственников.

— А миссис Вириринг не пыталась занять денег у вашей жены?

Брекстон заерзал на койке, нервно ломая пальцы.

— Вам Элли сказала об этом?

— Нет, просто я пришел к этому выводу логически.

— Да. Роза просила Милдред помочь ей выкрутиться с налогами, но Милдред отказала.

Какое-то мгновение мы молчали, затем я спросил:

— Почему ваша жена отказала?

— Не знаю. Думаю, что сумма слишком велика даже для нее. У них была ужасная сцена как раз накануне того дня, когда Милдред утонула. Уверен, вы слышали крики. У обеих ужасные характеры. Милдред набросилась на Розу с моим мастихином. Между прочим, после той ночи я его не видел, пока его не нашли у тела Флетчера. В общем, я вмешался в драку и успокоил Милдред.

— А я уверен, что все было наоборот. Взбесилась миссис Вириринг из-за того, что ей отказали.

— Они обе хороши. Злобные, несдержанные. Милдред хотела сразу же уехать, но я ее отговорил. Правда, на следующее утро она вела себя как ни в чем не бывало.

— Как вы считаете, не по этой ли причине пригласили вашу жену, точнее, вас обоих на уик-энд? Чтобы помочь выкрутиться миссис Вириринг?

Брекстон кивнул.

— Думаю, именно поэтому Милдред и взбеленилась. Она прекрасно знала, что Роза терпеть ее не может, и не приглашала

нас почти целый год. Затем, когда мы получили приглашение, Милдред оживилась. Дело в том, что она всегда считала Розу как бы главой семьи, и ей было неприятно, что та не хотела с нами зняться. Но когда в первый же день нашего пребывания здесь выяснилось, что нас пригласили только потому, что Розе понадобились деньги, Милдред взорвалась. Я не могу осуждать ее за это.

— А как вы считаете, при обычных обстоятельствах ваша жена могла бы дать ей в долг такую сумму?

Брекстон пожал плечами.

— Может быть. Хотя сумма была ужасно большой. Впрочем, я никогда не знал, сколько денег у Милдред. Она всегда сама оплачивала свои счета, а я — свои. Это одно из условий нашего соглашения.

— У вас был подписан брачный контракт?

— Нет. Только устная договоренность. Милдред была хорошей женой. Это может показаться странным, в особенности тому, кто познакомился с ней недавно.

Теперь я решил перейти к юридическим аспектам сложившейся ситуации.

— Как вы считаете, какую позицию займет обвинение?

— Не знаю. Наверняка совершенно дику. Мои адвокаты абсолютно уверены в этом. Ну что ж, учитывая суммы, которые я им плачу, так и должно быть. — Он криво усмехнулся. — С помощью денег они смогут раздобыть все необходимые факты, но, если говорить серьезно, они даже не представляют, что у Гривза на уме. Мы полагали, что показаний Элли будет вполне достаточно, чтобы убедить районную прокуратуру, а вместо этого они назначают внеочередную сессию суда на пятницу. Меня же запикивают в камеру.

— Я думаю, они главным образом опираются на следующие соображения: вы убили свою жену, потому что не любили ее и хотели завладеть ее состоянием. Возможно, они попытаются доказать, что вы осуществили это из желания жениться на Элли. Именно поэтому они будут рассматривать ее показания как стремление дать вам алиби.

— Все правильно. Только зачем мне было убивать Клейпула? Единственного человека, к которому Элли была привязана?

— Наверняка они найдут какой-нибудь мотив. Высосут прямо из пальца, лишь бы использовать против вас в качестве главной улики мастихин, найденный около тела убитого.

— Довольно шатко, — заметил Брекстон.

— К счастью, обвинению не известно о ссоре, которая произошла у вас с Клейпулом после того, как утонула ваша жена. Я в это время сидел на веранде и все слышал.

Выдержка Брекстона была просто потрясающей. Он ничуть не удивился.

— Слышали?

— Да, большую часть вашего разговора. Клейпул обвинял вас в убийстве жены. Не впрямую... У меня сложилось впечатление, что он считал вас виновным в определенном каком-то, ему известном, смысле и намеревался разоблачить вас.

— Да. Примерно так и было,— небрежным тоном бросил Брекстон.

— Я, естественно, не стал сообщать в районную прокуратуру.

— Очень мило с вашей стороны.

— Но мне хотелось бы знать, что означал весь этот разговор. И потом, что вы имели в виду, когда заявили, что тоже все расскажете?

Брекстон молчал. Быстрыми цепкими глазами художника он изучал меня, как будто я модель, все линии которой надо точно перенести на холст. Наконец он произнес:

— Говорить особенно нечего. Последние несколько лет Милдред буквально гонялась за Флетчером, пытаясь вынудить его жениться на ней. Он не проявлял к ней никакого интереса, хотя раньше любил ее. Но в последний год он стал меняться, и, кажется, я понимаю, почему. Он стал с ней видаться. Под вымышленным именем они совершили прогулку на Бермуды. Мне это стало известно. Такие вещи всегда всплывают. Я, конечно, устроил Милдред скандал. Она быстро изобразила нервный срыв, позднее предложила развод, а я отказал ей. Думаю, это было ошибкой с моей стороны. Я не любил Милдред, но она нравилась мне, и я к ней привык. Был уверен, что Клейпул обхаживает ее только ради денег. Элли рассказывала мне, как сильно сократился их доход за последние несколько лет, и я подумал, что Флетчер решил найти себе богатую жену. Он был просто в ярости, что я стою у него на пути. Потом, когда Милдред утонула, он был уверен, что это моих рук дело, что я нацелился на ее деньги и поэтому не давал ей развода. Вот и все. Он взорвался и обещал обвинить меня в убийстве. У меня такое предчувствие, что он успел это сделать до своей смерти, и, видимо, именно на это рассчитывает Гривз.

— Другой вопрос: что вы имели в виду, когда сказали Флетчеру, что, если он выступит с обвинением против вас, вы втянете в это дело Элли?

Брекстон невольно покраснел.

— Неужели так сказал? Видимо, едва сдерживался, иначе никогда не пошел бы на подобное. Я просто угрожал, пытаюсь образумить его.

— Каким путем ее все-таки можно было втянуть в это дело?

— Да никаким. То, что я сказал... совсем другое, касающееся только нас троих — ее, меня и ее брата. Я только угрожал. Худшего способа я не мог придумать. Странно, но я даже забыл об этих словах, пока вы не напомнили.

Мы распрощались с Брекстоном, и я поспешил выйти из тюрьмы. У меня впереди была еще уйма дел. Вдруг рядом со мной остановился автомобиль, из которого вышел Рэндан.

— Как хорошо, что я вас нашел. Я только что расстался с Лиз, и она просила передать, что будет ждать вас на приеме, который устраивается в Саутхэмптоне в честь Альмы Эддердейл. Я сказал, что подброшу вас.

— А вы тоже приглашены?

Рэндан, похоже, был недоволен моей бестактностью.

— Я просто хотел быть полезным.

- Уверен в этом. Кстати, я сейчас виделся с Брекстоном.
- В тюрьме? А я не знал, что к нему пускают.
- У меня есть свои каналы влияния. Вы тоже пытались с ним увидеться?

Рэндан кивнул.

— Да, хотел кое-что уточнить. Дело в том, что я начинаю испытывать определенные сомнения,— добавил он с важным видом.

— Сомнения? А мне казалось, вы согласились с Гривзом, что Брекстон...

— Нет, сейчас я в этом не уверен. Дело в том, что сегодня случайно кое-что услышал здесь, в доме. Не хочу сказать, что люблю подслушивать, но...

— Но вы подслушали разговор, не предназначенный для ваших ушей,— типичная человеческая черта. В конце концов что было бы с историей, если бы не подслушивание?

К счастью, это был риторический вопрос, и Рэндан его проигнорировал.

— Я слышал, как миссис Вииринг разговаривала с адвокатом.

— С адвокатом Брекстона?

— Да... Но они говорили не об убийствах. Они говорили о завещании. О завещании миссис Брекстон. Похоже, она оставила половину своего состояния тетке, миссис Вииринг, остальное — Клейпулу. Мужу не досталось ничего. Самое главное в другом: он знал об этом и с таким завещанием давным-давно согласился. Вот я и думаю...

Атмосфера во время обеда была натянутой. Я старался не смотреть на миссис Вииринг, которая вопреки совету врача решила выпить капельку дубонне. Она так хорошо накалаась к тому времени, когда подали кофе, что мы с Рэнданом, практически никому не объясняя, смогли незаметно ускользнуть из дома.

Дорога от Истхэмптона до Саутхэмптона заняла около полчаса.

Луна скрылась, а ночное небо заволокли тучи, двигавшиеся с севера.

Мы почти не разговаривали, занятые своими собственными мыслями. Правда, Рэндан попытался расспросить меня относительно истории с налогами, но я отмолчался, оставив при себе свои взлелеянные версии.

Когда мы выходили из автомобиля перед особняком на Джин-Лейн, где проводился прием, Рэндан заметил:

— Мы, кажется, оба знаем, кто убийца.

— Жаль, что это не произошло раньше,— согласился я, кивнув головой.— К сожалению, слишком много было неразгаданных вопросов.

— Мастерски все было проделано. Когда вы догадались?

— Вчера, во время разговора с Альмой Эддердейл. Она и выболтала секрет, рассказав о проблемах Розы.

Рэндан кивнул.

— Да, теперь все ясно. Собираетесь сообщить об этом Гривзу? Или Специальному суду?

Я покачал головой.

— Нет. Сперва должен попытаться использовать полученную информацию для «Глоуб». Потом, если удастся, переговорю с Гривзом. Только так смогу опубликовать свое сообщение раньше других.

Мы отправились на прием. Я был в прекрасном настроении, чувствуя себя на седьмом небе.

Танцевальный зал представлял собою огромное помещение с паркетным полом, многочисленными вазами с цветами, тремя люстрами и галереей, где музыканты исполняли нежную музыку. Присутствовал, как принято говорить, весь свет.

Я почтительно склонился перед леди Эддердейл, стоявшей рядом с хозяином — человеком, таинственно нажившим миллионы во время второй мировой войны. Скорее всего он воровал крышки и продавал их на черном рынке.

— А, да, мистер... — со вздохом произнесла она, явно забыв мое имя. — У меня такая плохая память на имена, но я прекрасно помню лица. Когда вы приехали из Лондона?

Я постарался побыстрее закончить церемониал и, пройдя через многочисленную толпу, попал в гостиную, где находилась буфетная стойка, укомплектованная четырьмя шеф-поварами. Окруженная группой полных, лысых и рябых холостяков, Лиз поглотила копченую индейку.

— Питер! Можешь попробовать!

— Из твоих рук с удовольствием! — произнес я залихватским тоном.

Холостяки недовольно уставились на меня — племенной жеребец, пробирающийся через стадо лошадей к ближайшей кобыле.

Кобылка моя прямо-таки сияла. Она была в бело-золотистом платье, вся увешанная семейными драгоценностями. Интересно, подумал я, может, стоит предложить ей руку и сердце?

Я бросил вызывающий взгляд на холостяков, и они моментально ретировались. А нам осталась копченая индейка, шампанское и звуки Кола Портера, доносившиеся из танцевального зала. Никто не нарушал нашего блаженства.

— Я слышала, что дело закончилось? Кто-то мне сказал, что у Брекстона не осталось ни шанса и они добились от него признания, — сказала Лиз.

— Ты уверена в этом?

— Нет, не уверена. Просто все так говорят.

— А что ты делаешь после этого, душка? — сказал я с набитым ртом.

— Сегодня вечером? Поеду домой, как любая порядочная девушка.

— Пошли в кровать?

— В кровать? — воскликнула она удивленно, причем так громко, что один из поваров заметно побледнел. — В кровать? — повторила она тише. — А мне казалось, что тебе нравится возить-

ся только на кактусах... или же у тебя где-нибудь приготовлена кровать с гвоздями?

— Молодые женщины никогда не понимают шуток, — ответил я холодно. — Это не моя вина, что ты не снабдила меня необходимым количеством средств для организации правильной любви, предпочтительнее в позолоченной клетке. У тебя ведь есть деньги?

— Да, и я хочу, чтобы меня любили только за мои деньги, — согласилась она, кивнув головой. — В конце концов красота проходит. Характер портится. А вот деньги, если они правильно вложены, всегда дают любовь.

— А твои правильно вложены? В надежные или, на худой конец, простые ценные бумаги?

— Да, но я не знала, что это тебя волнует.

— Настолько, что я желаю пригласить тебя на ночь в мотель «Новая Аркадия», центр запрещенной сексуальности, всего в нескольких милях отсюда.

— А что я скажу своим?

— Скажешь, что ты распутница. Деньги — на твое имя, ведь так?

— О да. Моя мамуля потребовала от второго мужа, чтобы он создал попечительский фонд. Мило, правда?

— Все зависит от суммы.

Вдруг над нами раздался рев Элмера Буша.

— Привет, парень! Боже, это, кажется, та самая аппетитная крошка, которую я сегодня видел на пляже. Мисс Лиз Безземер, правильно?

— Да, та самая аппетитная крошка, — с ослепительной улыбкой произнесла Лиз. — А вы, если не ошибаюсь, тот пока еще знаменитый Элмер Буш, который благодаря любезности Уит-Машлетс каждую неделю выступает по программе «Эн-би-си»?

— Какая умная девочка! Правда, Питер? А ты удачливый стрелок, парень! Ну что ж, как говорится, не везет в преступлении, так повезет в любви. Ха! Ха!

Пока мы весело ржали над этой остротой, Лиз тихо смылась.

— Клянусь, я не хотел мешать тебе. — Элмер чуть ли не облизывал губы, следуя взглядом за Лиз, проходившей через танцевальный зал.

— Я тебе верю, Элмер. Увидимся как-нибудь в другой раз.

— Хочешь оказать мне любезность? — небрежно бросил Элмер, видя, что вокруг никого нет и очаровывать ему, за исключением меня, некого.

— Что за любезность?

— Я хочу взять интервью у миссис Вииринг, но никак не могу добраться до нее. Она все время ускользает... Одному Богу известно, почему, ведь она стремится к известности. Так вот, если ты...

— Но Элмер, мы же противники. — Я попытался изобразить удивление. — И потом, мне самому еще надо как-то выкрутиться из ситуации, в которую я попал.

— Это для «Глоуб», а не для меня.

Он стоял с благородным видом, как бы принося себя в жертву.

— Очень сожалею, Элмер, но этого тебе придется добиваться самому.

— Послушай, Сарджент. Меня сюда послал редактор «Глоуб», той самой газеты, которая платит тебе деньги за дурацкие статьи о том, что Брекстон якобы не совершал убийства. Запомни только одно: ты не очень в чести у руководства. Но стоит лишь сказать, как ты мне помог, они наверняка тебя не спишут.— Он сердито посмотрел на меня.

— Элмер,— спокойно произнес я,— я тебя ненавижу. Всегда ненавидел тебя. И буду ненавидеть. Ничто не в состоянии показать масштабы моей к тебе ненависти. Я сброшу на тебя камень, если ты будешь тонуть. Я...

— Все дурачишься. А вот я не шучу. Газета ждет от тебя помощи. Если ты отказываешься, не надейся больше на сотрудничество с нею.

— А предположим, что я прав?

Я устал от него и в то же время понимал, что бессмысленно бороться, пока не раздобуду стоящие факты, причем как можно скорее. Он брал меня за горло, как говорят журналисты.

— Что Брекстон не убивал своей жены и Клейпула?

Элмер с жалостью взглянул на меня.

— Лично я не стал бы строить обвинение на показаниях Клейпула,— выстрелил я наугад и попал в точку.

— Ты знаешь и об этом? — вздрогнул Элмер.

— Конечно. Я знаю, что обвинение собирается строить свои утверждения на том, что Клейпул заявил, будто Брекстон убил свою жену...

— Он рассказал об этом в полиции в день своей смерти.

Элмер выглядел самодовольным, как будто сам все это проделал с помощью своего журналистского дара. Я был рад, что моя догадка подтвердилась. Элмер отработывал свое назначение.

2

— Уверена, они разнюхают, чем я занималась. Просто мне назло.

Лиз, совершенно обнаженная, сидела перед туалетным столиком и укладывала волосы. Она — из того разряда женщин, которые сперва приводят в порядок свои волосы и лицо, а только затем начинают одеваться. Я в блаженстве нежилась в кровати, наслаждаясь лучами утреннего солнца, падавшими мне на живот. Это была потрясающая ночь, да и утро тоже. Ничто не тревожило меня.

— А тебя это волнует? — спросил я, зевая.

— В общем-то нет.— Я смотрел на ее лопатки, когда, повернувшись ко мне спиной, она расчесывала волосы.— Просто, когда я им сказала, что остановлюсь у друзей в Саутхэмптоне, мне не следовало упоминать Анну Триз. Они собираются к ней, и наверняка моя тетя поинтересуется, когда я заявила ночью, и...

— Ты слишком тревожишься. Мне кажется, твоя тетка будет без ума от «Новой Аркадии». Чистые простыни. Отдельные

ванны. Прекрасный вид на закусочную и на американскую магистраль номер один, не говоря уж об американском мальчишке с красной кровью... Подойди сюда.

— Сейчас не до этого, Питер. — Она с достоинством поднялась и влезла в шелковые трусики. — Тебе это доставляет удовольствие... Ты, как это говорят, чувствуешь себя важным, мужественным козлом...

— Я никогда не важничаю.

Мне вдруг захотелось ее, но у нее были другие планы. Раздосадованный, я встал и прошел в ванную комнату, чтобы принять душ. Когда я вышел, Лиз уже была полностью одета и копалась в корзине с бумагами, напоминая собой женщину, которая знает, что делает.

— Вот так, так, — ехидно, как шкодничающий мальчишка, сказал я. — Смотри, найдешь что-нибудь непристойное, не прикасайся!

— Ченуха. — Лиз вытряхнула газету и сигаретные окурки. — Так я и думала: марихуана. Вот откуда я почувствовала странный запах.

— Не прикасайся к ним. А я-то думал, женщины смертельно боятся эмбрионов.

— Кончай дурачиться.

Лиз кинула окурки обратно в корзину и с рассеянным видом открыла газету. Я начал одеваться.

От резкого возгласа Лиз я замер.

— Это Клейпул? — спросила она, протягивая мне газету.

Это был утренний выпуск «Джорнел Америкэн», в котором были опубликованы фотографии людей, связанных с убийством в «Норт-Дюнс». На одной из них был изображен Клейпул. Я кивнул, возвращая ей газету, и стал причесываться, глядя в пыльное зеркало.

— Ну и что из этого?

— Как что? Я его знаю!

— Знала. Ну и что? Многие его знали.

— Возможно, но я его совсем недавно видела. Не помню, как это произошло... то ли я виделась с ним, то ли случайно столкнулась или еще что-то... — Она смущенно замолчала и внимательно уставилась на фотографию. — Я вспомнила! — завопила она.

— Что?

— Это было в воскресенье вечером, в клубе, до того, как я поехала на вечеринку к Эвану Эвансу. Я заскочила в клуб с одним знакомым парнем. Просто посмотреть, кто там есть. Никого не было — ты же знаешь, что там бывает по воскресным вечерам, поэтому я попросила этого парня отвезти меня к Эвансу... Как бы то ни было, но до ухода я видела Клейпула. Точно не помню. Он выглядел таким душкой, правда, на старомодный манер. Я заметила его, потому что он был один и в скромном костюме. Все остальные были разодеты. Он стоял в одиночестве у двери, выходящей на террасу...

— Ты разговаривала с ним?

- Нет. Только мимоходом его заметила.
— А какое было время?
— Время? Чуть попозже половины первого.
Я был взволнован.

— Да ты понимаешь, что, возможно, последней видела его в живых?

— Ты так думаешь? — Она ужасно заинтересовалась. — Но это ведь ничего не доказывает, да? Он, наверное, пришел со стороны «Норт-Дюнз». Питер, я ужасно голодна, давай завтракать.

Украдкой мы выскочили из мотеля «Новая Аркадия». Так каждую неделю делают сотни парочек, которые, как только их союзы благославляют боги любви, моментально начинают отрицать и игнорировать суровые узы общества.

В южной части Истхэмптона мы отыскивали очаровательную харчевню и наелись там до отвала.

Это было странное утро. Висел густой белый туман, сквозь который пробивались слабые лучи солнца.

— Я люблю такие авантюры экспромтом, — заявила Лиз, поглощая яйца в таком количестве, что я просто обалдел, не понимая, как они вмещаются в такое стройное тело.

— А тебе плохо не будет?

— Я могу их есть сколько влезет, — спокойно произнесла она.

Мне оставалось лишь гадать — шутит она или нет.

— Надеюсь, когда в очередной раз будем в мотеле, ты не забудешь об этом.

— В тебе есть ужасно неприятные пуританские черты, Питер. Меня это очень беспокоит.

— Просто мне хотелось бы, чтобы ты принадлежала только мне. Такова жизнь.

— Да, такова жизнь.

Лиз лучезарно улыбнулась мне над чашкой кофе.

Она была просто сказочным созданием, творением природы, а не человеческим существом. Стихией. Ветром. Небом. Обычные законы морали не для нее.

Я сменил тему. Я не мог спокойно смотреть на нее.

— И сколько еще времени ты собираешься быть здесь?

Она вздохнула.

— Завтра я возвращаюсь. Я просила разрешить мне задержаться, но в редакции отказали. Никакой журнал не станет впустую тратить деньги и делать дополнительные выпуски в жаркую погоду. Покупать-то некому.

— Неужели кто-то читает журналы мод? Женщины ведь покупают их только из-за моделей одежды.

— Очень тяжело работать в Нью-Йорке душным летом. Я должна была вернуться еще вчера, но мне дали еще один день. А ты когда возвращаешься?

— В пятницу. Я пробуду здесь до Специального суда, на котором буду вынужден выступать в качестве свидетеля. Сразу же после суда я вернусь в Нью-Йорк.

— Потрясающий у нас уик-энд был! — сказала Лиз, переключая лед из своего бокала в кофейную чашку. — Не знаю, почему я никогда не прошу приготовить холодный кофе? Горячий-то я терпеть не могу. Питер, ты действительно считаешь, что Брекстон невиновен?

Я кивнул.

— Но если он не убийца, то кто?

— Кое-кто другой.

— О, не глупи! Кто другой мог сделать это?

— Человек, у которого был мотив.

— Наверняка у тебя есть факты, кто это, раз уж ты так уверен, что Брекстон тут ни при чем.

— О да, я прекрасно знаю, кто совершил убийство.

И я действительно знал. По крайней мере уже не меньше получаса.

Глаза у Лиз округлились.

— Ты хочешь сказать, что вот так спокойно сидишь со мною и попиваешь кофе, прекрасно зная, кто убил миссис Брекстон и Клейпула?

— Не понимаю, почему я не могу пить с тобой кофе, хотя и знаю, кто убийца. Кстати, благодаря тебе.

— Мне? Что я такого сделала?

— Я скажу тебе об этом позднее.

Лиз в задумчивости посмотрела на меня, как бы раздумывая, вызвать команду людей в белом или нет. Она попыталась воспользоваться практическим подходом.

— И что ты теперь собираешься делать, после того как узнал, кто убийца?

— Сейчас, насколько я знаю, не думать. Я в этом уверен. Мне сперва необходимо соединить кое-какие вещи. Даже тогда я не смогу доказать то, что мне известно.

— О, Питер, ну скажи, кто это?

— Ни за что в жизни. — Я заплатил за завтрак и встал. — Пошли, дорогая. Мне необходимо доставить тебя домой.

— Какой же ты садист! Я лично никогда такой не была.

Лиз просто разъярилась, но я все равно ничего ей не сказал. Она едва разговаривала со мной, когда автомобиль остановился у «Норт-Дювз», и я вышел. Она захлопнула дверцу и с надменным видом перебралась на место водителя.

— Было очень приятно, мистер Сарджент.

— Мне тоже.

— Чудовище!

И Лиз чуть ли не на задних колесах рванула вперед, бешено скрежеща коробкой передач. Улыбаясь про себя, я вошел в дом. Впереди еще предстоял тяжелый день.

При входе я столкнулся с дворецким, он пожелал мне доброго утра и словом не обмолвился о моем ночном отсутствии. Я поднялся к себе в спальню и немедленно позвонил мисс Флинн.

— Я выполнила поставленные передо мною задачи,— произнесла она канцелярским тоном.— Результаты моих геркулесовых подвигов следующие...— И она изложила кое-какие сведения, причем некоторые из них были довольно важными. Я передал ей, что ожидать меня следует в пятницу днем. Мы еще немного поговорили о делах, и я положил трубку. Затем упаковал свой чемодан, спустился вниз и поставил его в холле. Я не собирался больше оставаться в этом доме.

На террасе, наблюдая за тем, как легкая дымка перерастает в густой туман, сидела мисс Ланг в яркой гватемальской накидке.

При моем появлении она вскочила.

— О, мистер Сарджент, как вы меня напугали!

— Похоже, надвигается шторм,— сказал я, усаживаясь рядом с нею.

Она кивнула. Мы оба посмотрели на море: со стороны исчезающего горизонта надвигались клубы молочного тумана. Стало прохладно и непривычно сыро.

— Какая была прекрасная погода! — с ностальгическими нотками в голосе заметила мисс Ланг.— Похоже, лето кончилось. И как неожиданно!

Мисс Ланг была необычайно бледна. От привычного щебетания о книгах не осталось и следа. Как ни странно, под этими слоями жира и разочарования я смог увидеть стройную фигурку довольно симпатичной женщины.

— Вы любили мистера Клейпула? — спросил я, наблюдая за нею краем глаза.

— Почему вы так думаете?

— Просто интересуюсь всем случившимся, вот и все. Я всегда полагал, что есть факты, неизвестные полиции.

— Думаю, таких фактов более чем достаточно,— резко ответила мисс Ланг.— Значит, я, по вашему мнению, намеренно держу их в неведении?

— В общем-то да. А разве не к этому вы стремились? Помните, вы были против дальнейшего расследования. Однажды во время нашего разговора...

— Да, да, помню. Мне нечего скрывать. Ни для кого не секрет наши отношения с Флетчером. Думаю, если б не Элли, мы бы наверняка поженились. Она держала его. Милдред предприняла попытку и потерпела поражение. Вот и все.

Мы еще долго болтали. Затем я вошел в дом. Все складывалось прекрасно.

Так прекрасно, что становилось страшно.

Поднявшись на второй этаж, я проскользнул в комнату Брекстона. Никто меня не видел. Комнату уже убрали, и теперь она выглядела как обычно. Я проверил замок двери, ведущей в комнату Элли (ключ сменили, потому что первый полиция изъяла как вещественное доказательство). Замок работал нормально. Затем прошел к окну и проверил раму. Как я и ожидал, на подоконнике с обеих сторон были царапины. Длинные прямые

бороздки в истрепанном непогодой дереве. Я осторожно надавил пальцем на раму — она двигалась свободно. Я не успел проверить стекла в других окнах, ибо в тот момент, когда я уже собирался перейти в комнату Элли, в дверях появилась миссис Винринг.

— Мистер Сарджент! — Она вне всякого сомнения была поражена. — Что вы здесь делаете?

— Я... просто кое-что искал, — запинаясь, глупо забормotal я.

— В этой комнате? Даже не знаю, что и подумать, — решительно заявила она, как будто я спер у нее столовое серебро. — Мэри Уэстерн сказала мне, что вы собираетесь уезжать. Я бы хотела переговорить с вами.

— Конечно, конечно.

Мы спустились вниз и прошли в альков гостиной.

— Я все-таки решила провести прием, — сказала миссис Винринг.

Я был удивлен.

— А я подумал...

— Сперва я посчитала, что это будет рассматриваться как дурной тон. Но сейчас думаю, что поздно давать отбой. Все как-то на него настроились.

— Возможно, вы и правы, — согласился я. — К сожалению, боюсь, что не смогу быть вам полезен. Я должен быть в Нью-Йорке в пятницу...

— О, как жаль. Если это связано с вопросом оплаты...

Она, похоже, была смущена моим отказом.

— Нет, нет, дело не в этом. У меня просто накопилась масса работы и... — И я выдал целую серию причин, надеюсь, вполне объяснимых. Настоящую причину, естественно, сказать я ей не мог. Да она и сама скоро узнает.

— Очень жаль. По крайней мере, может, вы сейчас посоветуете, что мне делать.

Я согласился, и мы быстро обо всем переговорили, причем я пытался убедить ее в том, в чем был абсолютно уверен. — Она способна провести рекламную кампанию не хуже других. Миссис Винринг восприняла это довольно равнодушно.

— Спасибо. Постараюсь сделать все возможное. Вы, наверное, слышали, что у меня в последнее время были кое-какие затруднения?

Она устала на меня, желая увидеть, какова будет реакция. Но я и глазом не моргнул. Тогда она продолжила, вполне удовлетворенная моим молчанием:

— Кто-то распустил слух, что у меня финансовые затруднения. Естественно, это не так, и поэтому я решила провести запланированный прием и сегодня утром разослала приглашения.

Вот так-то. Она стала тратить деньги Милдред, еще не получив их. При сложившихся обстоятельствах я не мог ее винить... Такова, видимо, воля Божья.

К моему удивлению, на ланч в сопровождении инспектора Гривза пришла Элли Клейпул. Она была очень бледна и двига-

лась как-то нерешительно. Гривз прямо-таки сиял, но сдержанно, на казенный манер.

— Как приятно всех видеть, — сказал он. — Причем не в качестве официального лица.

— Мы тоже рады видеть вас, мистер Гривз, — вкрадчивым тоном произнесла миссис Вииринг.

Дворецкий разнес шампанское. Все напоминало официальный завтрак.

Рэндан и Элли сидели рядом и почти весь обед шептались, в то время как остальные слушали очередные литературные излияния Мэри Уэстерн Ланг или в молчании поглощали шампанское.

Когда подали десерт, я смог обратиться к Гривзу и незаметно для других спросить:

— Как выглядел нож?

— Нож? — в удивлении переспросил Гривз.

— Ну да. Тот, который нашли рядом с телом Клейпула. Кажется, такой нож называют мастихином. К сожалению, я не имел возможности внимательно его рассмотреть.

— Обыкновенный нож, просто очень острый. Напоминает кухонный, но с костяной ручкой и инициалами Брекстона на ней.

— Инициалы? Так вот в чем дело! Они были видны?

— Да, очень большие буквы. Что у вас на уме, мистер Сарджент? — Он подозрительно посмотрел на меня.

— У меня, вероятно, будет для вас сюрприз.

— Какой именно?

— Настоящий убийца.

Гривз фыркнул.

— Мы его уже взяли, и нечего расшатывать лодку. У нас достаточно неприятностей и без вас. Элмер Буш рассказал о ваших методах. Я обещал ему, что если вы попытаетесь...

— Элмер — мой лучший друг, — ответил я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. — Один только вопрос, и все. В воскресенье утром Клейпул сказал, что ездил в театр Джона Дроу на выставку картин. Я случайно узнал, что театр в то утро был закрыт. Следовательно, решил я, он ездил к вам.

— Ну и что, если ездил? — недовольно поморщился Гривз.

— Он приехал в Риверхед и заявил вам, что Брекстон убил свою жену. Я уверен, что введенный в заблуждение районный прокурор строит свое обвинение и свое будущее политическое банкротство на этом визите.

— Мне не нравится ваш тон, Сарджент. — Лицо Гривза налилось кровью. — Но поскольку вам уже так много известно, я признаюсь — да, действительно Клейпул приезжал ко мне и сделал заявление с обвинением Брекстона. Я не думаю, что Брекстон знал об этом... и убил Клейпула, чтобы тот не проболтался. Мне следовало действовать немедленно. Сейчас я это прекрасно понимаю, но тогда я считал, что в доме, где всегда под рукой двое полицейских, ничего плохого произойти не может. Как бы то ни было, все это позади. Никто уже не сможет спасти вашего Брекстона, — произнес Гривз, спокойно сложил салфетку и положил ее рядом со своей тарелкой.

— Он мне не друг, но и не ваша мишень, Гривз.

— Послушайте...

Тут миссис Вииринг вскочила на ноги и пригласила всех в гостиную на кофе.

Мне удалось буквально на секунду оторвать Элли Клейпул от Рэндана.

— Вы еще держитесь?

— В отношении Пола? — Она вздохнула и опустилась на стул. — Даже не знаю, что и думать. Гривз был со мной все утро. Он настойчиво убеждал меня, что Пол пытался покончить со мной, но я не могу... Я просто не верю в это.

— Прекрасно. Доверяйте вашей интуиции. Большого от вас не требуется. Главное, знайте — вы правы!

— Но если Пол здесь ни при чем, то кто же сделал это?

— Тот же человек, который убил вашего брата.

— И вам известно, кто это?

Я кивнул. Она посмотрела на меня. В ее глазах стоял немой ужас. Затем Гривз, видимо, считая, что я запугиваю ценного свидетеля, подошел к нам. Я извинился и удалился.

Выйдя через парадный вход, я решил еще раз обойти дом и зашагал между зонтиками на террасе, печально присматриваясь к серому туману, покрывавшему океан. Это был самый плотный и густой туман, который я когда-либо видел. Расплывчатые контуры зонтиков напоминали сказочных чудовищ. Я взглянул на часы и широким шагом устремился по пляжу в сторону клуба.

Это была странная прогулка. Я видел только в нескольких футах от себя. Если бы не масса прогнивших черных построек, отмечавших начало территории клуба, я бы никогда не сообразил, где нахожусь. Самого здания видно не было, и с его стороны не доносилось ни звука.

У меня было такое ощущение, будто меня запаковали в вату. Ну что ж, сказал я себе, скоро все закончится. Я разгадал тайну, но настроение от этого не поднималось. Чуть-чуть снялось напряжение, но страх остался.

Я медленно двинулся в обратный путь. Шел по самой кромке воды, черневшей на фоне белого песка. Если бы не она, я давно бы уже потерялся, так как нигде не было никаких отметок, только белый песок и серый туман.

Я так рассчитал по времени свой обратный путь, что точно знал, когда буду рядом с «Норт-Дювз». В противном случае у меня оставалась только одна возможность — идти по берегу до самого Монтока, но при этом я не знал бы, где точно нахожусь.

Я был всего в трех минутах ходьбы от клуба, когда передо мной появилась темная высокая фигура. Мы оба остановились у кромки воды. Это был Рэндан, державший в руке мой чемодан.

— Я решил, что вы отправились на прогулку, — дружелюбно произнес он, — и последовал за вами.

— Вы поняли, что я пойду к клубу?

Он кивнул.

— Приятная прогулка, не правда ли? В особенности в туманный день.

— Я люблю туман.— Я бросил взгляд на чемодан в его руке. Ну наконец-то! Я знал, что меня ожидает.— Правда, прогулка не такая уж приятная, если приходится что-то нести.

— Типа вашего чемодана? — с усмешкой бросил он.

— Или вашего дяди.

Улыбка погасла на его лице, черты стали расплываться в белом, густом тумане. Мы стояли на самой границе видимости, а где-то вверху, в ином мире, светило полуденное солнце. Мы походили на двух оставшихся в живых участников трагедии — одни, со своими тайнами и секретами.

На берег накатила волна и залила наши башмаки. Мы одновременно отошли от воды.

Был ли Рэндан вооружен? Этот вопрос постоянно крутился у меня в голове. Если он...

— Вы слишком много знаете,— протянул Рэндан, поставив чемодан на песок.

— Я давно уже догадывался,— произнес я, стремясь, чтобы мой голос звучал как ни в чем не бывало.— Но толку с этого мало, потому что у меня не было никаких доказательств.

Может, стоит нырнуть в туман и пробираться дальше по берегу? Один прыжок, и меня не будет видно. Но если он вооружен...

— Н-да, вы не глупы,— откровенно признался Рэндан.

— Благодарю. К несчастью, вы тоже. Я абсолютно уверен в вашей виновности, но доказательств у меня, к сожалению, нет. Вы заранее все предусмотрели и тщательно обдумали.

— Расскажите, что вам известно, Сарджент.

Вопрос был поставлен спокойно, без всяких эмоций.

— Мне не все известно.

— Все равно расскажите.

Он сунул руку в карман. Я почувствовал смертельный холод: неужели он вооружен? В горле у меня пересохло. Пот катился по лицу. С большим трудом мне удавалось сохранять спокойствие.

— Мне кажется, вы разработали свой план еще в Бостоне, вечером накануне вашего приезда сюда. Вы услышали по радио сообщение об убийстве или скорее о таинственной смерти Милдред Брекстон. Вы знали, что подозрение неизбежно падет на ее мужа. Вам также было хорошо известно об отношениях между Флетчером и Брекстоном. Вы поняли, что вам случайно представился шанс убрать дядю с дороги и свалить все на Брекстона.

— Да, это действительно так. Такая мысль зародилась у меня после того, как я услышал по радио о случайной смерти Милдред.

По голосу Рэндана чувствовалось, что признание доставляет ему удовольствие.

Я кивнул.

— А также из телефонного разговора с Элли накануне вечером. Я думаю, она вам немало рассказала о ситуации, сложившейся здесь. Правда, не предполагал, что она проболтается насчет телефонного разговора. Да, приглашение на уик-энд помогло мне.

— Еще в Бостоне на всякий случай вы приготовили записку, что Брекстон — убийца. Я попросил свою секретаршу выяснить, что было в бостонских газетах в последний день вашего пребывания там. Так вот — никаких сообщений о смерти Милдред! Слишком мало прошло времени. Поэтому вы не смогли найти отдельных букв и написали текст с ошибками. Сперва мне это показалось странным, ведь все местные газеты были полны сообщений о Милдред и Брекстоне.

— Хорошо, хорошо. — Рэндан выглядел довольным. — А я опасался, что полиция сообразит и выяснит, что текст записки составлен из букв различных бостонских газет. К счастью, они были уверены, что Флетчер — ее автор, и даже не позаботились проверить, откуда вырезаны буквы. Ну, а что потом?

— Вы приехали сюда на автомобиле в воскресенье рано утром. Прошли прямо к дому. Полицейские спали. Вы огляделись. В большой комнате нашли мастихин Брекстона с его инициалами на ручке. Его забыла Милдред после ссоры с миссис Вииринг. Вы прихватили его так, на всякий случай. Вы были в кухне... вероятно, копались в распределительном щитке. А тут вошел я... Вот вы меня и ударили.

— Самой удобной домашней вещью — сковородкой. — Рэндан рассмеялся. — Правда, не очень сильно.

— Затем вы выбрались из дома, а открыто заявили туда в тот же день, но значительно позднее. Вы сразу же разобрались в ситуации. Ваш дядя, вне всякого сомнения, рассказал вам о своих подозрениях, о том, что Брекстон, по его мнению, убил свою жену. Он мог даже сказать о том, что сообщил об этом в полицию. Милдред погибла совершенно случайно. Брекстон знал об этом. Все остальные тоже, пока инспектор Гривз, подбадриваемый вашим дядей, не решил выжать из происшествия все возможное. А с вашим дядей он довел игру до совершенства... к несчастью.

— Гривз еще извлечет выгоду. Он уже герой.

Рэндана так и распирало от самодовольства. Значит, я выбрал правильную тактику.

— Верно. Боюсь, Гривз никогда не узнает, что отправил на электрический стул невинного человека.

— Да, не узнает. Никогда, — весело согласился Рэндан. — Никто не сможет сказать ему, что он не прав.

Я сделал вид, что не понял его, но был готов к любой неожиданности.

— Вы организовали два алиби на субботний вечер, — продолжал я, — когда убили своего дядю. Сперва в клубе. А вторым алиби должна была послужить вечеринка у Эвана Эванса, на которой мы с вами столкнулись. Я бы сказал, непредвиденная встреча. Вы договорились встретиться с дядей у клуба примерно в половине первого. Вы отправились на машине, а он пошел пешком по берегу. Встреча произошла на пляже в темноте. Видимо, у домиков. Поговорили. Возможно, пошли в сторону клуба. На каком-то расстоянии от него сели на песок. И неожиданно вы ударили его каким-то предметом...

— Всего лишь камнем.

— Затем оттащили к дому, прекрасно зная, что полицейские будут ковыряться с испорченным щитком, а другие рано отправятся спать. Потом вы перерезали мастихином Брекстона горло своему дяде и перекатили тело под скамейку, оставив рядом с ним нож, который должен был уличить художника. Вы были спокойны, зная, что дружище Гривз с радостью воспримет то обстоятельство, что человек с брекстоновским интеллектом остается рядом с убитым нож со своими отпечатками пальцев и инициалами.

— Очень хорошо, Сарджент. Вы не уловили несколько нюансов, но в целом совершенно правы. Продолжайте.

— Вы направились к клубу, делая вид, что все время болтались где-то поблизости, после пошли на прием к Эвансу. Вы не сделали ни единой ошибки.

Вот я все и сказал. Передо мной было только два выхода: либо исчезнуть в тумане и броситься бежать, чтобы избежать выстрела, либо попытаться перехватить оружие, прежде чем он успеет нажать на курок.

— В конце концов, — сказал Рэндан, — вы единственный человек, с которым я могу говорить открыто. Расскажите, когда вы стали подозревать меня? Ведь никто даже не догадывался.

— Помогла удача. Я сказал вам то, что вам не было известно, помните? Я проболтался, что Элли в момент смерти Клейпула была вместе с Брекстоном. Мне было известно, что убийца, как, впрочем, и другие, об этом не знает. Вы стали действовать немедленно. Элли ни за что не должна прийти в сознание, решили вы. Ее свидетельство спасет Брекстона, а ее смерть сразу приищут ему. Здесь вы воспользовались дополнительной линией обороны, которую на всякий случай приготовили, — финансовыми затруднениями Розы. У нее действительно был очень веский мотив. Вы похитили у Розы носовой платок, чтобы подбросить его в комнату Элли. Это неизбежно должно было впутать Розу в убийство, но то ли вы забыли воспользоваться им, то ли слишком были в себе уверены... В общем, вы вернулись в дом во время смены сиделок. У вас было не более пяти минут. За это время вы должны были впрыснуть Элли стрихнин, который уже позаимствовали из ванной комнаты миссис Вииринг. По крыше веранды вы спокойно прошли в комнату Элли и повернули ключ в двери, ведущей в спальню миссис Вииринг. Это вы вовремя сделали, потому что в комнату уже рвалась мисс Ланг. Вы стали вводить Элли стрихнин, но времени сделать укол нормально у вас уже не было, поскольку мисс Ланг подняла тревогу. Тогда вы открыли ключом дверь в соседнюю комнату, проскочили туда, заперли дверь и через окно вернулись к себе, чтобы затем появиться в коридоре.

— Прекрасно, — перебил меня Рэндан. — Надо добавить только пару деталей. Одна заключается в том, что накануне я положил в наволочку Брекстона ключ от комнаты Элли. Вторая деталь касается окон. Я ослаблял рамы с помощью ножа, думая, что мне никогда не удастся с ними справиться. К счастью, из-за влажной погоды они все искривились и становились на место сразу же, как только их отпустили. В отношении носового платка

вы тоже правы. Я решил воспользоваться им, если Элли поможет Брекстону сорваться с крючка.

— Откровенно говоря, я никогда не верил, что Милдред убита. Вот Клейпул — другое дело. Здесь, как говорится, сомнений быть не может. Но это могло быть убийство «экспромтом», импровизированное прямо на месте, при наличии уже конкретного подозреваемого и обставленное как преступление первой степени... — Я на миллиметр приблизился к нему.

— Приятно разговаривать с вами. — Он сделал шаг назад.

— Правда, возникает вопрос: зачем вы его убили? Это единственное, что я никак не могу понять.

— Деньги. Он был руководителем моего попечительского фонда. Я мог получить состояние в собственные руки только по достижении сорока лет. А мне не хотелось ждать. Это был успешный человек. Я всегда его ненавидел. Когда Милдред утонула, я сказал себе: «Вот твой шанс!» Больше такой возможности мне никогда бы не представилось. И я был просто поражен, насколько легко совершить убийство... Удивительно легко.

Я еще ближе подошел к нему.

— Но, к сожалению, сейчас, — спокойно продолжал Рэндан, — мистеру Сардженту придется срочно покинуть Истхэмптон, оставив багаж и все остальное. К тому времени, когда станет ясно, что вас на Манхэттене нет, Брекстон будет на пути к...

Я изо всех сил ударил его. Раздался выстрел, и мы спешились в смертельной схватке. Пуля, к счастью, в меня не попала. Мы боролись на самой кромке воды. Рэндан ругался, отбивался и дрался, как слабое, но отчаянное животное. Минуту спустя он валялся на песке, глотая воздух губами, почти без сознания. Я поднял его, как куклу, и понес в «Норт-Дюнз». Я нес его тем же самым путем, каким он за три дня до этого тащил бесчувственное тело своего дяди — Флетчера Клейпула.

4

— В приемной находится некая мисс Безземер. — Мисс Флинн посмотрела на меня гранитными глазами. — Она не договаривалась заранее о встрече.

— Тем не менее я ее приму. Бедняжка... Она была втянута в черные дела работорговой банды белых в Джорджии. А теперь я пытаюсь восстановить ее честное имя.

Немой ответ мисс Флинн можно было бы выделить курсивом. Секретарша исчезла. Затем в кабинет влетела Лиз. Лицо ее просто сияло.

— Герой! Душка Питер — герой! Я прочитала в газетах и не могла поверить, что это тот самый парень, которого я знаю... Тот самый Питер Сарджент, который...

Поток слов иссяк, и я позволил ей поцеловать меня в щеку.

— Вот не думала, что ты такой храбрый...

— А...

— И такой правильный!

— Я просто выполнял свой долг, мадам. Мы здесь, в Южном

Онтарио, считаем, что сознание долга вполне достаточно и без зова трубы...

Взгляд ее затуманился.

— По правде говоря,— задумчиво произнесла Лиз,— я его тоже подозревала. Конечно, я не говорила об этом, но у меня было предчувствие... Ты же знаешь, как это бывает. В особенности в тот вечер у Эвансов, сразу же после убийства дяди... У него глаза были слишком близко расположены друг к другу. Кстати, поздравляю тебя! Подумать только, сколько места отвела тебе «Глоуб»! Представляю, как бесится мистер Буш.

— Да-а, он очень переживает.

Мысль о том, как искрошили статьи Элмера, согревала меня. Свой же очерк я поместила в популярном издании «Америкас Нью-Йорк», причем в нем немало места было отведено роли Элмера в собирании доказательств и организации газетной кампании против Брекстона.

— А где сейчас Брекстон? — спросила Лиз.

— Не знаю. Наверное, где-нибудь скрывается. Возможно, потом, когда все уляжется, он женится на Элли.— Я встал и подошел к углу комнаты, где лицом к стене стояла большая картина.— Брекстон, весь в слезах, предлагал мне взять что ни заправшу: деньги, картины... Все. Я попросил вот это.

Я повернул полотно. Там, в победно обнаженном виде, упивающаяся красотой своей золотистой кожи, была изображена Мэри Уэстерн Ланг.

Лиз прямо завизжала от восторга.

— Это мисс Ланг! Не может быть! Ты знаешь, а она была недурна! Грудь, правда, несколько великовата.

— А многим нравится,— сказал я, снова поворачивая полотно лицом к стене.

Вдруг маленькая коробочка у меня на столе зашипела, как мисс Флинн. Я включил селектор.

— На проводе мистер Уил. Он желает переговорить с вами...

Голос мисс Флинн затих. Лиз подошла ко мне и села на колени. Ее ручки шаловливо забегали.

— Кончай!

Таковы были первые мои слова, которые услышал мистер Уил.

— Кончай? — в растерянности произнес он.— Но я еще не сказал ни слова, мистер Сарджент...

— О, это не вам, сэр,— любезно ответил я.— Насколько я понимаю, вы пытались связаться со мной...

— Да, это так. Мне кажется, у меня есть для вас дело. Оно касается Мюриэл Сандоу.

— Мюриэл Сандоу? По-моему, я не...

— Она — моя помощница. Возможно, она вам известна под своим профессиональным псевдонимом. Она выступает в цирке под именем «Пичис¹ Сандоу». Видите ли, этот слон...

**Перевод с английского
СЕРГЕЯ ШПАКА.**

¹ Персик.